

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159.9 (092)
ББК 88
П86

Рецензент

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности
МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАО
В.А. Петровский

Редакционная коллегия:

Лисецкий К.С. (председатель), Шпунтова В.В.,
Березин С.В., Горькая Ж.В., Самыкина Н.Ю., Шапатина О.В.

П86

Психологические исследования: сборник научных трудов. Выпуск 11 /
Под ред. К.С. Лисецкого, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Самарский уни-
верситет», 2015. – 240 с.

Одиннадцатый выпуск сборника содержит статьи, написанные студентами, аспиран-
тами соискателями и преподавателями факультета психологии Самарского государственного
университета. Данное издание включает в себя работы теоретического и эмпирического ха-
рактера, отражающие современное состояние науки в таких отраслях как психология разви-
тия, социальная психология и психология семьи, психология образования и педагогическая
психология, психология личности, клиническая психология, психология личности, практиче-
ская психология и психотерапия, спортивная психология, психология труда и др.

Сборник ориентирован на студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интере-
суется новыми исследованиями в психологии.

ББК 88

Благодарим студентов-выпускников 2014 г. за помощь в издании
сборника, особая благодарность Сергею Белогорцеву!

© Авторы, 2015
© ФГБОУ ВПО Самарский государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ	5
Л.Р. Мухаметзянова, Н.Ю. Самыкина	5
Образ будущего у социально активных молодых людей	5
Н.Ю. Самыкина, Е.Ю. Строганова.....	12
Смена вероисповедания как способ решения экзистенциальных задач взросления	12
И.С. Титков.....	17
Возможности использования транзактного анализа в работе с пожилыми людьми	17
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ.....	22
С.М. Бикмаева	22
Исследования родительско-детских отношений в России и в Казахстане	22
А.С. Власов, Н.Ю. Самыкина	26
Взаимосвязь личностной креативности и командной роли.....	26
О.В. Высочина, Н.Ю. Самыкина	32
Гендерные особенности описания моделей эффективной личности	32
О.О. Давыдова, О.А. Ушмудина.....	37
Взаимосвязь образа отца и самоотношения в период ранней взрослости	37
Н.А. Дубовенко	43
Исследование ожиданий матерей по отношению к детям в семьях с разным экономическим статусом	43
С.В. Зорина, И.А. Фирсова.....	48
Влияние эмоций на идентификацию лицевых прототипов	48
Н.Н. Пытьев.....	57
Анализ типологии мотивации работников коммерческого предприятия	57
Н.Н. Пытьев.....	61
Динамика мотивационного профиля персонала компании	61
А.А. Шалаева, Н.Ю., Самыкина	66
Психологические характеристики представителей поколения Z	66
ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	77
В.А. Астапова.....	77
Проблема подготовки медиаторов в рамках учебного процесса в вузе	77
В.Б. Резникова	80
Исследование особенностей профессиональной мотивации педагога.....	80
В.Б. Резникова	85
Проблема мотивированного поведения в современной психологии.....	85
В.Б. Резникова	90
Профессиональная мотивация педагога	90
КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	95
И.В. Ворожейкин	95
О некоторых аспектах применения кинотерапии в работе с пациентами страдающими психическими расстройствами	95
С.О. Кузнецов, Е.Ю. Строганова	98
Графическая модель формирования психосоматических заболеваний	98
Г.Н. Носачев	102
Роль и место психологического диагноза в клинической психологии и медицине	102
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.....	122
Ж.В. Горькая, С.В. Романенко.....	122
Честность как нравственная ценность личности	122
О.А. Гревцова, Н.Ю. Самыкина	126

Психологические особенности обидчивых людей	126
Н.А. Евченко	132
Исследование отраженной субъектности <i>Другого-Я</i>	133
А.В. Корнилова	138
Об инициативности личности	138
А.В. Корнилова	142
Особенности определения самореализации личности в отечественной и зарубежной психологии	142
А.В. Корнилова	148
Полисистемная концепция самореализации личности	148
Я.С. Рослякова, Н.Ю. Самыкина	153
Особенности структурирования автобиографических текстов у подростков и взрослых	153
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ	159
С.В. Березин	159
Расстановка как кино	159
С.В. Березин, Л.В. Иванова	164
Динамика личности в психотерапевтической группе (на материале кинотерапии)	164
С.В. Крюков	177
К вопросу о дифференциации проявлений феномена психологической зависимости	177
С.О. Кузнецов	180
Возрастное психологическое консультирование в практике семейной психотерапии	180
Е.В. Литягина	183
Психологическое сопровождение женщин с репродуктивными проблемами	183
А.В. Романенко, С.Ш. Романенко	190
Психологические особенности возникновения «Стокгольмского синдрома»	190
И.Г. Труханова, К.С. Лисецкий, В.И. Кириллов, А.Г. Нагога	114
Психологическая помощь пострадавшим в ДТП при политравме	114
О.В. Шапатина	196
Возможности ко-терапевтического взаимодействия в работе с семьей	196
СПОРТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	201
С.В. Крюков	201
Влияние идеомоторной тренировки на повышение эффективности психомоторных действий	201
ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА	205
О.В. Алексеева	205
Влияние системы организационных отношений на особенности эмоционального реагирования сотрудников	205
Я.А. Будник, Н.Ю. Самыкина	210
Особенности мотивации студентов-волонтеров в системе МЧС	210
В.В. Ильина, О.А. Камзина	217
К вопросу о психопрофилактике синдрома эмоционального «выгорания» в педагогической деятельности	217
А.В. Романенко, С.Ш. Романенко	222
О синдроме личностного и профессионального «выгорания» сотрудников правоохранительных органов	222
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	230
Д.В. Оводенко	230
Социально-психологические факторы стратегии развития человеческого капитала	230
АВТОРЫ	236

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Л.Р. Мухаметзянова, Н.Ю. Самыкина

Образ будущего у социально активных молодых людей

В современном обществе принято считать, что молодость – это время, когда человек способен экспериментировать и находить себя. Именно в это время молодой человек получает новые знания, усваивает социальные нормы и ценности и формируется как личность. Всё это ему необходимо для того, чтобы состояться как полноправный член общества. У молодости есть ряд особенностей, отличающих ее от других возрастов.

По своему характеру молодость – это переходная пора между детством и взрослостью. В каких-то вопросах молодежь является вполне зрелой, серьезной и ответственной, а в каких-то – наивной, ограниченной и инфантильной. Несмотря на это молодость является одним из самых важных периодов в жизни человека. Именно в этом возрасте молодой человек социально активен. То, что молодой человек создает во взрослом возрасте, сильно влияет на будущую жизнь. В это время молодой человек стремится максимально реализовать себя в различных сферах жизни общества и государства. Поэтому в нашей работе мы намерены показать, что образ будущего у социально активных молодых людей отличается от образа будущего людей, не принимающих активного участия в жизни общества и страны в целом.

В литературе можно выделить несколько общих характеристик и особенностей возраста от 18 до 30 лет. Именно в этом возрасте происходит осознание себя как взрослой самостоятельной личности с определенными правами и обязанностями, начинается формирование представления о своей будущей жизни, с помощью чего идет выработка личной и неповторимой индивидуальности.

Как правило, в подростковом или в юношеском возрасте человек начинает задумываться над своим будущим. Постепенно он начинает пробовать выстраивать свою траекторию будущего, интересоваться вопросом профориентации и планировать будущую жизнь. Но это происходит спонтанно, методом проб и ошибок и в результате приводит к бездействию и скуке.

Самый важный атрибут юношеского возраста – это умение строить планы на будущую жизнь и первичное самоопределение. Временная перспектива будущего представляет из себя – сознательную мотивацию человека на положительный результат в будущем, на создание которого он должен приложить усилия в настоящем. Она включает в себя планы, проекты, надежды, трудности, которые связаны с отдаленным будущим. Временная перспектива формируется

в детском возрасте и чаще всего спонтанно. Она может формироваться через отношения родителей к ребенку, т.е. через те ожидания, которые родители проецируют на ребенка или через те общекультурные паттерны поведения, которые ребенок усваивает в ходе процесса социализации. После того как временная перспектива сформировалась, она может приобретать мотивирующую силу, которая в последствии может оказать сильное влияние на развитие потенциала личности.

После поступления в ВУЗ молодой человек уже основательно задумывается над своими жизненными планами. Он старается ставить осознанные цели и активно участвует в их достижении. Это обусловлено множеством факторов. Во-первых, это связано с тем, что после окончания школы человек ощущает себя взрослым и ответственным за свою будущую жизнь. Во-вторых, студенческая среда настолько разнообразная и разноплановая, что человек всегда сможет найти единомышленников для достижения своих целей. Поэтому он стремится попробовать себя в различных сферах жизни для того чтобы в будущем выбрать то что сможет обеспечить ему достойную жизнь, а также приобрести определенный социальный статус и овладеть большим количеством социальных связей.

Студенчество – особая мобильная социальная группа, специфических людей, объединенная высшим учебным заведением. Целью ее деятельности является получение профессиональных навыков, освоение социальных ролей в обществе. Она имеет характерные, ярко выраженные черты, связанные с получением профессионального образования. Как правило, именно в студенческом возрасте достигают максимума в своем развитии физиологические, психологические и высшие психические функции, а именно познавательные процессы, эмоции и чувства. По мнению психологов, именно этот период жизни максимально благоприятен для обучения и получения профессиональных знаний, умений и навыков [Ананьев, 1968].

Также, этот период в социально-психологическом аспекте, как отмечает И.А. Зимняя, отличается наиболее высоким уровнем познавательной мотивации, повышенной социальной и коммуникативной активностью, благоприятным сочетанием интеллектуальной, познавательной и социальной зрелости.

Еще одна из особенностей молодости – ее противоречивость, неоднозначность и амбивалентность. Молодость часто называют ранней взрослостью, потому что она имеет двоякий характер. Молодой человек обладает всеми правами на ведение взрослой жизни, но при этом не всегда может в полной мере себя в ней реализовать. Двойственность усугубляется еще тем, что во взрослом возрасте сохраняются те черты характера, которые свойственны подростковому возрасту или социально незрелым людям. Они возникают тогда, когда становятся внутренней позицией личности.

К концу периода молодости (примерно к 30 годам) человек переживает кризисное состояние, некий перелом в развитии, которое связано с тем, что молодого человека не удовлетворяют сложившиеся ранее представления о жизни. Анализируя пройденный путь, свои достижения и поражения, человек понима-

ет, что при уже сложившейся и абсолютно его устраиваемой благополучной жизни его личность далека от идеала, что много времени и сил потрачено совершенно впустую, и что он много чего не сделал из того что нужно было. Именно в этот момент, происходит переоценка своих жизненных ценностей, идеалов, стремлений и немедленный пересмотр своего Я. Человек обнаруживает, что многое он уже не может изменить в своей жизни, в себе.

Самореализовав себя на данном этапе жизни, в период молодости, человек вдруг осознает, что, перед ним стоит новая задача, а именно поиск новых ресурсов внутри себя, адаптация в новых обстоятельствах и условиях жизни, с учетом реальных сил. Этот кризис молодости свидетельствует о том, что он переходит на новую возрастную этап – взрослости. Обратим внимание на то, что кризис тридцати – условное название. Это состояние может наступить и раньше и позднее, ощущение кризисного состояния может наступать периодически на протяжении всей жизни (как и в детстве, отрочестве, юности), так как процесс развития идет по принципу спирали, не останавливаясь. Кризисное состояние человека (в случае нормы, а не патологии) – явление положительное, так как дает возможность для поиска новых ресурсов и способов развития, основу переоценки и построения своей психологической перспективы.

Под психологической перспективой понимается осознанное представление будущего и его возможное прогнозирование. Это зависит от типов личности. Для одних людей будущее связано с построением карьеры и профессиональным выбором. У других с достижением личностных высот и общественным признанием. Для третьих будущее связано с удовлетворением потребностей, таких как семья, дети, любовь, уважение. Эти различия могут быть обусловлены как системой ценностей, так и определенными сферами жизни [Абульханова-Славская, 1987].

Личностная перспектива – это уровень готовности человека к будущему в настоящем, установка на преодоление возникающих трудностей в будущем, а также осознание его неопределенности. Личностная перспектива является индикатором зрелости личности, потенциала и ресурсов ее развития, уровня сформированности способности к организации и планированию своего времени.

Жизненная перспектива – более объемное понятие. Оно включает в себя совокупность обстоятельств и условий жизни, которые могут создавать для личности перспективы для продуктивного жизненного продвижения.

В построении жизненной перспективы большое значение имеет проявление активности личности во всех отраслях жизни. Активностью называют потребность в постоянном выполнении какой-либо деятельности, которая обуславливает мотивы и направление, а также способствует раскрытию уже существующего в человеке потенциала. Важными компонентами активности являются такие качества личности как ответственность, инициативность и самостоятельность. Инициативность проявляется в осознанной активности субъекта по отношению к интеллектуальной и практической сфере жизни общества. Человек, безынициативный является пассивным субъектом. Инициативный человек все-

гда старается активно мыслить, не боится выражать мысли вслух, а также преобразовывать свои мысли в действия. Без активности нет инициативности. Инициатива – это творческий порыв, который толкает личность к активности. Чтобы почувствовать свою жизненную силу, человек должен принять ответственность за каждое свое действие, ощутив себя автором собственной жизни. Для этого ему необходимо адекватно соотносить возможности и уровень притязаний. Только после этого возможно будет выстраивать свою жизненную стратегию. Итогом должно стать осознанная постановка близких и дальних целей.

Жизнь считается осмысленной, когда у человека имеются цели. Радость и уверенность в собственных силах появляются тогда, когда человек способен ставить перед собой цели, преодолевать все трудности на пути к этой цели и получать желаемый результат. Важным является ясное соотнесение целей – с будущим, эмоциональной насыщенности – с настоящим, удовлетворения – с достигнутым результатом, прошлым.

Совокупность осуществленных выборов формирует «прошлое», которое уже нельзя изменить, но можно по-разному интерпретировать, и делать выводы. «Будущее» – это совокупность ожидаемых результатов и усилий, которые предпринимаются в настоящем, поэтому будущее кажется, открыто, а разные варианты ожидаемого будущего имеют разную мотивирующую силу. Ситуация и обстоятельства предоставляют человеку возможность сделать в определенный выбор в настоящем. Он может выражаться как в виде поступка, действия или наоборот бездействия. Основой такого выбора является сформированное представление о смысле жизни или его отсутствии.

В ходе анализа обозначенных идей мы сформулировали предположение, согласно которому формирование образа будущего у активных молодых людей определяется временной перспективой, а именно связью прошлого настоящего и будущего, а также наличием целей и планов на будущее и поведением, направленным на достижение этих планов. В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте 17-30 лет, в количестве 70 человек. Была взята именно такая выборка, потому что возраст 17-30 лет укладывается в границы молодости. В экспериментальную группу вошли молодые люди, активно занимающиеся общественной, политической, волонтерской и творческой деятельностью. В контрольную группу вошли люди, не занимающиеся общественной деятельностью. Для проведения данного исследования были выбраны следующие методы: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж.Крамбо и Л.Махолик, адаптация Д.А. Леонтьева; семантический дифференциал; незаконченные предложения.

Незаконченные предложения составлялись нами самостоятельно, исходя из анализа литературы и цели исследования. Незаконченные предложения выявляли отношения человека к своему будущему, а также связь настоящего и будущего.

Испытуемым предъявлялись следующие предложения:

«Задумываясь о будущем, я ожидаю...»

«Когда я буду старым...»

«Я мечтаю, чтобы в будущем...»

«По сравнению с другими, мое будущее кажется мне...»

«В будущем я обязательно сделаю...»

«Через 5 лет я...»

Оценка достоверности результатов осуществлялась с помощью критерия У Манна-Уитни.

Анализ результатов методики СЖО показал, что люди, занимающие активную социальную позицию, более удовлетворены прожитой частью жизни. Для них прожитый отрезок жизни является более продуктивным, осознанным и эмоционально насыщенным, чем у социально неактивных людей.

Контент-анализ ответов испытуемых на незаконченные предложения показал существенные различия в ответах, связанных с мечтами о будущем, ожиданий от будущего и сравнения с другими.

Приведем примеры ответов молодых людей из экспериментальной группы:

«Задумываясь о будущем я ожидаю, того чтобы всё получилось и стараюсь всё для этого сделать и облегчить свое будущее».

«Задумываясь о будущем, я ожидаю, осуществления целей, изменения себя и преобразования общества и России в целом».

«Я мечтаю, чтобы настоящее осталось в будущем и не пришлось сожалеть о прошлом».

«По сравнению с другими, мое будущее кажется мне определенно правильным, мои приоритеты такие, какие должны быть, и расставлены на правильные места».

«Через 5 лет я буду человеком, которые нашел себя везде, а также осуществлю свои планы и приобрету новые».

Ответы молодых людей из контрольной группы были достаточно типичны:

«Задумываясь о будущем, я ожидаю благополучного хода событий».

«Я мечтаю, чтобы в будущем всё сложилось, так как я себе представляю».

«По сравнению с другими мое будущее кажется мне неопределенным, но вполне привлекательным».

Опираясь на К.А. Абульханову-Славскую, которая предлагает различать психологическую, личностную и жизненную перспективы как три различных явления можно говорить о разной степени выраженности всех этих перспектив у обеих групп.

У экспериментальной группы более выражена личностная перспектива, так как у них прослеживается чёткая линия связи настоящее с будущим, они не боятся предстоящих прогнозируемых трудностей, и стараются более рационально распределять свое время. Для них трудности и преграды являются новым ресурсами для личностного и карьерного роста.

Для контрольной группы более свойственны признаки жизненной перспективы. Для этого группы важны не отдельные эпизоды жизни, моменты, пе-

риоды, а общая картина жизни в целом. То есть, особое внимание социально неактивные молодые люди уделяют личному, семейному благополучию и спокойствию, а не самореализации себя в сфере общественных отношений.

Несомненно, эти две группы объединяет психологическая перспектива. Для всех она важна, но в разных ее аспектах и проявлениях. Для социально активных молодых людей важной стороной психологической перспективы является профессиональный выбор, успешное построение карьерной лестницы, работа именно по специальности, личные достижения и признание обществом как эффективную личность.

Также немаловажно для экспериментальной группы быть полезным для общества и страны в целом. Им важно какой след в истории они оставят. Для социально неактивных молодых людей все эти вопросы отходят на второй план. Для них важны личностные притязания и создание крепких семейных и дружеских отношений. Для них важно реализовать себя в семье, в воспитании детей и внуков. При этом они не забывают о саморазвитии. Они продолжают саморазвиваться, но в какой-то отдельной сфере жизни.

Таким образом, подводя итог, можно говорить о том, что все эти три перспективы присутствуют и в экспериментальной и в контрольной группе. Разница лишь в их выраженности. Понятно одно, что эти две группы объединяет психологическая перспектива, которая предполагает лишь различия в ценностных ориентациях и предпочтениях в сферах жизни каждой из групп.

Проанализировав ассоциации со словом «будущее» с помощью кластерного анализа мы условно выделили несколько групп: Отношения; Карьера; Учеба; Чувства; Личностный рост.

К группе «отношения» можно отнести следующие ассоциации: свадьба, семья, дети, одиночество, старость, новые друзья и др. В группе социально активных молодых людей ассоциации связанные с группой «отношения» высказали 12 человека, а в группе социально не активных-17 человек.

К группе «карьера» относятся: карьерный рост, любимая работа, перемены, деньги, перспектива, власть, достаток и др. В экспериментальной группе ассоциации связанные с карьерой высказали 17 человек, а в контрольной группе – 10 человека.

С учебой в основном связывают диплом, дальнейшее образование и др. В обеих группах ассоциации с учебой высказало 5 испытуемых.

Группа «чувства» является самой многочисленной. В эту группу вошли: интерес, страх, неопределенность, надежда на лучшее, позитив, яркое, мечта, счастье, радость, терпенье, туманное, веселое, жизнерадостное, светлое, теплое, волнующее и др. Особый интерес к группе «чувства» был в контрольной группе. Так, 24 испытуемых высказали ассоциации с этой группой. В экспериментальной группе всего лишь у 15 человек были ассоциации с этой группой.

И наконец, к группе «личностный рост» мы отнесли: успех, саморазвитие, новая жизнь, надежда на лучшее, движение, впереди, прогресс, цель, план, достижения, опыт, новые открытия, новые возможности, осмысленная жизнь и др.

В экспериментальной группе 16 человек высказали ассоциации, а в контрольной – 5.

По итогам анализа ассоциаций можно сделать вывод о том, что у социально активных молодых людей, так же, как и у неактивных, присутствуют все выявленные группы ассоциаций. Но преобладают ассоциации связанные с личностным и карьерным ростом, в то время как у неактивных молодых людей преобладают ассоциации входящие в группу отношения и чувства. Это может свидетельствовать о том, что социально активные молодые люди в большей степени нацелены на реализацию себя в области карьеры. Для этого в настоящее время они активно проявляют себя в общественной жизни общества, тем самым приобретая необходимый опыт, знания и навыки. Социально неактивные молодые люди стремятся реализовать себя в сфере социальных отношений для того чтобы в последствии успешно реализовать себя в сфере семейных отношений.

Итак, мы приходим к выводу, что образы будущего двух групп имеют как сходства, так и различия.

Для социально активных молодых людей образ будущего связан с самореализацией как ценностью и как постоянным процессом, желанием быть успешной личностью и активно влиять на жизнь других людей и общества. Для социально не активных людей образ будущего связан с построением отношений и поиском комфорта и благополучия.

Человек от природы социальное существо, которому необходимо жить и выживать в обществе. Поэтому социальная активность является важным аспектом, который изменяет образ будущего. Это связано с тем, что социальная активность дает ощущение авторства за свою жизнь, чувство полезности и значимости, а также толкает на достижение новых высот и реализацию себя как личности.

Социальная активность позволяет овладевать теми навыками, которые будут полезны человеку в будущем. К таким навыкам относятся: конкурентноспособность, творческий подход к поставленным задачам и возникающим проблемам, налаживание деловых связей, умение работать в команде и интерес к происходящему вокруг.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что полученные результаты можно учитывать при создании социальных проектов, направленных на поддержку одаренной молодежи, а также в области молодежной политики. Дальнейшее исследование может включать изучение механизма формирования образа будущего в ходе включения в социально активные молодежные группы (конструктивного и деструктивного типа).

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни // Под ред. Шороховой Е.В. М., 1987.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.

Н.Ю. Самыкина, Е.Ю. Строганова

Смена вероисповедания как способ решения экзистенциальных задач взросления

В период взросления человек апробирует разные формы поведения, решая задачи своего развития, актуализированные в разнообразных ситуациях и проблемных сферах. В исследованиях процесса взросления не раз указывалось на существование задач взросления, под которыми понимаются «особый вид задач развития, в результате решения которых появляется взрослость как системная характеристика личности, способной к самореализации» [Березин, Лисецкий, Литягина, Самыкина, 2005]. При этом взрослость здесь интерпретируется не столько как социальный маркер, а именно как внутриличностный феномен, который переживается человеком как состоятельность, ответственность, целостность и отражается в жизненной позиции, которую Э.Берн обозначил как «Я ок – Ты ок». Онтологическая укорененность (Р. Лэнг), которую К.С. Лисецкий обозначает как базовый критерий взрослости, развивается в процессе экспериментирования в довзрослом периоде, т.е. в возрасте, объединяющем и латентный, и подростковый, и юношеский возраст [Лисецкий, 2008]. Если же в этот период личности не удастся решить задач взросления, то поиск решения продолжается и в более позднем возрасте, что составляет основу возникновения психологических проблем и затруднений.

Анализ обращений к психологам и психотерапевтам в индивидуальной и групповой форме позволил отметить, что в последнее время значительно увеличилось количество людей, которые сталкиваются с необходимостью выработки своего личного ответа на вызовы общества в сфере веры и религии. На социальном уровне этому способствует и повышение внимания к религиозной сфере жизни общества, и включение религиозных тем в образовательный процесс, и «слияние» государственных и религиозных процессов, и использование религии в качестве воспитательного инструмента в СМИ и публичных процессах. В результатах опроса, проведенного нами в 2013 году на выборке людей в возрасте 20-45 лет, мы отметили, что существует «ощущение давления», «навязывание религиозных представлений» православия, причем субъекта этого давления и навязывания определить очень сложно. Это и государство, и общество, и родители, и СМИ, и сама церковь как институт. Обострению таких переживаний способствовал и судебный процесс по поводу выступления группы «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя.

Нами было отмечено, что ответы студентов и взрослых людей, в большинстве своем, носили формальный характер, особенно в вопросах, касающихся темы религии как явления. Если у подростков понятия «вера» и «религия» являются синонимичными, то у взрослых людей «вера» понимается как индивидуальное переживание и очень личная тема, а «религия» – как общественная форма социальных взаимодействий. Общественные процессы неизменно отра-

жаются во внутреннем мире человека, и опредмечивание темы веры и религии на уровне общественного сознания приводят к обозначению темы веры и религии на уровне каждого человека.

В перечне задач взросления С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина и Н.Ю. Самыкина выделяют также ряд экзистенциальных задач, например, определение отношения к теме смерти, времени, будущего и Бога. И принятие той или иной религии или осознанного (не протестного) атеизма – это одна из сторон решения данной задачи. Как уже было отмечено, нерешенные задачи взросления затем становятся причиной острых внутриличностных переживаний во взрослом возрасте. В связи с этим, встал вопрос об отношении к религии у взрослых людей, и в частности, о мотивах смены веры во взрослом возрасте.

Рассмотрим данное явление с позиции эпигенетического подхода, предложенного Э. Эриксеном.

Идентичность, согласно Э. Эриксону – это «чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям. Чувство обретения, адекватности и стабильного владения личностью собственным Я, независимо от изменений последнего и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, встающих перед ней на каждом этапе развития». Автор считает, что «формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [Эриксон, 2006].

Исходя из выше сказанного, в последнее время на фоне обострения конфликтов, возникающих на национальной и религиозной почве, все чаще становится актуальным вопрос о религиозной идентичности. Согласно А.Н Крылову, «понятие религиозной идентичности целесообразно сформулировать как фиксирование тождественности субъекта в смысле приобретения посредством религии собственного экзистенциального опыта при субъективном осознании своей принадлежности к тому или иному религиозному обществу» [Крылов, 2014].

Если рассматривать религию в философско-этическом смысле, то можно сказать, что это система высших абсолютных ценностей с преданным отношением к ним.

Понятие религии неотрывно связано с понятием веры. По мнению Р.М. Грановской, «религиозная вера – универсальный феномен. Она предполагает следующие основные свойства: полагать свое сердце на Бога, доверять, почитать, любить, одобрять и стремиться к нравственности. «Доверять» акцентирует способность человека признавать религиозную истину, несмотря на отсутствие доказательств и все доводы рассудка. В своей первоначальной форме вера есть чувство. Вера уходит в глубину психики и не может существовать без чув-

ственной окраски, что существенно отличает веру от знания» [Грановская, 2010].

С точки зрения Р.М. Грановской [2010], религия «остаётся живой силой в современном обществе, так как отвечает важной социальной потребности – обеспечению солидарности в обществе и его целостности».

Религиозную идентичность, считает А.Н. Крылов [2014], имеет смысл отнести к виду социальной идентичности в контексте включенности индивида в то или иное религиозное сообщество, а также осознание данным индивидом собственного места в религиозных структурах.

Исходя из позиций социологии, различные исследования рассматривают религиозную идентичность исключительно с точки зрения принадлежности к религии. «Религия, с одной стороны, сама выступает некоторым обеспечивающим осуществление идентификации началом, а с другой стороны, является институтом, можно даже сказать – инструментом, посредством которого человек идентифицирует себя в тех или иных социальных условиях» [Грановская, 2010].

Для ответа на вопрос о мотивах смены религии во взрослом возрасте мы провели исследование, в котором приняли участие 57 человек (20-71 лет), которые в последние 5-7 лет имели опыт смены вероисповедания. Ответы встречались от респондентов, сменивших православие на иудаизм (24 человека) или на мусульманство (4 человека), христианство на баптизм или церковь адвентистов седьмого дня (9 человек), принявшие христианство (католицизм, протестантизм, православие) – 12 человек. Это может быть связано с рядом причин внешнего характера. Во-первых, иудаизм стал более «открыт» как вероисповедание, т.е. для многих людей стало возможным говорить о своей вере и национальной принадлежности, а также некоторая популяризация элементов иудаизма в СМИ и сети интернет. Во-вторых, в обществе мусульманство стало восприниматься как более понятное и принадлежащее к России, а также наблюдается увеличение браков между мусульманами и православными. В третьих, для многих взрослых людей в детстве и подростковом возрасте православие было определено родителями или лицами их заменяющими по национальному признаку, без осознания основ и альтернатив.

Что касается личных мотивов смены религии, мы систематизировали их по нескольким основаниям.

1. Смена религии для замужества. Во многих этнических и религиозных традициях межконфессиональные браки не являются приемлемыми и связаны с дальнейшими конфликтами и отвержением со стороны этнического/религиозного сообщества. В наших результатах такой мотив был свойственен только девушкам, которые делали выбор в сторону вероисповедания мужа. За пределами исследования, однако, остался вопрос о конфликтности/гармоничности этого процесса, т.е. насколько сложным оказался этот выбор для девушек, как он сказался на отношениях с ее родителями и ближайшим окружением.

2. Смена вероисповедания как протестное поведение. На наш взгляд, это и есть вариант «дорешивания» задач взросления, опредмеченных в теме ве-

ры. Если считать критерием взрослости наличие системы внутренней самоподдержки и способность действовать без избыточных вызовов окружающей среды, в том числе, других людей, то такое реактивное (протестное) поведение и является свидетельством продолжающихся экспериментов в обретении идентичности. И у мужчин, и у женщин с таким мотивом ответы имели явно негативную эмоциональную окраску, а ассоциации были связаны с воздействием, догмой, зависимостью, подавлением и влиянием государства. Видимо, тенденции последних лет, когда религиозные институты/организации тесно взаимодействуют с государством, а вопросы, связанные с религией и верой, решаются на уровне государственных, у людей в качестве защитной реакции формируется реакция непринятия и агрессии. Так, встречались ответы, где религия называлась «манипуляцией», «формой подавления», «инструментом управления» и т.д. Особенно это касается православных организаций, в то время как, например, иудейские организации вызывают у людей ассоциации доверия, принятия, уважения, а мусульманские – братства, мудрости, покоя, поддержки и т.д.

3. Смена религии как решение задачи отношения с родителями. С одной стороны, это связано и с тем, что мы отметили в п. 2. С другой стороны, это связано с тем, что многие респонденты выросли либо в межконфессиональных семьях, либо в семьях, где тема религии и веры была если не запретной, то конфликтной. Например, где бабушки выступали за приобщение ребенка к вере, рассказывали о праздниках, читали Библию, водили в церковь, а дедушки открыто говорили о своем неверии и высказывали неодобрение относительно темы вероисповедания. Что касается матерей и отцов, то их отношение к религии, судя по ответам, не может быть однозначно охарактеризовано. Кроме того, в ответах людей, сменивших вероисповедание, чаще всего отмечается, что родители либо были равнодушны (тема не обсуждается), либо не принимали этой смены. Возможно, смена вероисповедания – это и есть попытка решения задачи взросления в отношениях с родителями, т.е. обретения независимости в суждениях, в переживаниях и в базовом миропонимании. Интересно, что в ряде ответов отмечено, что вопросы вероисповедания до сих пор являются предметом споров и непонимания в отношениях взрослых людей и их родителей, даже если смена вероисповедания произошла несколько лет назад.

Респонденты, выросшие в неблагополучных семьях (острые эмоциональные ссоры, развод родителей, жестокое обращение с детьми), испытывают проблемы с однозначным отнесением себя к той или иной религиозной группе и во взрослом возрасте. Возможно, это связано с тем, что данные респонденты до сих пор ищут в себе варианты примирения конфликтных позиций матери и отца, которые не смогли найти в детском или подростковом возрасте.

4. Смена религии как «восстановление справедливости». В основном, это касается тех, кто либо сменил православие на иудаизм, либо принял его, не относя себя ранее к другим религиям. В личных историях, которые мы анализировали, респонденты писали о том, что «долго шли к этому», «стало возможным говорить о своей вере», «всегда чувствовала себя еврейкой», «нашла в книгах то, что мне действительно близко» и т.д. Эти ответы иллюстрируют то,

о чем писали и Э.Эриксон, и исследователи задач взросления: человек находит то, что является приемлемым для него и принятым в его ближайшем окружении.

5. Отдельно мы бы хотели остановиться на ответах респондентов, которые выросли в межконфессиональных семьях. Судя по ответам, процесс выбора того или иного вероисповедания приходился на подростковый возраст и старше. Как правило, выбиралась одна из религий, исповедуемых в семье. Процесс выбора вероисповедания протекал для многих «путем анализа роли той или иной религии в жизни». Для некоторых вопрос отнесения себя к той или иной религиозной группе остается открытым и по сей день. Данные респонденты не могут точно определить, какая культура вероисповедания им ближе и находятся во внутреннем конфликте, выходом из которого может служить отнесение себя к состоянию «вне религий», «над религией». Причем это в большей степени характерно для детей из дружных семей, в которых существуют теплые отношения между родителями и детьми.

В силу религиозных норм, предписанных иудаизмом, в семьях, в которых отцы евреи, а матери не евреи, дети испытывают сильный конфликт: их могут отвергать и родственники отца и официальная религия, так как религиозная принадлежность передается по матери. Выросшие в подобных семьях люди гораздо острее чувствуют свою принадлежность к еврейскому народу, нежели те, кто родился от матери еврейки. Практически все опрошенные респонденты, относящиеся к данной категории, однозначно выбирают для себя иудаизм, довольно резко отвергая официальную позицию данной религии в отношении права называться евреем. Как правило, все опрошенные люди (евреи по отцу) активно изучают традиции и обычаи иудаизма, соблюдая многие законы, празднуя праздники, посещая синагогу. Такая активность сильно отличает данную категорию респондентов от других участников, для которых процесс выбора культуры вероисповедания протекал менее конфликтно. В случае, если человек, рожденный от отца еврея, проходит процесс гиюра (перехода в иудаизм), то внутренний конфликт самоопределения исчезает, но возникают трудности в отношении с родными, так как они оказываются не готовы принимать ортодоксальный образ жизни своего ребенка.

Общим у всех этих групп мотивов является тема поиска внутриличностного баланса, или, по-другому, системы внутренней самоподдержки, обеспечивающей способность личности справляться с задачами, актуальными уже для взрослого возраста. Однако, какой из этих мотивов приводит к результату и каким образом формируется баланс, ответ остается открытым.

Обозначенные в данной статье группы мотивов смены вероисповедания нуждаются в дальнейшем исследовании, и каждый из них представляет отдельное направление для изучения. Сложность исследования заключается и в его качественном характере, т.е. невозможно количественными методами охарактеризовать проблемную область исследования, и в актуальности переживаний, что может отражаться и на характере высказываний. Однако, как писал А. Адлер, выяснение истинности или ложности событий, представленных в текстах,

не является задачей психолога, поскольку, если человек включает событие в свою историю, то оно влияет на его понимание себя, объяснение своего поведения и мотивацию выстраивания отношений с собой и миром.

Мы видим перспективу данного исследования в сравнительном анализе особенностей динамики процесса смены вероисповедания для разработки основ социально-психологической помощи и поддержки людей, которые находятся в состоянии определения для себя «их» вероисповедания, а также людей, переживающих включение в околорелигиозные и психокультурные течения и группы.

Литература

1. *Грановская Р.М.* Психология веры. СПб.: Питер, 2010.
2. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Издательство ИКАР, 2014.
3. *Лисецкий К.С.* Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности // Автореф. дисс. ... доктора психол. наук. М., 2008.
4. Профилактика наркотизма: теория и практика // Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара : Перспектива, 2005.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.

И.С. Титков

Возможности использования трансактного анализа в работе с пожилыми людьми

Ключевые слова: пожилые люди, рекурсия, самоутрата, эго-состояния, трансактный анализ, внутренняя коммуникация, образ Я.

Смещение тематики исследований пожилых людей, как с субъектов экономической активности на исследования, касающиеся внутриличностных переживаний жизни в позднем онтогенезе, открывает ряд новых вопросов в геронтологии.

Появляется устойчивый интерес к новым, с научной точки зрения понятиям «образ старости», «переживание старения», «позитивный потенциал старения».

Утверждению данной парадигмы в геронтологии содействовало появление в зарубежной психологии эвдемонического подхода, в котором решающее место отводится понятиям счастья, психологического благополучия [Ryff, 2000, Deci, Rain, Nuna, 2003]. Подобный подход несет нагрузку философии экзистенциализма (Н.А. Бердяев, Ж.-П. Сартр). Уникальность бытия, как одна из основополагающих идей экзистенциализма, позволяет рассматривать стареющего человека, как систему, для которой формула «бытия во времени» превращается

в «бытие-время», с осознанием необходимости извлечения уроков восприятия (А.К. Секацкий). Социализацию, как целостный процесс можно рассматривать как обретение уникальности бытия.

Осознание столкновения с тревогой и продвижение вперед, является точкой зрелости [Леонтьев, 2014].

Отечественный подход к изучению психологии счастливой старости осуществляется через направление бевотерапии (А.С. Спиваковская), а так же через понятие «акме» (А.А. Бодалев, А.А. Дергач), «психологический витаукт» (В.В. Фролькис, Н.К. Корсакова, О.Н. Молчанова), через психологию жизненного пути (И.С. Кон, К.В.Карпинский, С.Л. Рубинштейн) или через позитивные биолого-психологические черты процесса старения (И.А. Аршавский, О.В. Краснова, А.Г. Лидерс, Н.Ф. Шахматов).

При постоянных локальных успехах исследований на грани биологии и психологии, социологии и психологии, остаются недостаточно изученными аспекты коммуникации, а в особенности - внутренней коммуникации стареющих людей, не регистрируются изменения и лабильность «эго-состояний». Наиболее ценным будет рассмотрение рекурсивных аспектов внутренней коммуникации, необходимых для переживания целостности личности, субъективного благополучия.

Для пояснения возможностей пожилых к саморазвитию в процессе внутреннего диалога или, наоборот, к коллапсированию Я, необходимо ввести понятие рекурсии, описанное Н.А. Евченко [см. Петровский, 1981].

Рекурсия, как термин взят из теории систем, отражающий механизм организации функционирования систем. Рекурсивная организация заключается в возможности самокопирования в определенных условиях и взаимодействии и интеграции копий в свою структуру.

Понятие рекурсии и ее механизм помогают прояснить особенности развития личности в процессе внутреннего диалога. В ходе рекурсивного процесса Я генерирует образ Другого-Я или Я в ситуации, отличной от текущей. При этом Я и Другое-Я отличаются в существенных для субъекта характеристиках [Лисецкий, Березин, Евченко, 2012].

В статье рассматриваются особенности внутреннего диалога пожилых людей, являющихся проживающими геронтологического центра, на примере участия в игре «Монополия».

Ведение наблюдения за особенностями внутренней коммуникации через игру, моделирующую искусственную реальность, обуславливается:

1. Априорной сложностью наблюдений вне новой для пожилых деятельности. Проявления внутренней коммуникации максимальны в новой деятельности в виде мыслей вслух, стратегических отношений в ситуации игры, внешних коммуникативных приемов.

2. Погружением в смоделированную игрой ситуацию неопределенности, вызывающую напряжение и запуск рекурсивного процесса.

Наблюдения за типичной деятельностью пожилых не принесли значимых результатов по причине ряда особенностей взаимодействия пожилых в струк-

туре бюджетного учреждения социального типа. Как правило, жизнь пожилых в подобных учреждениях сильно регламентирована и насыщена запретами. Однако, сталкиваясь с запретами, как символами потенциальной угрозы и проявляя, отражая себя в нарушении человек должен получать опыт положительного переживания, как реакцию на это достижение. Личность выступает здесь как идеальная представленность индивида, как его персонализация, в других людях и в себе самом, как в Другом [Лисецкий, 2007].

Примером служит опредмеченная потребность пожилых – проживающих учреждения – потребность в обсуждении процесса умирания и смерти. Близость физического умирания делает тематику смерти привлекательной для пожилых. Общаясь на темы, связанные со смертью, пожилой подготавливает себя к безболезненному уходу. При этом, тема смерти сильно табуированная обществом имеет еще более запретные черты в стенах учреждений социального типа, что приводит к фрустрации потребностей пожилых людей и переживанию коммуникативного краха.

Отсутствие удовлетворения от своих действий, переживание стагнации Я дает основание рассматривать в качестве проблемы нарушения внутреннего диалога личности [Титков, 2014]. Происходит формирование выученной беспомощности, как следствие утраты социального оптимизма, невозможности быть представленным в себе, как в Другом, а значит использовать позитивные рекурсивные механизмы внутренней коммуникации.

В связи с заданностью негативного сценария в условиях обыденной деятельности и общения пожилых людей, мы решили использовать игру, как способ проявления и манифестации различных эго-состояний через механизмы положительной или отрицательной рекурсии.

Игра проводилась в четыре этапа.

1. Отбор проживающих геронтологического центра по критерию формального желания участвовать в игре. Всего для участия было отобрано 24 человека.

2. Разделение по группам. Были сформированы 4 игровых группы (2 группы – незнакомых между собой пожилых и 2 группы знакомых друг с другом участников). Размер каждой игровой группы – 6 человек. В группе обязательно присутствовали как мужчины так и женщины (в примерно равном количественном соотношении). Возрастные границы участников: 67-74 года.

3. Проведение игры. Игра проводилась с упрощенным набором правил, в первой половине дня, в светлом просторном помещении. Игроки располагались в кругу, наблюдающий находился вне игрового пространства.

4. Опрос участников. Выяснялись переживания пожилых, их отношение к различным игровым моментам.

Предполагалось, что новый формат деятельности, соревновательный аспект, а так же необходимость постоянного поддержания вербальной связи между участниками даст необходимые предпосылки к запуску рекурсивных механизмов внутренней коммуникации, а так же проявит общее представление о наиболее комфортных эго-состояниях пожилых людей.

Так же выдвигался ряд частных гипотез: а) субъективное переживание комфорта в игровой ситуации будет выше в группах с участниками, знакомыми друг с другом; б) победители тенденциозно будут приписывать успех на счет своих компетенций и навыков, занижая роль случайности (например, с бросанием игральных кубиков), проигравшие будут оценивать свои результаты прямо-противоположно позиции победителю.

Результаты. Завершить игру смогли 3 из 4х групп. Группа знакомых друг с другом пожилых не смогла разрешить конфликт игровой ситуации, 3е из 6 участников отказались продолжать игру.

Потеря контроля над игровой ситуацией, получение отражения себя, как слабого переговорщика от других участников обеспечили аутсайдерам игры запуск рекурсии негативного типа, приводящей к разрушительным последствиям. В дальнейшем, при опросе, эти пожилые характеризовали свои переживания во время игры, как тяжелые, негативные, личностно-непереносимые.

Отказ от продолжения игры являлся индикатором нахождения данных пожилых в эго-состоянии капризного ребенка, реагирующего уходом на вызов внешнего мира, угрожающего целостности Я пожилого человека. Пожилые люди совершают попытки моделирования ситуаций раннего детства ради переживания могущества над сильными взрослыми через свою беспомощность.

Эти пожилые переживали в процессе игры состояния, близкие к самоутрате.

Вторая группа, знакомых между собой пожилых, завершила игру, используя в игровом взаимодействии юмор, как защиту от негативного отражения окружающих или как средство непрямо́й агрессии на более успешных игроков. Словесные маркеры участников показательны для эго-состояний родителя и ребенка.

Группы незнакомых друг с другом людей характеризовались использованием коммуникации «поглаживающего» типа.

В дальнейшем участники этих групп описывали свое состояние, как состояние повышенной тревоги и страха, не желая участвовать в переговорах. При формальном участии эти группы пожилых психологически проявлялись как стремящиеся к максимально скорому завершению процесса, самоустранению. Люди из этих групп так переживали негативную рекурсию, истощающую ресурсы личности. Именно эти группы быстрее остальных закончили игру, доведя ее до победы одного из участников. Так же, в игровых ситуациях, связанных с эрзацем финансовых операций, участники этих групп показывали наименьшую аналитическую содержательность. Меньшую, даже в сравнении с группой, не завершившей игру.

Таким образом, гипотезы подтвердились частично.

Исходя из результатов, а так же наблюдений предыдущих лет, можно сделать несколько **выводов**:

1) Личность стареет при стагнации Я. Это напрямую связано с нарушением процесса внутренней коммуникации, когда субъект перестает быть творцом небывалого (К.С. Лисецкий).

2) Отражение Я, как предпосылка роста не проходит по причине хорошей памяти прошлого. Образ мощного молодого Я пожилого человека не интегрируется с отраженным Я – старым и слабым.

3) Негативная рекурсия приводит к смещению пожилого человека в детскую позицию (когда проявление слабости и незрелости ребенка с лихвой перекрывается заботой и любовью окружения). Пожилой в неадаптивной форме Я ребенка просит поддержки у окружения, но эта поддержка, будучи оказанной, не дает роста образу Я, происходит психологическое «поглаживание» процесса разрушения внутренней коммуникации [Титков, 2014].

Особенности работы с пожилыми людьми заключаются в построении модели, в которой будет учтена регрессия (выталкивание пожилых в детство, в беспомощность). Этой цели отвечают элементы трансактного анализа. Необходимо обеспечение механизмов перехода между взрослым родительским и детским эго-состоянием, создание условий восприятия пожилыми отраженной субъектности.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Смысл смерти: На стороне жизни // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. №1. С.40-50.
2. *Лисецкий К.С.* Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. Самара: «Универс-групп», 2007. – 308 с.
3. *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. М, 1981. №1 С. 57-67.
4. *Агафонов А.Ю.* Человек как смысловая модель мира. Самара: Бахрах-М, 2000. – 336 с.
5. *Евченко Н. А.* Отражение субъекта в Другом Я как источник развития личности // Молодой ученый. – 2011. №2. Т.2. С. 48-52.
6. *Лисецкий К.С., Березин С.В., Евченко Н.А.* Роль внутреннего диалога «Я – Другое-Я» в развитии личности // Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9 № 1. С. 76–82.
7. *Сухобская Г.С.* Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики. // Новые знания, 2002. № 4. С. 17-20.
8. *Титков И.С.* Особенности внутренней коммуникации пожилых людей // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. №1. С. 64-66.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

С.М. Бикмаева

Исследования родительско-детских отношений в России и в Казахстане

Проблема взаимодействия взрослого с ребенком занимает в психологии одно из центральных мест, что обусловлено осознанием исключительной роли взрослого в развитии ребенка. Как отечественные, так и зарубежные авторы говорят о значимой роли родителей в жизни ребенка, о специальной подготовке близких к выполнению практических функций, подразумевая, что родитель – лучший педагог для собственного ребенка. В настоящее время широкое распространение получили различные модели помощи родителям по организации эффективного взаимодействия с ребёнком (Т. Гордон, Х. Джайнотт, И.М. Марковская) [5].

Создатели моделей основываются на том, что многие родители достаточно хорошо осознают недостатки своей воспитательной системы, но им часто не хватает элементарной психологической грамотности, чтобы решить свои проблемы. При этом не задается вопрос: «Действительно ли родитель знает своего ребенка?», «Действительно ли он лучший педагог?» и что именно родитель может и должен передать ребенку. Конечно, в какой-то мере своего ребенка знают все родители, однако не всегда это знание является систематичным, полным, и не всегда взрослый руководствуется этим знанием в ситуации взаимодействия.

По мнению Р.В. Овчаровой, понятие «родительское отношение» отражает взаимную связь и взаимозависимость родителя и ребенка, включая в себя субъективно-оценочное и сознательно – избирательное представление о ребенке, которое определяет особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него [7]. У родителей, погруженных в бытовые проблемы, занятых на работе, поглощенных многочисленными обязанностями, часто не остается времени и сил на совместную деятельность с ребенком. Дефицит общения, взаимодействия приводит к отсутствию четких знаний и представлений о психофизических особенностях ребенка, его интересах и способностях, достижениях и неудачах в процессе онтогенеза.

Как отмечает Д.И. Фельдштейн, проблема отношений взрослых и детей в настоящее время приобрела особую остроту и значимость [8]. Стремясь макси-

мально полноценно воспитывать своих детей, современные родители активно передают эту важнейшую функцию в руки других людей (педагогов, психологов), родители снимают с себя многие обязанности и родительскую ответственность за образовательно-воспитательный процесс, в результате часто «атрофируется» их ответственное отношение к детям. При этом резко обострились противоречия между усиливающейся с возрастом потребностью ребенка во внимании и усложнением социальной ситуации, с одной стороны, и непрерывным ослаблением необходимого внимания со стороны взрослых, в том числе родных людей – с другой. Проявляя повышенную заботу об одежде, питании, развлечении своих детей, они не реализуют возможности общения с ними – это приводит к возникновению у детей чувства одиночества, доходящее до отчаяния, растет цинизм, нивелируется уважение к важнейшим человеческим ценностям.

Очевидно, что психическое развитие детей возможно только в условиях полноценного взаимодействия с родителями. По А.Н. Леонтьеву, от детско-родительских отношений зависят не только успехи и неудачи ребенка, в них самих заключены радости и огорчения, они имеют силу мотива [6].

Концептуальная модель взаимодействия родителя и ребенка, основанная на сущностных характеристиках данной категории предложена И.Е. Валитовой и З.Р. Железняковой [1; 4]. При взаимодействии с ребенком родитель выступает как носитель культуры и посредник в ее усвоении ребенком, поэтому по своему определению взаимодействие родителей и ребенка не является взаимосвязью равных участников.

Значимая роль в процессе детско-родительского взаимодействия отводится рефлексивной стороне, которая предполагает формирование образа себя, образа другого и образа ситуации взаимодействия. При этом участник взаимодействия связывает свои воздействия с изменениями, которые происходят в другом, в самом себе и в результатах взаимодействия.

Современные социально-экономические и политические преобразования в обществе способствовали процессу обращения человека к опыту своего народа, национально-психологическим истокам. Проблема учёта особенностей национальной психологии в функционировании и развитии семьи является актуальной для изучения современными социальными психологами – исследователями и практиками на международном уровне. Особенно это значимо для стран СНГ, в том числе для Республики Казахстан. Согласно исследованиям казахстанских ученых С.М. Джакупова, М.П. Кабаковой, Н.А. Ладзиной, И.К. Мацкевич, Л.С. Назыровой, З.Ж. Жаназаровой, М. Елюбаевой и др., с обретением суверенитета в Республике Казахстан, национальные различия стали ярче проявляться на институциональном и бытовом уровнях. Национальные традиции и особенности стали критерием поведения, внешней и внутренней мотивацией, что отразилось и на семейных отношениях.

В настоящее время в изучении семьи и детско-родительских отношений выделяются два краеугольных аспекта – национально-психологические особенности, обуславливающие социально-психологическую специфику детско-родительских отношений и поликультурность пространства стран СНГ, которая

будет способствовать их общности. Исследования, учитывающие этнофактор и фактор единого поликультурного пространства позволят представить более точно современную семью и детско-родительские отношения [2].

Методической основой для исследования этнопсихологических особенностей детско-родительских отношений можно считать совокупность методов и методик, адаптированных к этим задачам, а именно методики, направленные на изучение специфики родительского отношения (методика PARI (Parental attitude research instrument) Е. Шефера и Р. Белла, адаптированный вариант Т.В. Нещерет; методика «Родительское сочинение» О.А.Карабановой и её адаптированный вариант Р.В.Овчаровой; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера; «Опросник родительского отношения» (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина; методика, используемая с целью определения специфики детского отношения (полупроективная методика Рене Жилия.

Для нас представляют научный интерес результаты исследования Е.Г. Грищенко (2011). Исследование проводилось с 2006 по 2010 годы в учебных организациях и психологических центрах г. Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области. В исследовании приняло участие 179 полных казахских и русских семей (84 казахских и 95 русских семей), проживающих в условиях единого поликультурного пространства [3].

Результаты полученные Е.Г. Грищенко в ходе своего научного исследования следующие:

1. Выявлены когнитивные и поведенческие социально-психологические особенности родительского отношения в семейной системе казахов в условиях единого поликультурного пространства. Социально-психологические когнитивные особенности проявляются в установках любви к Родине, семье, друзьям; уважения к родителям и старшим; позитивной направленности в отношении будущей судьбы ребёнка и надежде на него. Характерно положительное восприятие ребёнка обоими родителями (матери воспринимают ребёнка воспитанным; отцы – спокойным, ласковым, умным). Позитивное восприятие себя как родителя у матерей (внимательные, требовательные, понимающие) и негативное – у отцов (занятые, усталые, раздражительные). Поведенческие особенности проявляются в воспитании внимательного отношения и уважения к родителям и старшим. У матерей проявляется гиперпротекция в сочетании с потворствованием, у отцов отмечена недостаточность требований и запретов в отношении ребёнка. Оба родителя видят в ребёнке качества, характерные для противоположного пола. Воспитанием ребёнка в казахских семьях преимущественно занимается мать.

2. Выявлены когнитивные социально-психологические особенности родительского отношения в семейной системе русских в условиях единого поликультурного пространства. У обоих родителей проявляются установки на приобщение ребёнка к труду и индивидуальный подход к его развитию и воспитанию. Ребёнка воспринимают послушным, любящим и уважающим родителей. Себя матери и отцы воспринимают ответственными и обыкновенными («как все») родителями. Матери воспринимают себя заботливыми, справедливыми,

ответственными, но усталыми и раздражительными. У отцов отрицательные элементы в восприятии себя как родителя отсутствуют.

3. Выявлена и описана социально-психологическая общность родительского и детского отношения. Общность родительского отношения на когнитивном уровне проявляется в направленности матерей на эмоциональный контакт с ребёнком, воспитание порядочности и жизненная ценность семьи и ребёнка у обоих родителей. На эмоциональном уровне – в понимании и родительской любви к ребёнку. На поведенческом – в воспитательной неустойчивости у матерей и гипопротекции в сочетании с неоднозначностью позиции в отношении потребностей ребёнка – у отцов. Оба родителя в казахских и русских семьях организуют совместную с ребёнком деятельность. Социально-психологическая общность детского отношения проявляется в восприятии родителей как целостности («четы»), положительном эмоциональном отношении к ним, любознательности и общительности детей.

4. Представлена модель детско-родительских отношений, которая включает две основных составляющих – родительское и детское отношение. Родительское и детское отношение имеют трёхкомпонентную структуру, включающая: когнитивный компонент (родительские установки, особенности восприятия ребёнка и себя как родителя; в детском отношении – восприятие родителей как четы); эмоциональный (родительские чувства, любовь к ребёнку и, соответственно, эмоциональное отношение, и любовь к родителям в детском отношении); поведенческий (особенности и стиль родительского воспитания; особенности поведения ребёнка в семье и за её пределами в детском отношении).

5. Уточнено понятие «семейной системы». Семейная система – это открытая, сложноорганизованная социально-психологическая и динамическая целостность, обладающая взаимосвязанными и взаимообуславливающими временной («жизненный цикл семьи»), пространственной (структура), энергетической (функции и границы семьи) и информационной (целостный образ семьи) характеристиками. Основой семейной системы является определенная общность её отношений.

Исходя из вышеописанных теоретических положений, можно утверждать, что процесс детско-родительского взаимодействия в казахских и русских семьях имеет ряд этнопсихологических различий в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах. Общим можно считать положение о том, что детско-родительские отношения будут оказывать влияние на представление родителей о ребенке, о себе как родителе, а также представление о своей роли в жизни ребенка, то есть значимым становится то, на что ориентируются родители в процессе взаимодействия. Поскольку, вступая во взаимодействие с ребенком, родители руководствуются разными мотивами, то это задает разный образ ребенка, который впоследствии определяет всю структуру совместной деятельности.

Литература

1. *Валитова И.Е.* Концептуальные основы взаимодействия взрослого и ребенка // Проблема взаимодействия в исследованиях философов, психологов, педагогов. Брест: БрГУ, 1997.
2. *Грищенко Е.Г.* Этноспецифика родительского отношения как основной составляющей детско-родительских отношений в русских и казахских семьях // Вестник КАСУ №5, 2009.
3. *Грищенко Е.Г.* Социально-психологические особенности детско-родительских отношений в семейных системах казахов и русских в условиях единого поликультурного пространства / Автореферат на соиск. уч. степ. канд. псих. наук по ВАК 19.00.05. М., 2011.
4. *Железнякова З.Р.* Организация взаимодействия взрослого с ребенком в педагогическом процессе детского сада // Проблема взаимодействия в исследованиях философов, психологов, педагогов. Брест: БрГУ, 1997.
5. *Ковалев С.В.* Психология семейных отношений. М.: Педагогика, 2001.
2. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. Т 2. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Педагогика, 1983.
3. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. М.: Издательство Института Психотерапии, 2003. – 319 с.
4. *Фельдштейн Д.И.* Феномен Детства и его место в развитии современного общества // Мир психологии. № 1, 2002.

А.С. Власов, Н.Ю. Самыкина

Взаимосвязь личностной креативности и командной роли

Групповая работа является одним из наиболее популярных и эффективных способов управления поведением человека и формирования желаемого поведения. Групповая работа разнообразна по своим целям, формам, методам, подходам и сферам применения. Это и обучение, и психокоррекция, и психотерапия, и прикладные исследования (например, фокус-группы), и бизнес-тренинг, и социально-психологический тренинг, и т.д. Уже много лет подряд для создания эффективно работающих групп активно используются тренинги формирования команды, или team-тренинги. При этом специфика таких тренингов такова, что, во-первых, в процессе работы уделяется большое внимание формированию общего группового (командного) сознания, мышления и настроения, а во-вторых, она развивает у каждого участника способность действовать в условиях команды.

Кроме того, успешное применение командообразующих методов привело к появлению спроса на использование данных методов при решении задач с высокой долей неопределенности или задач, связанных с производством новых интеллектуальных продуктов и решений. Об этом свидетельствует и широкий

спектр различных мастерских и тренинговых программ для повышения уровня креативности, и спрос на креативных людей и рабочие группы на рынке труда.

Изучение команды широко представлено в трудах зарубежных и отечественных психологов, таких, как К. Левин, М. Белбин, М. Форверг, Ю.М. Жуков, Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская, Т.Ю. Базаров и др. Под командой подразумевается небольшая группа людей со стандартами взаимодействия и функционально-ролевой специализацией, стремящаяся к общей цели.

В зависимости от командной истории, выделяют два типа команд: во-первых, это постоянные, «рабочие» команды, обладающие опытом совместной работы и включающие лидера-руководителя и подчиненных; а во-вторых, специфические, только что организованные, благодаря организационным структурным изменениям, слияниям, задачам [Барышева 2004]. Эти типы иногда называют собственно командой и проектной группой.

Отличие проектной группы именно в том, что она собирается под конкретный проект и по его завершении распадается. В то же время, опыт практической работы множестве проектных групп показывает, что при успешном взаимодействии проектная группа может стать командой, направленной на поиск новых целей и форм их достижения. Такие варианты взаимодействия часто встречаются в научных, политических, социокультурных сферах организации деятельности [Базаров, Шевченко, 2010].

Ключевыми характеристиками для команды являются наличие цели или задачи деятельности и четкая дифференциация деятельности, которая обычно выражается в социальных ожиданиях, или ролях.

Отметим также, что членам команды свойственна высокая степень владения рядом некоторых компетенций, а именно: а) техническими или функциональными умениями (чем шире диапазон таких умений у людей, тем успешнее действует команда); б) умениями принимать решения и решать проблемы (причем на начальной стадии жизни команды такие умения могут быть лишь у части ее членов, остальные развивают их в процессе работы); в) интерперсональными умениями (речь идет об умениях строить отношения с другими людьми, эффективно используя разнообразные коммуникативные средства) [Михеев, 2003].

По мнению М. Долгова и коллег, модель команды (она называется 5F) включает в себя 5 основных элементов, каждый из которых несет свой значимый вклад в общий командный эффект. Этими элементами являются цель, взаимодействие (дифференциация деятельности), состав (психологические особенности и настроения участников), лидер и внешняя среда. Недостаточное внимание к внешнесредовым факторам, как отмечают авторы, может привести к снижению эффективности деятельности команды, поскольку команда должна быть сосредоточена не только на достижении целей, уже обозначенных и принятых, но и на понимании возможных препятствующих или помогающих условий. В этом смысле команда является живой системой, находящейся в активном обмене энергией, веществом и информацией с другими живыми системами [Долгов; Долгов, Зверев, Нефедов].

Согласно модели 5F, вектором, объединяющим участников группы как индивидов и взаимодействие как распределенную деятельность, является командная роль. Действительно, структура взаимодействия и осознание личного вклада закрепляются в командных ролях, которые представляют собой совокупность ожиданий от поведения человека в рамках существования группы (команды). Большинство классификаций командных ролей подразумевают двойственность поведения: решение задачи и поддержка отношений.

По определению, роль – это динамический аспект статуса, это поведение, ожидаемое от лица, занимающего определенную позицию в группе. Таким образом, помимо социальной роли (которая существует во внешней среде), каждому человеку, входящему в команду, дается еще и роль члена группы, которую также характеризует определенная поведенческая модель, выстроенная в соответствии с командными целями и особенностями. Т.е. роль может быть делегирована со стороны группы или же выбрана самим участником при контакте с окружающими.

Наиболее известным исследованием, где были изучены именно командные роли, является работа, проведенная М. Белбином. Он исследовал командную работу с точки зрения присутствия в ней необходимого набора командных ролей, каждая из которых имеет свой функционал и вклад в общую командную деятельность.

М. Белбин считал, что команды, где есть весь набор необходимых ролей, работают эффективнее, чем те команды, которые не имеют этого набора, даже если в нее включены более способные и компетентные люди [Белбин, 2003 а; 2003 б] Эти восемь ролей условно были названы так: реализатор, координатор, творец, генератор идей, исследователь, эксперт, дипломат, исполнитель (существует несколько вариантов переводов). По мнению М. Белбина, каждый человек способен исполнять ту или иную роль, и в этом заключается командный эффект.

Представление о том, что каждая роль может быть исполнена каждым человеком стало основой для ряда исследований, связанных с психологическими особенностями членов команды, реализуемых в командном взаимодействии.

Так, в кандидатской диссертации Ю.А. Михеева была проведена диагностика индивидуально-психологических характеристик, связанных с той или иной ролью. Было получено, что есть роли, которые не могут быть одновременно исполнены одним и тем же человеком. Это, например, роли реализатора, дипломата и эксперта, в отличие от вполне комплиментарных – дипломата и координатора. Кроме того, Ю.А. Михеевым были отмечены незначительные расхождения в результатах, полученных на отечественной и зарубежной выборках, что означает существование внекультурных механизмов функционирования команд [Михеев, 2003].

В той же работе Ю.А. Михеевым описаны 3 шкалы, по которым можно изучить ролевое поведение участников команды: 1) слабые полномочия – сильные полномочия, 2) ориентация на задачу – ориентация на отношения, 3) ориентация на изменения – ориентация на стабильность. Автор утверждает, что эти

измерения помогают человеку варьировать роли и стили внутрикомандного взаимодействия, тем самым обеспечивать эффективность деятельности команды [Михеев, 2003].

М. Белбин считал, что каждый участник вносит свой вклад в командную работу, и во многом это определяется и характером цели, которую достигает команда. Процесс командообразования и командного функционирования тесно связан с продуктивной деятельностью, т.е. с поиском новых способов решения задач с разной степенью определенности и известности. При достижении цели, которая находится за границами опыта команды, необходимо более активное и креативное взаимодействие членов команды.

В нашей работе мы поставили задачу изучить связь командной роли и личностной креативности как устойчивой личностной характеристики, проявляющейся в мышлении, общении, чувствах, различных видах деятельности. Различные ситуационные и индивидуальные составляющие вместе образуют единую систему личностной креативности, которая находит свое выражение в индивидуальной и групповой деятельности.

Однако, следующие факторы могут снижать способность команды к творчеству и эффективному взаимодействию: неограниченное господство лидера; воюющие подгруппы; неравное участие и неэффективное использование групповых ресурсов; жесткие или нефункциональные групповые нормы и процедуры; наличие ригидных защитных позиций; отсутствие творчества при решении проблем; ограниченная коммуникация; разногласия и потенциальные конфликты [Кипнис, 2004].

Исследования М. Белбина показали, что объединение людей с развитыми лидерскими навыками не всегда приводит к эффективному командному взаимодействию. Это происходит потому, что лидеры могут быть лидерами только в ситуации принятия группы и наличии в этой группе людей, способных быть ведомыми и исполнительными. Таким образом, в команде должны встречаться различные типы ролей, которые определяют различные стили взаимодействия с участниками и достижения цели. Встречается также мнение, что члены команды наиболее продуктивно сотрудничают друг с другом, если они решают те задачи и исполняют те роли, которые соответствуют их образу самих себя или отдельных составляющих этого образа.

Основываясь на этом, можно говорить и о том, что при выполнении творческих заданий в командах или проектных группах наличие у всех участников творческих способностей не является залогом того, что задания будут выполнены на высоком уровне. Это происходит потому, что креативность не всегда связана с практичностью, стабильностью в достижении результата и критичностью по отношению к себе. Мы предположили, что креативность личности проявляется во внутрикомандном взаимодействии посредством проигрывания командных ролей, причем людям с высоким уровнем личностной креативности свойственны такие роли, как «генератор идей», «творец», «дипломат».

Исследование проводилось на базе Самарского государственного университета, а также в ходе работы научно-практической конференции «Психея-

форум». Исследование проводилось в учебное и во внеучебное время, по предварительному согласию участия в эксперименте. Цели и задачи эксперимента объяснялись после тренинга и заполнения методик, тогда же происходило обсуждение вопросов и мнений по теме исследования.

В исследовании приняли участие 94 человека в возрасте от 18 до 40 лет. В общей сложности было проведено 8 тренинговых занятий, количество участников на каждом тренинге составляло от 10 до 18 человек.

Исследование проходило с помощью следующих **методов**:

1. Тренинг командной креативности.

Тренинг включал в себя два компонента – командообразование и решение задач, связанных с креативностью.

Продолжительность тренинга варьировалась от 2 до 3 часов, в зависимости от организационных условий и количества участников в группе.

2. Диагностика личностной креативности и ролевых характеристик.

Диагностика проводилась с помощью методики М. Белбина, групповой оценки личности (ГОЛ), составленной нами на основе типологии ролей М. Белбина, и стандартизированного теста П. Торренса, адаптированного Е.Е. Туник «Диагностика личностной креативности».

Были получены следующие **закономерности и тенденции**.

По 6 ролям существует разница в своей интерпретации и групповой оценки ролевого поведения. Т.е. только роли «исполнитель» и «исследователь» одинаково оцениваются и человеком, и группой. Это говорит о том, что в командной работе активно проявляются люди, способные найти новые варианты решений и новые ресурсы, компетентные в установлении позитивных контактов и поиске новой информации. Также группа легко идентифицирует исполнителей – людей, способных довести начатое дело до конца и исправлять ошибки, допущенные другими участниками команды. Кроме того, эти роли наиболее высоко оцениваются по методике ГОЛ, а значит, являются в командной работе наиболее ценными и функциональными.

Интересным является факт, что роль творца группой оценивается как наименее значимая (правда, на уровне тенденций). Наличие этой роли в группе необходимо скорее для поддержания общей командной структуры, чем для реального решения творческих задач.

Наиболее информативными оказались результаты связи роли «генератор идей» с другими исследованными шкалами. Так, групповая оценка роли «генератор идей» значимо коррелирует с общим показателем креативности ($r_s = 0.315$ при $0.21 < p < 0.27$), шкалой любознательности ($r_s = 0.256$), шкалой склонности к риску ($r_s = 0.222$) и шкалой воображения ($r_s = 0.215$). В то же время роль «генератор идей» не связана со сложностью ($r_s = 0.189$). Видимо, в группе продуцирование идей не предполагает дальнейшего их воплощения, поскольку данные команды формировались ситуационно и не предполагали дальнейшего развития и общей деятельности.

По опроснику М. Белбина роль «генератора идей» набрала не высокие суммарные показатели, т.е. люди не обозначали эту роль как свойственную се-

бе. Возможно, это связано с тем, что происходило огруппление мышления в командной работе и, как следствие, «лишение авторства» при генерировании идей и решении задач. Аналогичные процессы характерны, например, в ситуации группового штурма, причем здесь «лишение авторства» признается условием наиболее эффективного творческого процесса.

Роль «дипломата» не связана с личностной креативностью, несмотря на свойственную им гибкость и адаптивное поведение. Их настрой на поддержание отношений и командность создает основу для позитивного отношения со стороны других членов команды, но не предполагает их значимость для команды в плане решения задач, связанных с креативностью.

Наиболее «популярными» ролями по тесту М. Белбина оказались роли «координатора» и «реализатора», т.е. роли, связанные с достижением командной цели и распределением ответственности. Возможно, это связано с тем, что опросник заполнялся непосредственно после тренинга командной креативности, в котором одной из задач являлось создание такой атмосферы, где личные интересы и достижения значимы меньше командных.

Активная коллективная работа снижает актуальность отдельных творческих представителей и повышает значимость ролей, направленных на координацию процессов и взаимодополняющие решения (роли «координатор» и «реализатор»). Видимо, в командном взаимодействии является важным общий творческий процесс, а не поддержка одного или двоих «творцов», выполняющих всю работу.

Успешность команды связана с тем, насколько ясны и определены границы между ее участниками, и насколько они понимают эти границы. К тому же, работоспособность команды определяется тем, насколько сбалансированы притязания на власть ее членов. Равновесие возникает в том случае, когда участники претендуют на власть отличными друг от друга способами, в разных ситуациях и в разное время. В этом заключается феномен «динамического лидерства» [Бушуев, Морозов, 2000] или же «распределенного лидерства». [Базаров, Базарова, 2007] Об этом говорили также и Дж. Катценбах и Д. Смит. По их мнению, управление командой в зависимости от особенностей цели и наличия ресурсов может переходить от одного человека к другому [Вачков, 2000].

Залог успешной команды и один из этапов формирования успешной команды лежит через идентификацию себя с целым, с командой, то есть человек становится не так важен отдельно, нежели группа с этим человеком.

Такой феномен часто встречается в рабочих командах, где групповое снятие ответственности создает благоприятную почву для отчуждения собственного авторства. Однако там где теряется авторство, теряется личностная креативность, поэтому больше ответов на вопрос взаимосвязи креативности и командной работы можно получить, исследуя ситуативную креативность и, например, эффект фасилитации.

Литература

1. *Базаров Т.Ю., Базарова К.* Возможно ли распределенное лидерство? // Национальный психологический журнал. 2007. № 2.
2. *Базаров Т.Ю., Шевченко Ю.С.* Новый тип личности посткризисного периода // Управление персоналом, №3, 2010.
3. *Барышева Т.А.* Креативность. Диагностика и развитие: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
4. *Вачков И.В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М., 2000.
5. *Белбин Р.М.* Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач. Нипро, 2003 а.
6. *Белбин Р.М.* Типы ролей в командах менеджеров. Нипро, 2003 б.
7. *Бушуев С.Д., Морозов В.В.* Динамическое лидерство в управлении проектами. К.: УАУП, 1999.
8. *Долгов М.* Тренинг командообразования: как миф и как реальность (Библиотека портала «TeamLab» <http://teamlab.ru/>).
9. *Долгов М., Зверев С., Нефедов А.* Тренинг формирования команды как метод повышения эффективности организации (Библиотека портала «TeamLab» <http://teamlab.ru/>).
10. *Кипнис М.* Тренинг креативности. М., 2004.
11. *Михеев Ю.А.* Стили работы в команде в условиях различных организационных культур трудовых коллективов // Автореферат дис... канд. психол. наук. СПб., 2004.

О.В. Высочина, Н.Ю. Самыкина

Гендерные особенности описания моделей эффективной личности

Темы, связанные с особенностями пола человека и природой психологических различий между мужчинами и женщинами, всегда вызывали интерес исследователей и были наиболее обсуждаемыми и наиболее спорными в обществе. Вопрос о соотношении физиологического и социального в формировании этих различий остаётся открытым. Большую роль в процессе взаимодействия и восприятия людей играет атрибуция – процесс приписывания причин поведения другого человека. Следствием этого процесса является наличие широко распространённых стереотипов по отношению к представителям своего и противоположного пола.

В нашем исследовании рассматривается категория эффективности личности. Термин «эффективная личность» принадлежит в большей степени предметной области прикладной и практической психологии и под ним понимается наличие у человека каких-то специальных навыков и умений, нежели наличие у него определённых черт личности, делающих его эффективным. На тренировку

этих навыков и направлены тренинги «личной эффективности», которые сейчас пользуются большой популярностью.

Под эффективной личностью мы понимаем человека, успешно реализующего свои жизненные цели и решающего задачи своего развития.

Гендер можно определить как «социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических различий, а от социальной организации общества» [Кон, 2004]. Можно сказать, что гендер – это система представлений о биологическом поле. В свою очередь биологический пол — это совокупность анатомических, физиологических, биохимических и генетических характеристик, которые отличают мужской организм от женского и могут применяться по отдельности или в комплексе для идентификации и различения мужчины и женщины.

В нашем исследовании мы решили изучить, существуют ли именно личностные черты, присущие эффективным людям, и являются ли эти черты различными для мужчин и для женщин.

По итогам анализа литературы можно выделить следующие виды эффективности:

1. Жизненная эффективность – способность и умение человека двигаться по своему жизненному пути, создавая зону своего комфорта, в соответствии со своими ценностями и приоритетами.

2. Эффективность в достижении поставленных целей – это способность человека ставить перед собой и решать конкретные профессиональные или жизненные задачи. Здесь важна мотивация, компетентность, уверенность в себе. Так важно наличие практических навыков целеполагания, планирования, тайм-менеджмента. В основном на этот тип эффективности и направлено большинство популярных сейчас тренингов.

3. Ситуационная эффективность – умение действовать в различных ситуациях, приспособляемость, гибкость.

В большинстве случаев в публикациях отечественных и зарубежных авторов «эффективная личность» включает в себя ряд навыков, которые и делают человека эффективным. Различные тренинги личной эффективности вырабатывают такие разнообразные навыки, как целеполагание, тайм-менеджмент, навыки по построению успешной вертикальной карьеры. На некоторых тренингах учат уверенности в себе, на других – как предупредить профессиональную деформацию и эмоциональное выгорание.

В нашем исследовании мы изучаем, существуют ли именно личностные черты, свойственные эффективному человеку, и являются ли эти черты различными для мужчин и для женщин.

На основании анализа идей таких авторов как Т.В. Бендас [2002], Ш. Берн, С. Бэм, И.С. Клецина [2004], И.С. Кон, мы предположили, что модели эффективности для мужчин и женщин будут иметь значимые различия, поскольку различаются и социальные ожидания относительно типично мужской и типично женской функции. Несмотря на унификацию отдельных паттернов поведения и изменение общественных установок в понимании «возможного-

запретного» и «приемлемого-недопустимого» для мужчин и женщин, в сознании людей остаются представления о тех сферах, где большую активность и эффективность будет иметь человек определенного пола.

В частности, мы предполагали, что в женской модели будут представлены качества, необходимые для выполнения ею своей традиционной экспрессивной роли – привязанность, понимание других, теплота. Также женщина будет считаться склонной к компромиссам, чем к отстаиванию своей точки зрения. Возможно, женщина будет менее обособленной по сравнению с мужчиной.

Для мужской модели мы предполагали наличие таких качеств, как доминирование, отстаивание своих интересов и точки зрения. Возможно, он больше склонен к самоуважению, чем к уважению других людей. Он будет обладать меньшей эмоциональностью по сравнению с женщинами и будет более эмоционально стабилен.

Исследование состояло из трёх частей. В первой части респондентам предлагалось заполнить Пятифакторный личностный опросник от лица эффективной личности. Инструкция звучала следующим образом: «Как Вы себе представляете эффективную личность? Какая личность по-вашему мнению эффективна? Как она действует в тех или иных ситуациях, как ведёт себя, как взаимодействует с окружающими? Представьте себе такую личность и именно от её лица ответьте на нижеприведённые утверждения. Возможно, вы знаете такого человека, которого могли бы назвать эффективной личностью. В таком случае попробуйте представить, как бы он ответил на эти вопросы».

Во второй части исследования респонденты заполняли опросник Сандры Бэм по определению маскулинности/феминности, на основе результатов которого мы определяли *психологический* пол каждого испытуемого и далее по этому критерию и разделяли выборки для анализа различий.

В третьей части исследования были взяты психологические характеристики из Большой пятёрки, и респондентам было предложено сделать выбор, кому, в большей степени, присуща та или иная черта – мужчине, женщине или им обоим в равной степени.

Это позволило нам построить модель эффективной личности на основе субъективного мнения респондентов и сравнить её с моделью, полученной на основе первой части исследования.

Выборку исследования составили 207 человек: 144 женщины и 63 мужчины в возрасте от 17 до 52 лет.

При обработке результатов в качестве метода математической статистики использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Анализ результатов опросника С. Бэм выявил, что 160 человек (77% выборки) обладают андрогинным типом личности, 31 человек (15%) феминным и 17 человек (8%) маскулинным. Ярко выраженных феминных и маскулинных типов мы не выявили, но были выявлены несколько феминных мужчин и маскулинных женщин.

Анализ полученных моделей эффективной личности благодаря заполнению опросника Большой пятёрки от лица эффективной личности в первой ча-

сти исследования свидетельствует о наличии единственно статистически значимого различия по признаку «привязанность – обособленность». Феминной модели присуща привязанность, а маскулинной – обособленность.

Мы считаем, что это является следствием различной ориентации на способ решения задачи и на деятельность в общем – женщины более ориентированы на межличностные отношения, а мужчины – на результат и решение задачи. Т.В. Бендас описывала метаанализ лабораторных исследований, проведённый зарубежными учёными, который показал превосходство мужчин в решении тех задач, которые требовали ориентации на задачу, и превосходство женщин в решении тех задач, где требовалось принять групповое решение [Бендас, 2002].

Также возможно причина в том, что общество и стереотипы предоставляют мужчинам большую свободу выбора и поощряет индивидуализм. Женщине же предписывается ориентация на интересы и ценности других людей, на них возложена функция обеспечения положительного эмоционального климата в семье.

Общая же модель эффективной личности получилась следующая (характеристики представлены в порядке убывания выраженности). Ей присуще доминирование, экстраверсия, настойчивость, ответственность. Она обладает самоконтролем, расслабленностью, эмоциональной сдержанностью, артистичностью и экспрессивностью. Имеет склонность к активности, проявлению чувства вины, аккуратности, самоконтролю, предусмотрительности, самодостаточности и любопытству.

Было выделено несколько черт, характерных только для феминной либо маскулинной модели.

Так, феминная модель характеризуется теплотой, что, в принципе, подтверждает сделанный выше вывод о направленности женщин в сферу межличностных отношений, и именно это качество помогает им устанавливать доверительные отношения с окружающими.

Маскулинной модели присущи характеристики соперничества, беззаботности и эмоциональной комфортности. Последние две характеристики свидетельствуют о большей эмоциональной устойчивости и самодостаточности.

Полученная единая модель свидетельствует о существующей в современном мире тенденции к андрогинии. Она также подтверждается тем, что по результатам опросника С. Бэм 77% выборки обладает андрогинным типом личности. Эту тенденцию стоит понимать не как унификацию и смешение полов, а как подвижность и адаптивность современного человека. В зависимости от ситуации о стоящих перед ним задач, человек может выбирать и менять своё поведение, а не ограничивать себя моделями поведения только одного гендера. Эта тенденция также свидетельствует о снижении влияния гендерных стереотипов, меньшей жёсткости ролевых моделей и стремлении к индивидуализму.

Также в своём исследовании мы выявили субъективную модель личности на основании ответов респондентов о том, какие черты присущи мужчинам и женщинам. Здесь есть значимые различия между полами. Вариант «Нет разницы между мужчиной и женщиной» при ответе на вопрос о том, какому полу

присуща та или иная черта, ни разу не набрал большинства голосов. Все черты были приписаны мужчине или женщине. Черты, совпадающие с общей моделью, выделены курсивом.

По мнению наших респондентов мужчины *доминирующие*, равнодушные, обладают эмоциональной стабильностью, склонны к *обособленности*. Женщины же общительны, склонны к доверчивости и пониманию других, *аккуратны*, тревожны, имеют тенденции к *артистичности* и *проявлению чувства вины*.

Полученную разницу между «объективной» и «субъективной» моделями можно объяснить силой гендерных стереотипов. На самом деле для реализации жизненных задач мужчины и женщины выделяют для себя единую модель с небольшими отличиями. Возможно, сами задачи различны и сферы использования модели также отличаются, но, тем не менее, они являются намного более схожими, чем кажется людям по их субъективному представлению. Т.е. для того, чтобы действовать эффективно в различных сферах деятельности, мужчины и женщины предпочитают пользоваться единой моделью, однако в своём представлении они считают, что пользуются совершенно разными моделями.

Также нами было проверено предположение о наличии разницы в описании моделей между выборками, разделёнными по признаку биологического пола. Математическая обработка проводилась при помощи t-критерия Стьюдента для несвязных выборок. Значимое отличие выражалось в том, что женщины были названы более ответственными, чем мужчины. Других значимых различий выявлено не было.

В результате была составлена общая модель эффективной личности. Черты, совпадающие с моделью, сформулированной на основании результатов заполнения опросника Большой пятёрки, выделены курсивом. Ей приписывают такие диспозиции, как *доминирование*, *настойчивость*, *ответственность*, *предусмотрительность*, *самоконтроль*, *расслабленность*, *эмоциональная сдержанность*, *артистичность*, *экспрессивность*. Ей также присущи склонность к *активности*, *экстраверсии*, *аккуратности*, *самодостаточности*, *любопытству*.

Небольшая разница между моделями состоит в том, что женщинам приписали большую ответственность, чем мужчинам. Также есть небольшая разница в том, что в той модели «экстраверсия» была выделена как основное качество, здесь она представлена как склонность. А «предусмотрительность» здесь была основным качеством, в той модели она названа как склонность.

Полученные результаты свидетельствуют о существующей в современном мире тенденции к андрогинии. Её стоит понимать как подвижность и адаптивность современного человека. Эта тенденция также свидетельствует о снижении влияния гендерных стереотипов, меньшей жёсткости ролевых моделей и ценности индивидуализма.

Перспективой дальнейшей работы можно называть проведение исследования с увеличением количества респондентов, поиск и устранение факторов, влияющих на достоверность результата. Также возможно уточнение понятия «эффективная личность» посредством использованию проективных методик.

Литература

1. Бендас Т.В. Психология лидерства: гендерный и этнический аспекты // Автореф. дис... докт. психол. наук. СПб., 2002.
2. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
3. Кон И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. №1-2. С. 31-35.

О.О. Давыдова, О.А. Ушмудина

Взаимосвязь образа отца и самооотношения в период ранней взрослости

В современной психологии проблема отцовства мало изучена и является особенно актуальной. В связи с этим нам представляется очень важным актуализировать и исследовать проблему влияния отцовства на развитие личности как ребенка. Среди основных авторов, изучающих данную проблему выделяются Т.Г. Гурко, Жирнова, Э. Берн, Р.В. Овчарова, Д.С. Акивис, Й. Лангмейер, З. Матейчек, А.И. Захаров и др.

Образ отца характеризуется сложной структурой и неоднозначным содержанием. Он видоизменяется в зависимости от пола и возраста ребенка. В отличие от подростков, у молодых людей успешность отца перестает быть определяющей образа отца.

Н.Г. Большакова и А.В. Литвинова считают, что образ отца это восприятие ребенком различий психологических качеств отца, определяющих развертывание его будущей личности [Литвинова, Большакова, 2005].

В.Л. Ситников определяет образ отца как целостную совокупность научных и житейских представлений об отце, формирующихся в сознании человека, регулирующих его поведение и актуализирующихся в процессе взаимодействия с отцом [Ситников, 2001].

В исследовании А.М. Прихожан говорится о том, что дети с высоким уровнем тревоги воспринимают своего отца как требовательного, принимающего, но доминантного и ненадежного [Прихожан, 2000]. О.Г. Калина, изучая образ отца из неполных семей, выявила следующую закономерность – образ отца, имеющий эмоционально теплый характер, коррелирует с эмоциональным благополучием подростков обоего пола [Калина, Холмогорова, 2006].

Модификация образа отца зависит от пола и возраста ребенка. Образ отца складывается вследствие объективных причин (смерть отца) и причин социального характера, таких как развод, загруженность отца работой, отсутствие внимания к ребенку в семье со стороны отца.

Самоотношение изучается как отечественными: В.В. Столин, С.Р. Пантелеев, И.И. Чеснокова, Е.Т. Соколова, И.С. Кон, Н.И. Сарджвеладзе, так и зарубежными исследователями С. Куперсмит, М. Розенбенг.

Самоотношение личности является сложноструктурированным психическим образованием, зрелость которого определяется качеством взаимосвязи и степенью согласованности его составляющих. Сложность строения самоотношения вытекает из многоплановости и глубины жизненных отношений личности.

В эксперименте Б.И. Кочубея показано, что девочки, у которых отец погиб, отличаются малообщительностью, большой дистанцией, застенчивостью; девочки, у которых отец разведен с матерью, соблюдают меньшую дистанцию, проявляют инициативу [Кочубей, 1990].

По мнению В.С. Мухиной отсутствие отца способно повлиять на характер мальчика, формируя у него покорность, беспечность, изнеженность. Поэтому очень общение мальчика со взрослыми мужчинами – дедушкой, дядей, друзьями [Мухина, 2006].

Отсутствие отца в семье является важным компонентом формирования образа отца поскольку у юношей из неполных семей формируются особые паттерны поведения в плане собственного отцовства, которые могут включать в себя как безответственность, так и гиперответственное отношение к собственной роли отца.

На наш взгляд, образ отца тесно взаимосвязан с самоотношением. Образ отца формируется не только на основе реального опыта взаимодействия с родителем мужского пола, преломленного через призму собственного восприятия (субъективное отношение), но и с учетом эталона идеального отца, тех качеств, которыми, по мнению ребенка, должен обладать самый лучший отец. Психотравмирующие факторы могут негативно сказываться на формировании образа отца так и на самоотношении, например развод или смерть отца.

Мы исходим из *предположения*, что в период ранней взрослости происходит развитие комплекса эмоции, таких как эмоция родительских отношений, включающих в себя радость от общения с ребенком, чувство привязанности и доверия, особая чувствительность к потребностям ребенка, чувство интереса к ребенку, восхищения и гордости за него. Всё это способствует формированию положительного образа отца. Если же наоборот в семье возникают конфликты, неразрешенные противоречия, то происходит формирование отрицательного образа отца.

Ситуация в семье определяет формирование положительного или отрицательного образа отца: отрицательный образ отца формируется в ситуации, где родители в разводе, ребенок не поддерживает отношения с отцом, положительный образ отца формируется в ситуации, где родители в разводе, но ребенок не поддерживает отношения в семье; умер в браке; в полных семьях, отец умер в разводе.

Для исследования предположения использовались *методы*: тест-опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелеева, семантический диф-

ференциал в модификации А.Г. Шмелёва, методы статистической обработки данных (компьютерная программа «Excel» и компьютерная программа для статистической обработки данных SPSS 15.0).

В исследовании приняли участие 149 человек в возрасте 18-25 лет (109 девушек и 40 парней юношей).

На *первом* этапе респондентам предлагалось заполнить анкету, с помощью которой мы разделяем выборку для анализа различий на группы:

- отец умер в браке;
- отец умер в разводе;
- полная семья (родители живы и живут вместе);
- родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются;
- родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются.

На *втором* этапе испытуемые проходила диагностика образа отца и самооотношения.

На *третьем* этапе осуществлялась обработка результатов методами математической статистики, использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA для сравнения более двух независимых выборок.

Во всех группах сложился единый положительный образ отца, наиболее яркими характеристиками являются:

В группе «Отец умер в браке»: хороший, сильный; в группе «Отец умер в разводе»: хороший, приятный; в группе «Полная семья»: хороший, приятный, бесстрашный, добрый, умный, храбрый, сильный, счастливый, тёплый, быстрый, весёлый. В группе «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются»: бесстрашный, добрый, умный, храбрый, сильный, веселый; в группе: «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются»: приятный, бесстрашный, добрый, умный.

Таким образом, видно, что группы «Отец умер в браке», «Полная семья», «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются», «Отец умер в разводе», одинаково оценили таких характеристики, как «бесстрашный-страшный», «храбрый-грусливый», «добрый-злой», «умный-глупый», «сильный-слабый», «тёплый-холодный».

Если оценки первых трех групп можно объяснить ограниченным общением с отцом, то результаты группы «Полная семья» требуют более глубокого анализа. В семьях, в которых по разным причинам наблюдается ограниченное общение ребенка с отцом, у ребенка возникает неполное представление о целостной личности отца. Именно поэтому, опрошенные молодые люди поставили оценку, близкую к 0 (*нейтральный, «средний»*). Молодые люди, состоящие в группе «Полная семья» и поставившие оценку +2 (скорее хороший, чем нейтральный) вероятно испытывают недостаток общения с отцом, несмотря на то, что проживают с ним на одной территории. Если бы у этой группы опрошенных были полноценные отношения с отцом, то на большинство простых характеристик они бы поставили оценку, далекую от «нейтральной». Более того, оценка могла бы быть как положительной, так и отрицательной, но только

не нейтральной. Только тесное общение, интерес к чувствам, мыслям и делам друг друга, помогает ребенку составить целостный образ отца.

Группа «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются» отличается от остальных, тем, что характеризуется более негативным образом отца, по сравнению с другими группами, дав оценку + 1 (скорее нейтральный, чем хороший) по таким характеристикам: «приятный-противный», «бесстрашный-страшный», «храбрый-трусливый», «добрый-злой», «умный-глупый», «сильный-слабый», «тёплый-холодный». Возможно, ситуация развода была травмирующей и вызвала негативные эмоции, и это могло ухудшить отношения к отцу, но предшествующие разводу положительные отношения с отцом (годы близости) не дают сформироваться полностью отрицательному образу. Таким образом, развод по факту состоялся, это в свою очередь стресс, который сказывается на отношениях с отцом, постепенно ребенок отдаляется от него.

Перейдем к анализу различий. Статистически значимая разница выявилась между группами: «Отец умер в разводе», «Полная семья», «Родители в разводе, но ребенок поддерживает отношения с отцом», одинаково оценили характеристику «сильный-слабый». Вероятно, это связано с тем, что испытуемые оценивают отца, как положительного человека, так как свою жизнь они провели рядом с ним, могли оценивать его физические и психологические данные. Для любого ребенка его родители являются авторитетами, идеалами, которому они стремятся. Эта характеристика наиболее ярко выражена у тех людей, чей «Отец умер в браке», они набрали максимальную оценку, возможно потому что негативная ситуация развода не предшествовала смерти отца, что сказалась бы на формировании негативного образа отца.

Проанализируем характеристику «счастливый-несчастный». Группы «Отец умер в разводе», «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются» поставили 0 (нейтральный, «средний»). Поскольку дети оценивают сам факт развода, который сформировал образ более несчастного человека. Но наиболее ярко эта характеристика выражена в группе «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются», они поставили оценку -1 (нейтральный, чем плохой), потому что в этой группе отсутствует общение отца с ребенком, по их мнению отцу не хватает детей, и следовательно он не может быть счастлив помимо брака. Дети, чьи родители живут вместе, оценили отца на +2 (скорее хороший, чем нейтральный «средний»), потому что, отец воспитывает их, участвует в их жизни, подает примеры, заботиться о них.

Анализ характеристик «храбрый-трусливый», «весёлый-грустный». Группы «Отец умер в браке», «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются», «Полная семья», «Отец умер в разводе» оценили одинаково, потому что процесс взаимодействия с отцом, формируют его как храброго. Люди этих групп видят отца в повседневной ситуации, у них есть наглядный пример храбрости. Отсутствие общения с отцом после развода, формирует у ребенка более трусливый образ. Возможно, что ребенок считает проявление трусости, что отец перестал с ним общаться после развода.

Молодые люди, относящиеся к группам: «Отец умер в браке», «Отец умер в разводе» и «Полная семья» оценили на +2 характеристику «теплый-холодный». Для начала определим, что означает данная характеристика. Прежде всего, «тепло» проявляется в общении и отношении отца к ребенку, а именно в проявлении ласки, участия, сочувствия, понимания. Молодые люди, относящиеся к группам «Отец умер в браке», «Отец умер в разводе», помнят отношение отца к себе и ставят более положительную оценку. Безусловно, в этом случае смерть отца играет большую роль в постановке оценки. Как правило, людям свойственно вспоминать хорошее отношение к себе умершего, нежели отрицательное. В этих трех группах сформирован положительный образ отца. Как правило, отцы, близко общающиеся со своими детьми, проявляют в разной степени душевность, теплоту и любовь. Но всё-таки эти чувства являются неотъемлемыми при близком общении. Прямо противоположные оценки поставили молодые люди, относящиеся к группам «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются», они оценили на +1 (скорее нейтральный, чем хороший), «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются», дали оценку 0 (нейтральный, «средний»), в этих случаях очевиден недостаток общения молодых людей и их отцов. Этот факт доказывают оценки, близкие к нейтральным.

Схожие результаты наблюдаются при анализе характеристики «хороший-плохой», в группе «Полная семья» была выставлена оценка +2 (скорее хороший, чем нейтральный, «средний»). Тот факт, что в группах «Отец умер в разводе» и «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются» оценка поставлена выше+2 (скорее хороший, чем нейтральный, «средний» и +3 хороший), говорит нам об идеализации отца, образ его возвышают, следовательно формируется положительным.

В характеристике группы «приятный-противный» группы «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются» и «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются» дали одинаковую оценку 1 (скорее нейтральный, чем хороший) возможно это связано с обидами, и конфликтами, которые произошли после развода, которые не позволяют дать максимальную оценку. Группы «Отец умер в разводе» и «Полная семья» точно также оценили эту характеристику как и «хороший-плохой» +3 (скорее хороший, чем нейтральный, «средний») и +3 (хороший), что в свою очередь говорит об идеализации отца.

По характеристикам «бесстрашный-страшный», «добрый-злой», «умный-глупый» и «нежный-грубый», во всех группах не было выявлено различий, что свидетельствует о том, что эти характеристики не являются определяющими образа отца.

По характеристике «активность-пассивность» группы «Отец умер в браке» и «Отец умер в разводе» оценили одинаково на +2 (скорее хороший, чем нейтральный, «средний»), что свидетельствует о том, что отец, принимал активное участие в жизни ребёнка, на это повлияло тот момент, что дети в этих группах поддерживали отношения со своим отцом. В группе «Полная семья»

дети оценили своего отца на +1 (хороший), то есть как менее активного, это связано с тем, что на данный момент времени, влияние отца на детей большей частью ниже, чем влияние матерей. Дети, которые общаются со своим отцом после развода, оценивают его ближе к пассивному, поскольку они не поддерживают связь с ним, не знают о его жизни, и он, следовательно не принимает никакого участия в их жизни.

Исходя из результатов однофакторного дисперсионного анализа по методике тест-опросника самооотношения, во всех группах не было выявлено различий, возможно, это связано с тем, что, самооотношение не зависит от семейной ситуации в семье, либо формальный признак состав членов семьи не отражает в полной мере ситуацию в семье.

Но следует сказать о тенденциях. В группах «Отец умер в браке», «Полные семьи», и «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются» ярко выражены такие шкалы, как «интегральная шкала», «самопринятие», «самоинтерес» и не выражено «самообвинение».

Яркая выраженность первых трёх шкал наблюдается в группах, где было общение с отцом, в отличие от группы «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются», где эти шкалы не выражены. Следовательно, делаем вывод, что выраженность этих шкал связана с взаимодействием отца.

Шкала «самообвинение» в этих группах не выражена, это значит, молодые люди данных групп не винят себя в сложившейся ситуации. В сравнении с группами, где присутствовал развод и дети не общаются со своим отцом, признак выражен. Возможно, они испытывают вину, что в некоторой степени подтверждает точку зрения В.Е. Ивановой, что в результате распада семьи, девочки чаще всего винят себя в случившемся.

Подводя итог отметим, что группа «Родители в разводе, но отношения с отцом не поддерживаются», отличается ото всех остальных. В этой группе тема отца очень болезненно воспринимается, и в основном оценивается по минимальным значениям. Результаты однофакторного дисперсионного анализа Самоотношения не выявили различий во всех группах. В рамках тенденции ярко выражены такие шкалы, как «интегральная шкала», «самопринятие», «самоинтерес», «самообвинение» в группах «Отец умер в браке», «Полная семья», и «Родители в разводе, но отношения с отцом поддерживаются».

Перспективой данного исследования, мы видим лонгитюдное исследование, с целью изучения динамики образа отца в другие возрастные периоды, и гендерные различия в образе отца и самооотношения в этих группах.

Литература

1. *Калина О.Г., Холмогорова А.Б.* Значение отца для развития ребенка (на материале зарубежных исследований) // Семейная психология и семейная терапия. 2006, № 1. С. 87-100.
2. *Кочубей Б.И.* Мужчина и ребенок. М.: Знание, 1990. – 80 с.

3. *Литвинова А.В., Большакова Н.Г.* Зависимость ориентировки в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве // *Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной семьи»*. М., 2005. С.318-322.

4. *Мухина В.С.* *Возрастная психология. Феноменология развития*. М.: Академия, 2006. – 608 с.

5. *Прихожан А.М.* *Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная*. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.

6. *Ситников В.Л.* *Образ ребенка (в сознании детей и взрослых)*. СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.

Н.А. Дубовенко

Исследование ожиданий матерей по отношению к детям в семьях с разным экономическим статусом

Научный руководитель С.В. Березин

В настоящее время существует множество методик, приемов и особенностей воспитания ребенка в семье. Не смотря на это, есть основные компоненты воспитания, которые есть во всех образовательных программах. Одно из первых – это стиль общения родителя с ребенком, данный компонент можно описать через такие позиции взрослого, как авторитаризм/демократам, поддерживание активности и самовыражения ребенка и статусно-ролевая вертикаль. Следующий компонент – это сам процесс воспитания, те цели, к которым стремится родитель в воспитании ребенка, это способности, умения, навыки, качества, которые родитель хочет видеть в своем ребенке.

Первый и второй компоненты можно условно охарактеризовать как ориентировочно-целевые ступени в реализации воспитания, а третий и четвертый, связаны с фазой контроля. Третий компонент – это методы поощрения и наказания ребенка. Четвертый компонент – этот компонент направлен не только на ребенка, а в основном ребенка. Тут речь идет о фиксации взрослым своих эмоциональных состояний, которые у него возникают при общении и взаимодействии с ребенком [Петровский, 1981].

Выше мы обозначили четыре основных аспекта стратегий воспитания, тут и социально – ролевой стиль взаимодействия, и цели, и формы контроля поведения ребенка, и эмоциональная оценка родителя собственного взаимодействия с ребенком. В каком-то смысле данные компоненты соотносятся с тремя фазами реализации деятельности: Ориентировка, Исполнение, Контроль.

Подласый И.П. говорит о существовании общих целей воспитания и индивидуальных [Подласый, 2004]. Общие цели воспитания отражают свойства и направления воспитания, свойственные большинству людей. Индивидуальные же, когда происходит воспитание определенного одного человека. Общие цели воспитания можно разделить на несколько групп, или факторов, которые влияют на сам процесс воспитания. А.С. Макаренко выделяет такие группы: социально-культурная; социально-экономическая; технико-гигиеническая и демографическая [Невская, 2003].

Социально-культурный фактор. А.С. Макаренко развил мысль, что воспитание ребенка в семье – не только личное дело родителей, это процесс имеющий выход общество: невоспитанные дети – это горе и слезы для семьи, и для страны в целом.

Социально-экономический фактор определяется имущественными характеристиками семьи. Воспитание детей в современном обществе требует серьезных материальных затрат. Возможности содержать детей, обеспечить им полноценное развитие во многом сопряжены с общественно – политическим и социально – экономическим положением в стране.

Технико-гигиенический фактор означает, что воспитательный потенциал семьи зависит от места и условий проживания, оборудованности жилья, особенностей образа жизни семьи.

Демографический фактор показывает, что структура и состав семьи (полная, неполная, материнская, сложная, простая, однодетная, многодетная и т. д.) диктуют свои особенности воспитания детей.

В нашем исследовании за основу был взят социально экономический фактор. В анкетировании принимали участие те родители, чьи дети посещают детский сад и родители, которые отдают предпочтение частным дошкольным учреждениям. Так же удалось опросить родителей, чьи дети не посещают ни муниципальные детские сады, ни частные дошкольные учреждения, по каким-либо причинам. На этот момент следует обратить особое внимание, поскольку сегодня далеко не все семьи пользуются услугами системы дошкольного воспитания. В ходе нашего исследования родителей были использованы анкеты, которые включали в себя вопросы касательно личности респондента, а так же страхов и опасений касательно будущего [Собкин, Марич, 2002]. Так же мы включили вопросы об ожиданиях от детей и ожиданиях от детского дошкольного учреждения.

Исследование ориентаций матерей детей дошкольников проводились среди матерей в возрасте 22 – 36 лет, проживающих в г. Самара. Возраст детей составлял от 2 и 3,6 лет (2008-2012 гг. р.). Все дети посещали детский сад или частное дошкольное учреждение. Анкета состояла из двух частей. В первой части родителям предлагалось ответить на вопросы общего характера, такие как возраст родителя, доля ежемесячного семейного дохода на каждого члена семьи, а так же подтвердить тот факт, посещает ли ребенок муниципальный детский сад, или иное детское дошкольное учреждение.

Всего в исследовании приняло участие около 100 человек, но так как нам был важен факт посещения дошкольного учреждения, выборка сократилась до шестидесяти шести человек. По 33 человека соответственно в каждой группе. Критерий разделения на 2 группы основывался на разности доли ежемесячного семейного дохода на каждого члена семьи.

В ходе нашего исследования родителей были использованы анкеты, которые включали в себя вопросы касательно личности респондента, а так же страхов и опасений касательно будущего. Так же мы включили вопросы об ожиданиях от детей и ожиданиях от детского дошкольного учреждения.

Второй компонент представляет собой страхи и опасения матерей детей – дошкольников относительно своего будущего. Здесь мы попытаемся изучить «конкретные угрозы», которые фрустрирующе действуют на ожидание матерей относительно их будущего. Для этого родителям задавался вопрос о том, что больше всего пугает сейчас и в будущем. Матерям предлагалось проранжировать такие вещи, как страх смерти, страх за своего ребенка, отсутствие внешней привлекательности и т.п.

Второй компонент представляет собой страхи и опасения матерей детей – дошкольников относительно своего будущего. Здесь мы попытаемся изучить «конкретные угрозы», которые фрустрирующе действуют на ожидание матерей относительно их будущего. Для этого родителям задавался вопрос о том, что больше всего пугает сейчас и в будущем. Матерям предлагалось проранжировать такие вещи, как страх смерти, страх за своего ребенка, отсутствие внешней привлекательности и т.п.

В результате обработки полученных данных значимых различий обнаружено не было. В качестве более детального исследования вопроса, мы перевели ответы родителей в процентное соотношение, и уже здесь постарались выявить определенную тенденцию в ответах, такой формат исследования не подразумевает достоверность, но может найдем определенную закономерность.

В целом, можем отметить, что социальный статус матерей не сильно влияет на разницу в ответах. «Хорошее здоровье» является самым важным показателем для представителей разных социальных слоев. Интересна разница в оценке значимости такого критерия как «Воспитание детей». Если обеспеченные семьи ставят данный показатель на второе место после здоровья, то необеспеченные только «благополучной супружеской жизни» и «успешной карьеры». Получается, что обеспеченные матери целиком посвящают себя воспитанию ребенка, тогда как необеспеченные стараются заработать денег на воспитание. Более интересен другой момент: женщины из необеспеченных семей в большей степени ориентированы на ценность счастливой супружеской жизни. Этот факт можно объяснить тем, что необеспеченные женщины в большей степени ценят супружескую жизнь, из-за отсутствия помощи со стороны собственных родителей, мужа или отца ребенка. Для таких женщин «счастливая супружеская жизнь» может гарантировать материальную и эмоциональную стабильность. в структуре страхов родителей детей дошкольного возраста на

лидирующем месте стоит беспокойство за ребенка. Эти данные говорят нам о том, что для матерей детей-дошкольников, их ребенок занимает приоритетную ценностную позицию. Но не стоит забывать, что содержание категории о жизненных ценностях и данной категории имеют существенные различия. А именно, тут идет фиксация аффективного компонента, который спроецирован на собственные жизненные перспективы. Поэтому стоит повторить, что страх за собственного ребенка явно лидирует в выборах, определяя смысловой горизонт родительской позиции. Так же значимыми являются такие показатели как «страх войны» и «беспокойство о собственном здоровье». Остальные же опасения выбираются реже.

Анализируя такой критерий, как «Ожидания матерей», по отношению к детям, можно заметить, что «здоровье» ребенка ценится превыше всего у обеих опрошенных групп, как в обеспеченных, так и в необеспеченных семьях. Это подтверждает предыдущую тенденцию того, что здоровье является ценностной ориентацией матерей дошкольников. Такому показателю как семейное счастье придают разное значение, так обеспеченные семьи ставят его после здоровья лишь в 21,21% случаях, тогда как обеспечение семьи в 51,5%. «Финансовая независимость» в необеспеченных семьях является одной из ведущих и стоит на пятом месте в ранжируемом списке в 63,6,% случаях, а в обеспеченных семьях не уделяют этому показателю особого внимания. Максимальный выбор данного фактора занимает последнее место в списке и имеет всего 36,36% выборов. «Успешная карьера» для обеспеченных семей имеет не последнюю роль, и 51,5% опрошенных ставят этот показатель на четвертое место, в обеспеченных семьях этот показатель не имеет большой популярности. «Отличное обучение в школе» так же как и «Успешная карьера» в обеспеченных семьях больше, чем в необеспеченных. Возможно данную тенденцию можно объяснить желанием матерей из необеспеченной семьи, чтоб их ребенок занимал более высокий социальный статус, нежели занимает на данный момент родитель.

Критерий «Ожидания от учебного учреждения», можно увидеть следующее: родители из обеспеченных семей на первое место 51,5% ставят «грамотность специалиста», тогда как у необеспеченных семей этот фактор не рассматривается как приоритетный ни на одной позиции. Ответы распределены достаточно равномерно. Обратная картина, но вполне ожидаемая, «удобное расположение» матери из необеспеченной семьи в большинстве 45,5% ставят на третье место, тогда матери обеспеченных семей этому критерию не уделяют особого внимания. «Низкая стоимость услуг» для матерей из необеспеченных семей не являлась решающей, но и на последнее место ее никто не поставил, тогда как 33% представителей обеспеченных семей поставили его на последнее место, а это максимальное число выборов по данному показателю. Еще стоит отметить такой фактор как «престижность учреждения». Представители обеспеченного класса этот фактор не ставят на лидирующие позиции, наоборот 30% опрошенных поставили его на последнее место. Необеспеченные семьи этот фактор не выделяют, но он для них не на последнем месте, 6% выбрали его в качестве самого важного, и 39,4% поставили на девятое место. Подобная ори-

ентация необеспеченных родителей на «престижность» может предполагать распространенное утверждение, что с помощью получения более лучшего образования дети переходят из низкой социальной страты в более высокую. В остальном же можно говорить об обычной ситуации когда мать из необеспеченной семьи торопясь на работу отдает ребенка в ближайший детский садик, при этом старается сэкономить на оплате услуг за него. А матери из обеспеченных семей обладая мобильностью и относительной материальной свободой могут не задумываться ни о географическом положении учреждения, ни о стоимости услуг, а ориентироваться исключительно на поиск хорошего специалиста. Здесь стоит вспомнить первую анализируемую группу утверждений относительно жизненных ориентиров матерей. Обеспеченные матери в качестве приоритета ставили воспитание ребенка. Необеспеченные воспитание ребенка ставили только после успешной супружеской жизни и собственной карьеры. Существование определенной закономерности очевидно.

В ходе исследования мы работали исключительно с родителями, и при интерпретации результатов мы коснулись психологической связи отношений детей и родителей, так же социологических сюжетов, которые связаны с влиянием такого социально – стратификационного фактора, как социальный статус семьи. Это оказалось неизбежным вспомнить «социальную ситуацию развития» Л.С. Выготского и его логику культурно-исторической теории. Ребенок развивается под суммарным влиянием культуры и естественного созревания. Ребенок вырастая становится родителем, и культура, окружающая его в детстве продолжает окружать уже его ребенка. Так откуда по сути взяться различиям существующим в обществе одной культурной среды. Нынешнее общество имеет огромный спектр статусов, от нищих спящих на остановке, до зажиточных, которые способны совершить революцию во всей стране, за счет своих капиталов. Ставя перед собой задачи в исследовании, хотелось побольше изучить расслоение, ведь стоят все в одной пробке на дороге, хоть и в разном транспорте.

Анализируя итоги исследования можно с уверенностью сказать, что небольшая выборка не показала существенных отличий в представленных в нашем исследовании классов общества. Казалось бы, жизненные ценности и страхи относительно будущего, что может быть индивидуальнее и различнее, но и тут статистические различия минимальны. У нас есть предположение, что с исторической точки зрения прошло очень мало времени для столь координатных перемен в сознании людей. Ведь всего двадцать пять лет назад все были равны в материальном плане, не было ни такого ассортимента в магазинах, ни таких возможностей.

Только после распада Советского Союза начался бурный рост предпринимательской деятельности, в это время появляются люди, доход которых существенно выше простых заводчан или работников государственной службы. В связи с этим начали открываться частные детские сады, школы и детские дошкольные учреждения, куда могли попасть только дети обеспеченных родителей. Отсюда возник вопрос о разных ценностях людей с разным достатком. Но

анализируя результаты, получается, что различия в ценностях относительно как своего будущего, так и будущего ребенка не оказалось. Что родители, у которых достаток заметно превышает необходимые расходы, и родители, чьи доходы с трудом покрывают расходы, похожи в своих взглядах на жизнь и на воспитание ребенка.

Таким образом можно сделать вывод о том, что в нашем обществе материальная и социальная дифференциация пока не нашла отражения в психологических характеристиках разных социальных страт. Ценностные и смысловые ориентации людей в нашем обществе остаются идентичными. Мы связываем подобную тенденцию с устойчивым культурным сознанием, которое формирует ожидания и зависит от культурной среды, а не от социального статуса.

Литература

1. *Невская С. А.С.* Макаренко о педагогическом взаимодействии семьи и школы //Педагогика, 2003, №9. С. 92.
2. *Петровский А.В.* Дети и тактика семейного воспитания. М.: Знание, 1981. – 95 с.
3. *Подласый И.П.* Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов [текст]: учеб. пособие для вузов. М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. - 365 с.
4. *Собкин В.С., Марич Е.М.* Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. М.: Центр социологии образования РАО, 2002.

С.В. Зорина, И.А. Фирсова

Влияние эмоций на идентификацию лицевых прототипов

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект №13-36-01274.

Введение. Социальное познание как область исследования сосредоточена на выяснении феноменов и инструментов обыденного, житейского понимания людьми друг друга, которое не только сопровождается эмоциональными проявлениями, но и организуется ими. Российские и зарубежные исследователи прилагают усилия к обнаружению стратегических способов (стилей) взаимодействия аффекта и когний, то есть выяснению условий влияния эмоций с учетом их конкретных измерений (валентности, интенсивности, модальности) на точность, структуру и содержание социального познания [Forgas, Eich, 2012]. Такой подход позволяет надеяться на создание детального описания когнитивно-аффективного интерфейса в зависимости от ряда параметров. Данное исследование направлено на изучение связи между валентностью аффекта и когнитивными процессами, обеспечивающими оперирование прототипом и рядом

элементов, обладающим «семейным сходством» (Л. Витгенштейн) на примере лица человека.

Теория прототипов занимает особое место в исследовании категоризации, позволяя определить границы модели репрезентации, ее структуру, характеризующую асимметричностью, используемую для вывода умозаключения [Rosch, 1978]. В исследованиях восприятия лица прототипические эффекты воспроизведены на ряде модификаций одного лица, выступающего в качестве «среднего» или «наилучшего примера категории». Под прототипическим эффектом понимается асимметричность членов категории, то есть наличие менее и более репрезентативных примеров для данной категории [Лакофф, 2004]. Специфическая вариация прототипического эффекта, обнаруженная при восприятии социальных объектов (человеческих лиц), заключается в демонстрации испытуемыми ложного переживания уверенности при опознании прототипа. В экспериментах испытуемым показывали только частные вариации (примеры) стимульной линейки, обобщение основных признаков которой и позволяет создать прототипический образ, который кажется знакомым.

Существуют несколько стандартных экспериментальных схем исследования идентификации прототипа.

1. Тест распознавания лица (Face-Exemplar Recognition).

Стимульный материал состоит из фотографий прототипов и их модификаций – незначительных изменений, достаточных для точной дифференциации двух изображений при непосредственном сравнении. На первом этапе испытуемым предъявляются исходные фотографии и их вариации с инструкцией о необходимости определить пол и приблизительный возраст человека, изображенного на снимке. Участников инструктируют о том, что хотя на экране появляются похожие лица, они должны оценить уникальный облик каждого лица без учета их предыдущих ответов. На втором этапе испытуемые просматривают тот же набор фотографий, дополненный новыми модификациями, которые не использовались на первом этапе. В инструкции, участникам сообщают, что лица, которые будут появляться на экране, были представлены ранее, но некоторые из фотографий были уже показаны, а некоторые являются новыми. Испытуемых предупреждают, что они должны узнать фотографию, а не людей, и значит, если они думают, что это лицо уже видели, но показанная ранее фотография отличается от той, которая предъявлена на экране, то им следует отвечать отрицательно. Для оценки узнавания используются номинативная шкала (видел/не видел) или порядковая (0 – определенно не видел фотографию, 9 – определенно видел фотографию).

2. Тест распознавания личности (Face-Identity Recognition).

Эта экспериментальная схема в целом аналогична предыдущей, за исключением состава стимулов, предъявляемых на втором этапе, в который включаются новые модификации фотографий новых людей. То есть испытуемые должны узнать фотографии среди знакомых по первому этапу и незнакомых, включающих как вариации изображений новых людей, так и новые модификации уже предъявляемых фотоизображений.

Разработанные экспериментальные модели позволяют создать условия для складывания прототипа, доступность которого можно сравнить с доступностью других типов модифицированных стимулов (уже предъявляемых и неизвестных участникам эксперимента) в различных эмоциональных состояниях. Стратегия взаимодействия аффекта и когний описывается Гербертом Блессом и Клаусом Фидлером как реализация ассимилятивной и аккомодативной функций настроения участвующего в регуляции познавательных процессов [Bless, Fiedler, 2006].

Авторы доказывают существование двух способов влияния эмоций на когнитивные процессы и поведение. Первый реализуется посредством ассимилятивной, направленной во вне функции, позволяющей использовать уже сформированные инструменты познания, способы интерпретации окружающего мира. Переживание человеком положительных эмоций, с эволюционной точки зрения, сигнализирует о его благополучном положении или отсутствии актуальной угрозы, что позволяет положиться на уже апробированные структуры, доказавшие в прошлом свою жизнеспособность. При реализации ассимилятивной стратегии задействуются периферийные сигналы, эвристические способы принятия решений (в частности, эвристика доступности), ассоциативные связи, сложившиеся схемы, скрипты типичных ситуаций.

Отрицательные эмоции, свидетельствующие об опасности исходящей из внешней среды или внутреннем неблагополучии, способствуют обращению к аккомодационной стратегии, позволяющей эффективно приспособиться к затруднительным условиям. В этой ситуации более адекватным является использование индивидуализированной личностной информации, учет актуального содержания при принятии решений, внимание к контексту, что позволяет оценивать текущее состояние оперируя скорее конкретизированными чем обобщёнными структурами опыта.

Интерпретационный подход Г. Блесса и К. Фидлера применим для понимания того как эмоциональные состояния влияют на регулирование широкого спектра познавательных процессов (оценку убедительности сообщения, спонтанную кластеризацию вербальных и невербальных стимулов, выбор уровня абстрактности репрезентации). Социальная перцепция также регулируется, во-первых, ассимиляционной стратегией, предполагающей оперирование общими уже существующими знаниями (категориями, стереотипами) и способами их использования в умозаключениях (эвристиками); во-вторых, аккомодационной стратегией, построенной на использовании индивидуализированной информации о конкретном человеке. Авторы настаивают на том, что эмоции не только и не столько затрудняют деятельность рациональных познавательных механизмов, но и играют важную роль в адаптивном регулировании познания и поведения.

Определяя границы применимости своего подхода авторы устанавливают соответствие между с одной стороны – нисходящими «сверху-вниз» и восходящими «снизу вверх» процессами, а с другой – ассимилятивной и аккомодативной функциями. Это важное замечание позволяет понять позицию Г. Блесса

и К. Фидлера о соотношении модели стратегической эмоциональной регуляции и большой группы «двойных» теорий, развиваемых в ряде областей современной психологии. Теории двойного процессинга объединяют признание существования двух структурно, а возможно и эволюционно различных процессов: быстрого, неосознанного, автоматического и медленного, сознательного, управляемого и способны объяснить широкий круг феноменов когнитивной и социальной психологии [цит. по: Evans, 2008].

Поскольку формирование прототипа является неосознаваемым автоматическим процессом, мы ожидаем, что положительные эмоции облегчат его идентификацию, а отрицательные – затруднят.

Испытуемые. В эксперименте приняло участие 90 человек в возрасте от 18 до 29 лет ($M=22.6$, $SD=2.7$), среди которых 41% мужчин. Все респонденты – жители городов Самары и Новокуйбышевска, студенты вузов и работники предприятий.

Стимульный материал. В эксперименте использовались цветные фотографии трех мужчин и трех женщин, снятых в анфас, с нейтральным выражением лица без особенностей (шрамы, родимые пятна, татуировки, пирсинг, яркая косметика). На моделях не было очков и украшений. Физическая привлекательность моделей была предварительно оценена по 7-балльной шкале и составляет в среднем от 5 до 5,4 баллов. При помощи программы Adobe Photoshop были созданы по пять версий исходной фотографии путем смещения отдельных элементов лица и изменения их размеров в пределах 4-12 пикселей.

Для индукции положительных эмоций использовались юмористические изображения, фотографии смеющихся людей, радостных детей, забавных животных. Актуализация отрицательных эмоций осуществлялась посредством предъявления изображений страданий людей и животных, признаков болезни и разрушения. Контрольной группе предъявлялись фотографии предметов, используемых в быту и производстве.

Процедура. Эксперимент представляет собой модификацию «теста узнавания лица», дополненную процедурой индукции эмоций.

Первый этап – предъявление фотографий. Испытуемым предъявлялся набор стимулов, составленный из двенадцати модификаций прототипов. Каждая фотография демонстрировалась на экране компьютера в течении 12 секунд. Испытуемые на бланке фиксировали предполагаемый возраст модели вне зависимости от того, видели ли похожую фотографию прежде.

Второй этап – индуцирование эмоционального состояния, определённой валентности.

Испытуемые двух экспериментальных групп просматривали слайды в сопровождении музыки, предназначенные для актуализации эмоций положительного и негативного спектра. Участники, включенные в контрольную группу просматривали нейтральные с точки зрения эмоциональной реакции фотографии без музыкального сопровождения. Все испытуемые после просмотра изображений оценивали свое состояние при помощи порядковых семибалльных шкал, (где 1 означало минимальную выраженность переживания, 7 – макси-

мальную): встревоженный, печальный, радостный, раздраженный, чувствующий неприязнь, оптимистичный, спокойный, взволнованный. Первые пять прилагательных соответствуют пяти базовым эмоциям: страх, печаль, радость, гнев, отвращение. В соответствии с концепцией явлений тревожного ряда Ф.Б. Березина тревога и страх рассматриваются как феномены, закономерно сменяющие друг друга по мере усиления выраженности состояния [Березин, 1988]. Последние три шкалы позволяют оценить настроение (оптимистичный, спокойный) и активность (взволнованный) в соответствии с моделью измерения функционального психоэмоционального состояния реализованной в опроснике САН [Доскин и др., 1973]. Шкалы «спокойный» и «взволнованный» позволяют точнее измерить состояние испытуемых контрольной группы, не подвергающихся эмоциогенным воздействиям. Оценка оптимизма предназначена для квалификации переживаний группы с индуцированным положительным состоянием, характеристика которого только при помощи одной специфицирующей шкалы (радостный) представляется не достаточной.

Третий этап – узнавание фотографий. Испытуемым предъявлялся тот же набор фотографий, что и на первом этапе, дополненный новыми модификациями (дистракторами – вариантами похожими на изображения предъявленные на первом этапе, но таковыми не являющимися) и прототипами (исходными фотографиями, подвергшимися манипуляциям) с инструкцией, содержащей указания на необходимость указать фотографии (не людей), которые уже показывались в первой части исследования. Степень уверенности опознания оценивалась при помощи семибалльной шкалы, где 1 означало минимальную выраженность уверенности, 7 – максимальную. Время предъявления каждой из фотографий – 12 секунд.

Результаты. Эмоциональное состояние, достигнутое в результате процедуры индукции у трех групп существенно различается (см. табл. 1). Различия между состоянием испытуемых после просмотра слайдов, вызывающих положительные, отрицательные эмоции и поддерживающих нейтральное состояние, рассчитанные с помощью критерия Краскела-Уоллиса, по всем шкалам достигают уровня $p \leq 0.001$.

Таблица 1. Характеристики эмоционального состояния у испытуемых (медиана (Me); межквартильный размах (Q₁-Q₃)[#])

	Положительные эмоции		Отрицательные эмоции		Нейтральное состояние	
	Me	Q ₁ -Q ₃	Me	Q ₁ -Q ₃	Me	Q ₁ -Q ₃
Тревога	2	1-3	4	4-6	2	1-3,3
Печаль	1**	1-2	6	5-6	3**	2-4
Радость	6**	5-7	2	1-2	3**	3-4
Раздражение	2	1-3	3	2-4,3	2	1-3
Чувство неприязни	2	1-3	4	2-5	2	1-3
Оптимизм	6**	5-6	2	1-3	4**	3-4
Спокойствие	4*	3-5	3	2-5	5,5*	4,8-6

Взволнованность	4*	2-5	5,5	4-6	2*	2-3
-----------------	----	-----	-----	-----	----	-----

[#] Достоверность различий между группой с индуцированными положительными эмоциями и нейтральным состоянием по критерию Манна-Уитни: ** - $p \leq 0.001$, * - $p \leq 0.01$

В таблице 1 представлен уровень достоверности различий в переживаемых состояниях между группой с индигированием положительных эмоций и нейтральным состоянием. Различия между настроением у группы с индигированием негативных эмоций и нейтральным состоянием по всем шкалам достигают уровня $p \leq 0.001$. Состояние первой группы характеризуется как радостно-оптимистичное (не печальное), второй – как печально-взволнованное (не радостно-оптимистичное), третьей – как спокойное (не тревожное, не раздраженное, без неприязни, не взволнованное).

Анализ медиан позволяет заметить снижение уверенности в опознании прототипа у испытуемых, переживающих отрицательные эмоции по сравнению с участникам, оценивающими свое состояние как нейтральное и положительное (см. табл. 2).

Таблица 2. Уверенность в точности узнавания лицевого ряда в различных эмоциональных состояниях (медиана (Me); межквартильный размах (Q₁-Q₃))

	Положительные эмоции		Отрицательные эмоции		Нейтральное состояние	
	Me	Q ₁ -Q ₃	Me	Q ₁ -Q ₃	Me	Q ₁ -Q ₃
Прототипы	7,5	6,7-8	6,5	6,2-7,2	7,5	6,7-8
Экземпляры	7,7	7,3-8,3	7,3	7-7,7	7,3	7-8
Дистракторы	3,7	2,8-6,2	4,6	3,8-5,9	4,6	3,2-6,8

Критерий Краскела-Уоллеса позволяет зафиксировать достоверные различия между группами опознающими прототипические изображения (N=12,3; $p=0,002$) и отсутствие таковых в условиях узнавания повторно предъявляемых вариантов лиц (N=5,6; $p=0,06$) или впервые демонстрируемых модификаций (N=2,8; $p=0,2$).

Попарное сравнение групп осуществленное при помощи критерия Манна-Уитни указывает на влияние отрицательных эмоций на точность узнавания прототипа по сравнению с группой, находящейся в нейтральном состоянии (U=260; $p=0,005$) и группой переживающей положительные эмоции (U=232,5; $p=0,001$). При этом различия между группой подвергшейся процедуре индуцирования позитивных эмоций и группой, просматривающей нейтральные изображения не достоверны (U=437; $p=0,9$).

Обсуждение. В соответствии с проверяемой гипотезой, испытуемые, переживающие отрицательные эмоции, оказались менее уверены в том, что видели прототип, который действительно им не предъявлялся, то есть оказались более точными, чем другие участники. Сопоставимые тенденции обнаружены при исследовании феномена ложной памяти, экспериментальная схема исследования которого схожа со схемой изучения прототипов: в обоих случаях среди стимулов уже знакомых по первой части эксперимента испытуемым предъяв-

ляются «обманки» – стимулы, похожие на уже виденные, но не являющиеся таковыми. Так, исследование точности показаний свидетелей позволило определить снижение ложных тревог (ошибочных включений в воспоминания не существовавших деталей) в показаниях испытуемых находящихся в грустном настроении по сравнению с радостными участниками эксперимента [Forgas, Vargas, Laham, 2005]. Уменьшение ошибок ложной памяти у испытуемых в отрицательном эмоциональном состоянии по сравнению с положительным и нейтральным было обнаружено Justin Storbeck и Gerald L. Clore [Storbeck, Clore, 2005].

В соответствии с моделью настроения как регулятора обработки информации [Bless, Fiedler, 2006] негативное эмоциональное состояние, описываемое как внешне ориентированное, способствует использованию когнитивного стиля задействующего аккомодационные механизмы, направленные на приспособление к внешним воздействиям. Такой «снизу вверх» стиль определяет предпочтение локальных, а не общих конфигураций невербальных стимулов, внимание к конкретным деталям стимула, что обеспечивает тщательный анализ предъявленного изображения. Например, влияние отрицательных состояний на переход от категориальной информации (сверху-вниз) к индивидуализированной (снизу-вверх) было продемонстрировано при формировании общего впечатления о человеке на основании нескольких фрагментов информации [Bless, Schwarz, Wieland, 1996].

В исследовании Unkelbach с соавторами показано, что негативные эмоции оказали влияние на уменьшение «предубеждение стрелка» («shooter's bias») – атрибутирование намерения стрелять персонажу, у которого в руке находится оружие или бытовой предмет в условиях дефицита времени, если он является носителем маркеров принадлежности к стереотипизированной группе [Unkelbach, Forgas, Denson, 2008]. То есть фактически отрицательный аффект способствовал росту точности социальной перцепции, парадоксальному снижению предубежденности относительно ин-группы, достигаемых за счет отказа от ассимилятивной, эвристической стратегии, оперирующей общими, уже существующими представлениями, в том числе и стереотипами в пользу конкретных частных данных. При четком различии прототипа и стереотипа [Полев, 2004], сопоставимость обоих инструментов категоризации поддерживается отнесением социальных стереотипов к разновидности прототипов Дж. Лакоффом [1988].

Таким образом ухудшение узнавание прототипа (который действительно был предъявлен впервые) в условиях переживания негативных эмоций согласуется с концепцией связывающей настроение и стиль когнитивного процессинга. Использование конкретной индивидуализированной лицевой информации, а не обобщенного прототипического образа для решения задачи позволило грустно-взволнованным участникам усомниться в том, что они уже видели прототип в отличие от радостно-оптимистичных и нейтральных испытуемых.

Вторая часть гипотезы, сформулированной в соответствии с теоретическим предсказаниями, вытекающими из модели стратегической эмоциональной регуляции познания и поведения о том, что положительные эмоции должны

способствовать идентификации лицевых прототипов не нашла подтверждение в эксперименте. Этот факт определил поиск альтернативной интерпретации, позволяющей интегрировать оба результата.

Следует заметить, что отрицательные эмоции не способствовали росту эффективности в опознании лицевых модификаций, что позволяет предположить вмешательство негативного аффекта в конструирование или сличение только прототипа, но не узнавания отдельных примеров. Прототип является способом категоризировать информацию на основании внешне наблюдаемых и значимых признаков. Возможно, отрицательные эмоции затруднили деятельность когнитивных механизмов, абстрагирующих признаки ряда социальных объектов, не оказав влияние на сличение хранящихся в памяти образов с вновь сформированным в процессе непосредственного восприятия конкретными изображениями. Развитие идеи о влиянии настроения на мощность переработки информации представлено в теории распределения ресурсов (resource allocation theory [Ellis, Ashbrook, 1988]). Гипотеза когнитивной нагрузки экспериментально поддержана и может быть интегрирована со схемами когнитивного процессинга. Эллис и его коллеги предположили, что отрицательный аффект расходуя ресурсы внимания, кратковременной памяти, препятствует решению когнитивных задач. Таким образом предположение о затруднении в опознании прототипа в силу дефицита когнитивных ресурсов возникшего в результате влияния негативного аффекта представляется обоснованным.

Различные интерпретации полученного результата вызваны наличием двух вариантов оценки затруднений в идентификации прототипа, во-первых, как показателя роста точности перцепции, во-вторых, как индикатора снижения доступности прототипа (его недостаточной сформированности). Альтернативные объяснения соответствуют двум способам оценки влияния аффектов на когниции: традиционному – когда эмоции рассматриваются как разрушающие рациональные когнитивные средства обработки информации и относительно новому – подчеркивающему адаптивную функциональность эмоциональной регуляции познания. Для уточнения модели концептуализирующей полученные результаты требуются дальнейшие исследования.

Выводы. Отрицательные эмоции при сопоставлении как с положительными, так и нейтральным состоянием препятствуют ложному узнаванию прототипа ряда модифицированных человеческих лиц, то есть проявлению прототипического эффекта. При этом, влияние отрицательных эмоций не затрагивает точность узнавания конкретных экземпляров лиц, то есть распространяется только на обобщенный образ.

Положительные эмоции не оказали воздействия на регуляцию узнавания конкретных примеров и прототипов, полученных путем абстрагирования ряда измененных лиц.

Литература

1. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. 270 с.
2. *Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б.* Тест дифференцированной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 141-145
3. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
4. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Сост. и ред.: В.В. Петров, В.И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С.12-51.
5. *Полев Д.М.* Сравнительный анализ понятий эталон, прототип и стереотип в контексте проблемы восприятия человека человеком // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сборник научных трудов / под ред. Н. А. Батурина. Челябинск: ЮУрГУ, 2004. Т.4. С. 48-59
6. *Bless H., Fiedler K.* (2006). Mood and the regulation of information processing and behavior. In J. P. Forgas (Ed.), *Hearts and minds: Affective influences on social cognition and behaviour* (pp. 65–84). New York, NY: Psychology Press
7. *Bless, H., Schwarz, N., Wieland, R.* (1996). Mood and the impact of category membership and individuating information. *European Journal of Social Psychology*, 26, 935–959
8. *Ellis, H.C., Ashbrook, P.W.* (1988). Resource allocation model of the effects of depressed mood states on memory. In K. Fiedler & J. Forgas (Eds.), *Affect, cognition and social behavior* (pp. 25-43). Toronto: C.J. Hogrefe.
9. *Evans, J. St. B. T.* Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition *Annual Review of Psychology*, Vol. 59: 255 -278 (Volume publication date January 2008) DOI: 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629
10. *Forgas, J.P., Vargas, P., Laham, S.* (2005). Mood effects on eyewitness memory: Affective influences on susceptibility to misinformation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 41, 574–588
11. *Forgas, J.P., Eich, E.E.* (2012). Affective Influences on Cognition: Mood Congruence, Mood Dependence, and Mood Effects on Processing Strategies. In A. F. Healy, R. W. Proctor (Eds.), *Experimental Psychology. Volume 4* in I. B. Weiner (Editor-in-Chief), *Handbook of Psychology*. pp. 61–82. New York: Wiley
12. *Rosch E.H.* Principles of categorization. *Cognition and categorization* / Eds. by E.H. Rosch, B.B. Lloyd. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
13. *Storbeck, J., Clore, G.L.* (2005). With sadness comes accuracy, with happiness, false memory. *Psychological Science* 16 (10), 785–791.) doi: 10.1111/j.1467-9280.2005.01615.x
14. *Unkelbach, C., Forgas, J.P., Denson, T.F.* (2008). The turban effect: The influence of Muslim headgear and induced affect on aggressive responses in the shooter bias paradigm. *Journal of Experimental Social Psychology*, 44, 1409–1413.

Н.Н. Пытьев

Анализ типологии мотивации работников коммерческого предприятия

В настоящее время многие передовые компании в своем стремлении быть успешными и конкурентоспособными обращаются к науке. Эффективная работа и достижение поставленных целей в организации во многом зависит от того, насколько персонал является лояльным, мотивированным и нацеленным на решение имеющихся задач.

На сегодняшний день известны наработки ученых и практиков как в области мотивации в целом, так и касательно трудовой мотивации, в частности. Среди пионеров назвать Ф.У. Тейлора, Г.Л. Ганта, Г.Форда. Большой вклад в прояснение вопросов мотивации и мотивационных факторов внесли А. Маслоу (концепция об иерархии потребностей), Ф. Герцберг (двухфакторная модель мотивации), Д. Мак-Клелланд (теория о трех группах потребностей), Д. Мак-Грегор (Теория X и Y), В.И. Герчиков (типология мотивации).

Сегодня можно с уверенностью сказать, что отсутствие должного внимания к вопросам мотивации персонала в организации принесет большие потери для бизнеса и риски выживания компании на рынке.

Каждая организация является специфической, обусловленной рядом факторов – формой собственности, стилем руководства, составом персонала и так далее. Для эффективной модернизации принципов работы с персоналом необходим индивидуальный подход к анализу каждой бизнес-системы или организации.

В качестве первого шага оптимизации и повышения эффективности системы мотивации многие компании выбирают диагностику на основе методики В.И. Герчикова, которая описывает типологию мотивации, состоящую из сформулированных пяти типов работников, которые дифференцированы друг от друга в зависимости от специфики и особенностей их мотивации.

Рассмотрим их подробнее. Первый тип – «инструментальный» тип. Такого работника в первую очередь интересует материальное вознаграждение за деятельность и заработная плата. Другой тип – «профессиональный» – с интересами в области непосредственного содержания работы и собственной самореализации. Третий тип – «патриотический». Таким сотрудникам необходимо чувство причастности к организации и возможность вовлечения в общее важное дело. Четвертый – «хозяйский» тип, в интересы которого в первую очередь входит принятие на себя ответственности и стремление к максимальной автономии в решении поставленных задач. И последний – «люмпенизированный» тип, который стремится к минимизации каких-либо трудовых усилий, к поиску несложной деятельности и не особенно озабочен возможностью больших заработков или карьерного роста.

Следует сказать, что первые четыре из описанных типов относят к классу «достижительной» мотивации, а последний из рассмотренных типов – к классу «избегательной» мотивации.

Как уже говорилось выше, нам представляется, что каждая организация в силу ряда причин имеет свою специфику и поэтому в каждом конкретном случае необходим индивидуальный подход к мотивации персонала.

Рассмотрим успешную коммерческую компанию ЗАО ПЭС/СКК. Эта компания присутствует на российском рынке с 1995-го года и занимается производством автокомпонентов. Как и многие другие компании в условиях жесткой конкуренции руководство стало задумываться о новых методах повышения эффективности труда и управления персоналом.

В качестве первого шага на пути реформирования подхода к мотивации работников решено применить диагностику штата инженерно-технических работников по методике В.И. Герчикова, которая предусматривает деление персонала на пять типов в зависимости от особенностей его мотивации [1].

Целью этой работы было выявить специфику мотивационного типа инженерно-технических работников компании и, основываясь на выявленных данных, предложить методы более результативной работы с людьми для повышения их удовлетворенности своей работой и снижения уровня текучести кадров.

Исследование проведено на выборке из 90 человек.

Методика – тест В.И. Герчикова.

Результаты анкетирования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение инженерно-технических работников ЗАО «ПЭС/СКК» по типу трудовой мотивации.

<i>Тип трудовой мотивации</i>	<i>Доля сотрудников, %</i>
<i>Профессиональный</i>	33%
<i>Инструментальный</i>	26%
<i>Хозяйский</i>	15%
<i>Патриотический</i>	14%
<i>Люмпенизированный</i>	12%

На основе полученных данных можно сделать некоторые предположения. Необходим индивидуальный подход к мотивированию сотрудников на основе их мотивационного профиля. Например, большая часть персонала относится к «профессиональному» типу и наиболее важным стимулом для таких работников будет возможность реализации своих знаний умений и навыков в компании, а также возможность профессионального и карьерного роста. В качестве предпочтительной формы оплаты труда рекомендуется повременная оплата (оклад) с дифференциацией в зависимости от квалификации и должности [2].

Также работникам с профессиональным типом мотивации свойственна высокая инициатива и приемлемый уровень дисциплины. Они позитивно относятся к обучению и развитию, а также имеют карьерные амбиции, когда это

необходимо для целей деятельности. Их лидерские качества находятся на среднем уровне. С коллегами, как правило, у них складываются доброжелательные или нейтральные отношения. Понимая специфику профессионального типа мотивации, в качестве основных методов стимулирования таких работников рекомендуются меры направленные на их обеспечение интересной работой, а также их направление на деятельность, подразумевающую последующий профессиональный и карьерный рост. В тоже время негативные виды стимулирования (такие как угрозы или наказания) имеют крайне демотивирующий и вредный эффект.

Отдельно следует отметить, что преобладание в компании профессионального типа мотивации, на наш взгляд, дает определенное преимущество в условиях кризисов и экономической нестабильности так как для таких сотрудником материальное вознаграждение не является доминирующим фактором мотивации.

На втором месте по численности персонала в компании оказался персонал с инструментальным типом мотивации. Таким сотрудникам крайне важен фактор заработной платы и материальных благ: в условиях достойного и справедливого вознаграждения эти работники способны выполнять практически любую работу с высокой самоотдачей. С точки зрения целей и задач бизнеса этой категории сотрудников подойдет сделная форма оплаты труда, основанная на достигнутых результатах.

«Инструментальные» работники не проявляют большой инициативы в деятельности, их уровень дисциплины приемлем. Им не свойственны большие карьерные амбиции. К обучению они относятся без особого интереса. От работников данного типа не приходится ожидать лидерского поведения, отношения с коллегами, как правило, нейтральные, реже могут быть напряженными вследствие зависти со стороны окружающих к их высоким заработкам. Наиболее эффективными средствами стимулирования для «инструментальных» работников являются материальные вознаграждения. Также могут быть применимы и другие типы стимулирования – например, покупка или аренда жилья, предоставление автомобиля, а также негативные меры – такие, как лишение премий и бонусов.

Следующим по выраженности типом мотивации из представленных в рассматриваемой компании является «хозяйский» тип. Для таких работников является нормой добровольное принятие ответственности. В условиях свободы действий они проявляют себя как усердные и целеустремленные работники. И сделная и повременная оплата труда им вполне подойдет.

При приемлемом уровне дисциплины персонал хозяйского типа проявляет высокий уровень инициативы в своей непосредственной работе. Этим сотрудников не привлекает возможность обучения и развития. Им не свойственны большие карьерные амбиции, если только они не позволяют сделать работу более эффективно. Наиболее эффективным методом стимулирования является возможность участия в управленческой деятельности. Также применимы материальные и карьерные стимулы. Однако нужно иметь в виду, что в случае при-

менения негативных стимулов типа угроз и наказаний, эффект будет прямо противоположным ожидаемому.

На четвертом месте по численности персонала в компании находятся представители патриотического типа. Им свойственна лояльность и преданность выбранному делу, организации и своим коллегам. Оплата труда не является здесь ключевым фактором. Этим работникам свойственен высокий уровень инициативы и дисциплины. Они очень позитивно относятся к возможности обучения, развития и повышению квалификации и при этом их гораздо в меньшей степени привлекают возможности карьерного роста.

Представители патриотического типа – прирожденные лидеры. В коллективе у них формируются хорошие деловые отношения с коллегами. Базовыми методами стимулирования такого персонала являются моральные методы – награды, грамоты, благодарности и т.п. Также применимы многие другие формы стимулирования и поощрения, например, социальная программа, возможность участвовать в управлении и т.д.

Последним из представленных в компании типов персонала является так называемый люмпенизированный тип. Таким работникам не свойственен высокий энтузиазм и мотивация. Они стремятся избегать деятельности, связанной с трудозатратами и личной ответственностью. В качестве предпочтительной формы оплаты рекомендуется повременная с зарплатой, зависимой от трудозатрат и сложности или трудоемкости работы. При приемлемом или низком уровне дисциплины работники с люмпенизированным типом мотивации не склонны проявлять в деятельности какую-либо инициативу или активность. Такие работники, как правило, не имеют карьерных амбиций, а если таковые и есть, то их цель – обретение личной власти. При этом они крайне негативно относятся к любым формам обучения, стараясь по возможности их избегать. Они не обладают лидерскими данными, но в то же время у них складываются замечательные отношения с их коллегами. В качестве базовой мотивации таких работников можно рекомендовать негативные меры – наказания и угрозы – для избежания негативных для себя последствий эти работники будут вынуждены прикладывать усилия в ожидаемом направлении.

Таким образом, эффективная работа организации невозможна без уделения должного внимания вопросам мотивации персонала и вдохновения его на деятельность. Каждая компания несет в себе специфику, которую нельзя не учитывать при работе по оптимизации системы мотивации персонала.

На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что с одной стороны было бы абсолютно неправильным применять единые методы стимулирования для всего персонала, с другой – можно видеть, что одни виды стимулов будут эффективны для лиц определенного типа мотивации и в то же время будут деструктивными для других. Мы предлагаем избирательную систему мотивации в зависимости от особенностей каждого сотрудника.

Литература

1. *Балашов Ю.К., Коваль А.Г.* Мотивация и стимулирование персонала: основы построения системы стимулирования // *Кадры предприятия*. 2002. № 7 и 8.
2. *Герчиков В.И.* Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании. М.: ИНФРА-М, 2008. – 282 с.

Н.Н. Пытьев

Динамика мотивационного профиля персонала компании

В настоящее время в условиях повсеместного развития бизнеса никого не удивишь тем фактом, что многие передовые компании стали использовать наработки ученых-психологов для повышения уровня мотивации своего персонала. В то же время можно видеть, что выбор по-настоящему эффективных инструментов для определения трудовой мотивации сотрудников невелик.

Одним из известных инструментов такого рода является методика Герчикова [2; 3], который предложил типологическую модель типов мотивации, описывающую пять основных возможных типов – инструментальный с преобладанием материальной мотивации, профессиональный, для которого ценностью является сама деятельность, патристический с интересами в сторону причастности к общему делу, хозяйский, который характеризуется склонностью к принятию на себя ответственности и к свободе в деятельности, а также люмпенизированный – тип избегательной мотивации, склонный к уклонению от ответственности и активной деятельности.

Другим инструментом, который также нашел широкое применение является методика Герцберга [6] на основе двухфакторной модели мотивации. Он предложил деление мотивационных факторов непосредственно на мотивационные, к которым он отнес, в частности, интересную и увлекательную работу, а также признание со стороны окружающих и так называемые гигиенические факторы – зарплата, условия труда, отношения в коллективе и т.д. Согласно этой концепции, первая группа факторов приводит к удовлетворенности персонала работой, а вторая группа при должном уровне реализации обеспечивает то, что у человека не формируется чувство неудовлетворения от выполняемой работы.

Еще один эффективный инструмент служб и отделов управления персоналом – это «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина [7], разработанный специально и нацеленный на практическое применение. Полученный опросник позволяет оценить двенадцать факторов мотивации, а также проранжировать их в порядке важности (значимости) для работников.

К учтенным исследователями факторам относятся материальное вознаграждение, условия труда, структурирование деятельности, социальные контакты, взаимоотношения, признание достижений, стремление к достижениям,

стремление к власти и влиянию, разнообразие, творчество, самосовершенствование, интересная и полезная работа.

Данный инструмент представляется очень эффективным и применимым для разных стран т.к. исследования, которые легли в его основу были проведены на значительных выборках и во многих странах мира, включая Россию.

Известна еще одна оригинальная методика диагностики мотивации персонала – это подход разработанный И.Г. Кокуриной [5], которая говорит о двух смысловых ориентациях – процессуальной, исходя из которой человек действует в обозначенных ему рамках и результирующей, которая говорит о том, что человек может выходить за предписанные ему работой рамки.

Укажем еще один прогрессивный инструмент диагностики и работы с трудовой мотивацией – это тестовый комплекс СТМ (структура трудовой мотивации) [1; 4]. Он позволяет выявить у человека представленность следующих ключевых мотивов: направленность трудовой мотивации, интерес к процессу, творчество, общение, включенность в команду, помощь людям, служение обществу, общественное признание, руководство, деньги, связи, следование традициям, сохранение здоровья.

Описанные методики являются эффективными и хорошо зарекомендовавшими себя инструментами, которые успешно использованы во многих компаниях и организациях.

Однако на сегодняшний день в условиях постоянных перемен, на наш взгляд, нельзя полностью полагаться на результаты тех или иных диагностических методов с целью последующей оптимизации системы мотивации компании для повышения результативности трудовой деятельности. Мы считаем, что бизнес-среда, представленная в любой компании, не является чем то статичным и постоянно меняется и трансформируется в силу множества причин – благодаря происходящим событиям, ротации персонала и текучести кадров, а также в силу прочих возможных причин.

В связи с этим мы выдвигаем гипотезу о динамическом характере мотивационного профиля организации. То есть мы говорим о том, что с течением времени в силу разных причин мотивационный профиль компании может меняться значительно и поэтому службам по работе с персоналом нельзя успокаиваться после проведения реформирования системы мотивации на основе каких-либо диагностических инструментов. Например, уже через год ранее полученные результаты тестирования могут не отражать актуальной картины мотивации персонала в организации.

Для прояснения этого вопроса проведено исследование мотивационного профиля коммерческой компании ПЭС/СКК, основным направлением деятельности которой является производство автокомпонентов.

Целью нашей работы является установление динамического характера мотивационного профиля организации – то есть его значимого изменения со временем под влиянием определенных событий.

Для достижения этой цели требуется решить следующие *задачи*: выбрать методику диагностики мотивационного профиля, провести тестирование пер-

сонала для получения среза, провести повторно то же самое тестирование через определенный период времени после первоначального, сравнить результаты тестирования.

Предметом исследования является динамика мотивационного профиля.

Объект исследования: мотивационная сфера сотрудников коммерческой компании.

В качестве диагностического инструмента мы выбрали методику Ш. Ричи и П. Мартина, как наиболее доступную и примененную на практике во многих известных организациях.

Выборка. Исследование проводится в коммерческой компании. Для исследования используются две группы – экспериментальная (30 человек, 17 мужчин и 13 женщин в возрасте от 20 до 52 лет) и контрольная (30 человек 12 мужчин и 18 женщин в возрасте от 20 до 52 лет).

Процедура. Эксперимент проводится следующим образом: испытуемым предложены тесты-анкеты мотивационного профиля Ш. Ричи и П. Мартина. По истечению месяца от даты исходного тестирования происходит «воздействие» в виде отсутствия ежегодного повышения заработной платы. Затем исходное тестирование повторяется на тех же выборках (экспериментальная и контрольная группы). Отличие контрольной группы от экспериментальной в том, что испытуемые контрольной группы не ожидали повышения заработной платы в связи с тем, что для них оно было проведено ранее.

Обсуждение результатов. Полученные в результате тестирования данные представлены в таблицах:

Таблица 1. Распределение факторов мотивации для экспериментальной группы

Фактор №	Наименование	До воздействия	После воздействий	Различие, %
1	Потребность в высокой заработной плате	491	713	45,21%
2	Потребность в хороших условиях работы	303	380	25,41%
3	Потребность в четком структурировании работы,	443	511	15,35%
4	Потребность в социальных контактах	193	156	-19,17%
5	Потребность формировать и поддерживать долгосрочные, стабильные взаимоотношения	202	176	-12,87%
6	Потребность в завоевании признания	505	363	-28,05%
7	Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели	331	278	-16,01%
8	Потребность во влиятельности и власти	307	193	-37,03%
9	Потребность в разнообразии	293	389	32,76%

	зии, переменах и стимуляции			
10	Потребность быть креативным, анализирующим, думающим работником	216	284	31,79%
11	Потребность в самосовершенствовании, росте и развитии	519	429	-17,34%
12	Потребность в интересной, общественно полезной работе.	555	479	-13,62%

Таблица 2. Распределение факторов мотивации для контрольной группы

Фактор.№	Наименование	До воздействия	После воздействия	Различие, %
1	Потребность в высокой заработной плате	452	487	7,74%
2	Потребность в хороших условиях работы	272	325	19,49%
3	Потребность в четком структурировании работы,	471	423	-10,19%
4	Потребность в социальных контактах	312	215	-31,09%
5	Потребность формировать и поддерживать долгосрочные, стабильные взаимоотношения	169	152	-10,06%
6	Потребность в завоевании признания	423	457	8,04%
7	Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели	372	305	-18,01%
8	Потребность во влиятельности и власти	217	154	-29,03%
9	Потребность в разнообразии, переменах и стимуляции	385	394	2,34%
10	Потребность быть креативным, анализирующим, думающим работником	229	198	-13,54%
11	Потребность в самосовершенствовании, росте и развитии	427	452	5,85%
12	Потребность в интересной, общественно полезной работе.	485	537	10,72%

Рассматривая полученные в результате тестирования данные для экспериментальной группы испытуемых, можно видеть, что факторы мотивации на этапе «До воздействия» распределены определенным образом. Очевидно, что доминирующим фактором мотивации является фактор «Потребность в интересной, общественно полезной работе», на втором месте находится фактор «Потребность в самосовершенствовании, росте и развитии», затем фактор «Потребность в завоевании признания», фактор «Потребность в высокой заработной плате» и фактор «Потребность в четком структурировании работы». Далее с некоторым отрывом представлены прочие факторы – «Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели», «Потребность во влиятельности и власти», «Потребность в хороших условиях работы», «Потребность в разнообразии, переменах и стимуляции», «Потребность быть креативным, анализирующим и думающим работником», «Потребность формировать и поддерживать долгосрочные, стабильные взаимоотношения» и «Потребность в социальных контактах».

При повторном тестировании после проведенного воздействия ситуация с распределением факторов мотивации для экспериментальной группы радикально меняется и фактор «Потребность в высокой заработной плате» выходит на первое место по значимости, затем идут факторы «Потребность в четком структурировании работы», «Потребность в интересной, общественно полезной работе», «Потребность в самосовершенствовании, росте и развитии» и «Потребность в разнообразии, переменах и стимуляции». Далее следуют прочие факторы – «Потребность в хороших условиях работы», «Потребность в завоевании признания», «Потребность быть креативным, анализирующим, думающим работником», «Потребность ставить для себя дерзновенные, сложные цели», «Потребность во влиятельности и власти», «Потребность формировать и поддерживать долгосрочные, стабильные взаимоотношения» и «Потребность в социальных контактах».

В тоже время можно видеть, что для контрольной группы испытуемых не произошло столь значительное смещение акцентов и изменение значимости.

Поэтому мы делаем вывод, что наше предположение о динамическом характере мотивационного профиля компании полностью подтвердилось.

Выводы. Необходимо принимать во внимание динамический характер мотивационного профиля компании и проводить диагностику регулярно с заданным интервалом времени. По итогам диагностики требуется модификация подхода к системе мотивации персонала компании на основе актуального состояния мотивационного профиля.

Литература

1. *Балашов Ю.К., Коваль А.Г.* Мотивация и стимулирование персонала: основы построения системы стимулирования // *Кадры предприятия.* 2002. № 7-8.

2. *Герчиков В.И.* Типологическая концепция трудовой мотивации. Ч. 1 // Мотивация и оплата труда №2, 2005. С. 53-62.
3. *Герчиков В.И.* Типологическая концепция трудовой мотивации. Ч. 2. // Мотивация и оплата труда №3, 2005, С. 2-6.
4. *Горбачев А.В., Куприянов Е.А., Науменко А.С., Одинцова В.В., Шмелев А.Г.* Методика «Структура трудовой мотивации» и перспектива ее применения // Психологический журнал, 2006.
5. *Кокурина И.Г.* Методика изучения трудовой мотивации. М., 1990.
6. *Мескон М.Х.* Основы менеджмента. М.:ООО «И. Д. Вильямс», 2007.
7. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 399 с.

А.А. Шалаева, Н.Ю., Самыкина

Психологические характеристики представителей поколения Z

Смена поколений происходит на протяжении всей человеческой истории, порождая интерес к изучению взаимоотношений между поколениями, их схожести и различий, закономерностей и особенностей формирования. Чаще всего взаимоотношения между поколениями рассматривают как «проблему отцов и детей». В разное время она становилась актуальной в литературе, философии, социологии, истории, и в данный момент остается значимой научной и прикладной темой. Связано это с тем, что благодаря процессу глобализации одно и то же поколение в разных странах оказывается под влиянием сходных событий в одни и те же промежутки времени. Кроме того, активно прорабатывается вопрос того, как применять полученные знания на практике и эффективно их использовать.

На основе анализа литературы можно сделать вывод, что в настоящее время существует всего одна теория поколений, которая активно используется. Она была разработана американскими учеными Нейлом Хоувом и Уильямом Штраусом в 1991 году. Важным в ней является то, что на первый план при описании поколений они выводят анализ исторических событий и особенностей воспитания под влиянием которых у людей того или иного поколения сформировались свойственная им совокупность ценностей и установок.

Еще до Хоува и Штрауса особое значение придавалось влиянию специфических для данного возраста, исключительных и неповторимых отношений между ребенком и окружающей действительностью в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина [2].

В теории, предложенной Л.С. Выготским отношения, складывающиеся между ребенком и социумом, образуют так называемую «социальную ситуацию развития». В этой ситуации в результате возрастного развития, возникающие к концу определенного возраста новообразования, приводят к перестройке

всей структуры сознания ребенка и тем самым изменяют всю систему его отношений к внешней действительности и к самому себе (Выготский Л.С., 1984). А.Н. Леонтьев и Д.Б. Эльконин акцентируют внимание на таком понятии как «ведущий тип деятельности», соотнося его с ведущим отношением ребенка к действительности.

Именно «глубинные» ценности являются подсознательными и остаются абсолютно незаметными и неявными (в том числе для самих представителей поколений). Но в течение всей жизни каждое поколение живет и действует под их влиянием. При этом авторами не отрицается существование иных ценностей (общечеловеческих, индивидуальных) [3].

Итак, поколение – это группа людей, рожденных в определенный период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Мы не замечаем этих ценностей, они действуют незаметно для нас, но во многом определяют наше поведение: как мы общаемся, как решаем, как развиваемся, что нас мотивирует, как ставим цели и др. [4].

Каждые четыре поколения составляют цикл. Временной промежуток, в который рождаются представители одного поколения, – около 20 лет, длительность одного цикла – 80-90 лет. Дети, рожденные на стыке поколений, испытывают влияние двух групп ценностей и образуют так называемое переходное поколение [4].

Штраус и Хоув обнаружили закономерность в смене поколений, связанную с чередованием периодов кризиса и подъема. Кризисы связаны с наличием крупных потрясений и угроз. Они приводят к формированию в обществе стремления к консенсусу, единству, самопожертвованию. Возрастает ценность сильного институционального порядка. В период подъемов преобладает стремление к индивидуализму, к преобразованию внутреннего мира и системы ценностей. Институциональный порядок подвергается нападкам с точки зрения новых социальных идеалов и духовных парадигм [5].

Для России предложенную Хоувом и Штраусом модель адаптировали психолингвист Евгения Шамис и психолог Алексей Антипов. Они выделили значимые для российских граждан, как мировые, так и локальные события, которые повлияли на формирование ценностей поколений.

Молчаливое поколение – *те, кому сейчас 70-90 лет*. Их ценности были сформированы под влиянием: мирового экономического кризиса; голода 20-30-х годов; индустриализации и коллективизация; пятилеток и социалистических соревнований; Великой Отечественной Войны и победы в ней; культа личности И.В. Сталина; репрессии; строгой цензуры, распространенности доносов; ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки; начало противостояния СССР – США; открытий в области техники и технологий и др. [5].

В итоге, у молчаливого поколения были сформированы такие ценности как [6] уважение закона и порядка, законопослушность, соблюдение правил, закон для них является непререкаемым авторитетом, уважение к должности и статусу, подчинение, велика роль и значение высокопоставленных лиц, признание их заслуг коллективом и руководителем, коллективизм, стремление много

работать, терпение, жертвенность и преданность. Для этого поколения жертвовать для страны, Родины – не то, что нормально, а как основа порядка и жизни.

Бумеры – те, кому сейчас 50-70 лет. Это поколение было названо так из-за бума рождаемости, наблюдавшегося в послевоенные годы как в России, так и в союзных странах. Их ценности формировались под влиянием: победы во Второй мировой войне, ощущение себя гражданами супердержавы, полет Гагарина в космос, «холодной войны» [7].

Бумеры стремятся к видимым символам, к обладанию материальными вещами, которые являются подтверждением их упорной работы (сертификаты, награды, почетные значки). Для них это важный показатель того, что они проделали хорошую работу. Им необходимо говорить, что они проделали хорошую работу; им важно, чтобы их руководитель подтвердил это [9].

Главные ценности этого поколения [6]: оптимизм, идеализм, трудоголизм, работа, команда, личностный рост, имидж, личное вознаграждение и статус.

Поколение X - *те, кому сейчас от 35 до 50.* Их ценности были сформированы под влиянием: продолжения «холодной войны», «падение занавеса», смены «коммунизма» на «перестройку», смены количества руководителей на национальном уровне [8]. Они любят перемены и нуждаются в чем-то новом. Для этого поколения очень важна свобода, возможность выбора, разнообразие, гибкость. Им претит жесткий контроль и подчинение. Они опираются на собственный опыт и свои представления, но при этом сильно ориентированы на чужое мнение.

Ценности поколения [9]: наличие выбора, возможность изменения, информированность, равноправие, прагматизм, индивидуализм, надежда на себя.

Поколение Y *те, кому сейчас от 25 до 34 лет.* На формирование ценностей поколения Y повлияли такие факторы как: развал Советского Союза, создание нового государства, политическая либерализация, глобализация и бурное развитие информационных технологий, мобильной связи, Интернета и т.д. [3].

Им необходимо знать, что от них что-то зависит, что они сами могут действовать, воплощать мечты и получать задуманное. «Игреки» хотят получить от жизни максимум удовольствия, развивать свою личность, попробовать все. Особой ценностью для них является личное время. Им важно все успеть и не растративать его на то, что им неинтересно. «Игреки» нацелены на результат. И при этом они рассчитывают на вознаграждение, и не в отдаленной перспективе, а здесь и сейчас. Представители поколения Y не умеют думать на большую перспективу и должны знать, во что вкладывают свое время.

Еще одно из важных качеств этого поколения – контактность. Связано это с тем, что в мире больше нет четких границ (в общении, в потоках информации, в социальном разграничении). Это поколение формировалось в эпоху гласности. Они имеют доступ к огромному количеству информации из самых разных источников. Получить ее гораздо легче, чем раньше. Однако они не склонны анализировать и перепроверять полученную ими информацию. Они легко верят на слово. Они ориентированы вовне, на общество.

Иной смысл приобретает для них понятие успеха. Им свойственно развиваться по горизонтали, а не по вертикали. Вместо того, чтобы карабкаться вверх по единожды выбранной вертикальной лестнице, представитель этого поколения, скорее, будет стараться получить более широкий опыт в нескольких сферах [5]. Для этого поколения важен баланс между работой и жизнью. Они не делают карьеру единственным приоритетом. Им важно, чтобы работа не мешала семье и личной жизни. В семейной жизни они в малой степени ориентированы на традиционные взгляды о разделении гендерных и семейных ролей [10]. Они предпочитают выполнять родительские функции совместно.

Особый интерес в настоящее время представляет изучение поколения Z, ценности которого к настоящему моменту уже сформировались и можно не просто предполагать, а исследовать, то, каким оно будет в ближайшее время, как проявит себя в разных сферах. В настоящий момент происходит глобализация и увеличение темпа развития всех сторон жизни. Это приводит к тому, что временные границы формирования ценностей одного поколения, а значит и формирования целого поколения, снижаются до 10-15 лет (это относится к поколению Y и последующим) [1].

Таким образом, под поколением «Z» в данной статье понимаются люди, рожденные с середины 1990-х по конец 2010-х, испытавших влияние одних и тех же событий, происходивших в этот период и особенностей воспитания, с похожими ценностями.

Выборка исследования составила 82 человека. Из них было сформировано 2 группы по 40 и 42 человека. Критерий деления на группы – год рождения. Группа №1 – люди, родившиеся в период с 1980 по 1994. Группа №2 – люди, родившиеся в период с 1995 по 2010. Мы взяли данный интервал, исходя из существующей теории поколений с поправками, внесенными в результате влияния глобализации, технического прогресса и быстрым развитием всех сторон жизни. В нашем исследовании мы не принимали во внимание, каких либо других различий.

Исследование состояло из **двух этапов**.

На *первом* этапе исследования мы предложили испытуемым опросник, в котором попросили отметить те события, которые остались в их памяти (у них остались воспоминания о мыслях, чувствах, эмоциях, которые вы испытывали в связи с этим событием). Опросник представлен в виде списка из 57 событий, составленного нами на основе анализа литературы. В списке представлены значимые события из разных сфер, происходивших в период формирования поколения Z. Кроме того, мы попросили ответить на 2 вопроса: 1) к какому поколению они себя относят и как могут охарактеризовать это поколение, 2) чем, по их мнению, люди, рожденные с начала 1980-х до середины 1990-х, отличаются от тех, кто родился с 1995 по 2010-е годы.

Были получены следующие **результаты**. Самыми запоминающимися, чувственно и эмоционально значимыми стали для представителей поколения Z стали: эпидемия свиного гриппа, извержение исландского вулкана Эйяфьятлайокудль, убийство Усамы бен Ладена, террористические акты в Норвегии,

смерть первого президента России Б.Н. Ельцина, авиационная катастрофа, в результате которой погибли президент Польши Лех Качиньски, его жена, известные польские политики, почти всё высшее военное командование, общественные и религиозные деятели, аномально жаркое лето 2010го, падение метеорита на Урале, Плутон лишён статуса планеты, XXIX Летние Олимпийские игры в Пекине, КНР.

Менее значимыми для них оказались: казнь иракского лидера Саддама Хусейна, взрыв в московском аэропорту «Домодедово», расшифровка генома человека, XXVIII Летние Олимпийские игры в Афинах, Греция, XX Зимние Олимпийские игры в Турине, Италия, XXI Олимпийские зимние игры в Ванкувере, Канада, смерть папы римского Иоанна Павла II, смерть Предстоятеля Русской православной церкви, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, создание и развитие Твиттер, открыт сайт WikiLeaks.

Кроме того, выделить какую-либо сферу (наука, политика, экономика и др.), где преобладало бы большее или меньшее количество выборов не представляется возможным. Различия в выборах по большинству событий у поколения Y и Z незначимы.

Здесь же мы попросили представителей обоих поколений написать, к какому поколению они себя относят и как могут охарактеризовать его. Кроме того мы спросили, чем, по их мнению, люди, рожденные с начала 1980-х до середины 1990-х, отличаются от тех, кто родился с 1995 по 2010-е годы (То есть, мы хотели узнать, чем по их мнению отличаются поколения Z и Y).

Практически все представители поколения Y относят себя к «поколению 90-х». Однако есть те, кто называет себя «поколением 80-х» (среди них только те люди, которые родились в 80-е), «поколение, рожденных в СССР». Однако есть и те, кто относит себя к «поколению Z», «поколению 2000-х», «поколению 21 века».

Характеризуя свое поколение, большинство представителей поколения Y особенно отмечают период детства. Они характеризуют его как «выросшие на улице, а не в социальных сетях», «счастливое детство», «которое играло на улице». Говоря как о детстве, так и вне его контекста они особо подчеркивают, что успели застать те времена, когда в повседневную жизнь еще не вошли компьютеры, интернет, высокие технологии, отмечая при этом положительную сторону таких обстоятельств.

В качестве объяснения отметим, что в настоящее время все больше признается существование субпоколения, сформировавшегося в Российских условиях с начала до середины 90-х. Оно захватывает в них одну и ту же возрастную когорту – последних «детей перестройки» и первых «постсоветских» детей. Можно заметить, что в своих ответах они действительно называют себя переходным поколением, говоря о себе «поколение перехода из СССР в Россию», «поколение с чертами Y и Z», «те, кто стоят на грани. Они молоды, но по своему сознанию еще относятся к старому миру», «Переломное поколение. Еже не советский союз, но большинство еще не готовое жить по новым законам».

Представители поколения Z так же называют себя «поколением 90-х». В своих ответах отмечают, что они те, кто с детства прочувствовал на себе компьютеризацию. Они отмечают, что способны изменить и повлиять на мир.

Говоря об отличиях, поколение Y особо отмечает отличие от поколения Z по такому критерию как «избалованность», считая поколение Z более избалованным чем свое. Они признают, что у них есть авторитеты и уважение старших, боязнь нестабильности государства, способность удивляться техническим новинкам. Они считают свое поколение добрее, дружелюбнее, менее ориентированы на себя, менее мобильными, более консервативными. Особо отмечают, что они шире мыслят, рассудительнее, более духовное и нравственное, для них материальное и внешний вид значат гораздо меньше. Это то, что они считают, отличает представителей поколения Z от Y.

Представители поколения Z, отвечая на вопрос об отличии поколений, отмечают, что те, кто родились с начала по середину 90-х более замкнутые, что они попали под влияние рекламы и моды на вредные привычки. Считают, что для их поколения это не свойственно. Кроме того, они отмечают, что у них (т.е. у представителей поколения Z) условия, в которых они росли более комфортные.

На втором этапе проходило психодиагностическое исследование с помощью методик: методики исследования самооотношения (МИС), опросника межличностных отношений (ОМО), методики изучения ценностей личности Ш. Шварца, теста жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А Леонтьева, Е.И. Рассказовой).

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что большинство представителей как поколения Y, так и поколения Z имеют средние показатели по каждому из компонентов самооотношения, а значит и обладают сходными характеристиками.

Они склонны к честности и открытости перед собой и другими, но при этом в некоторых ситуациях у них могут актуализироваться психологические защиты, которые будут актуализировать защитные реакции не только в отношении других людей, но и в отношении себя самого.

Однако для представителей поколения Z в отличие от представителей поколения Y в меньшей степени свойственна конформность, желание соответствовать общепринятым нормам, мотивация социального одобрения. Тем же для них, в большей мере свойственна критичность, открытость перед самим собой, выше способность к рефлексии, честность, способность не скрывать от себя и других даже неприятную информацию. У представителей поколения Y видение себя более поверхностное.

Представители обоих поколений достаточно уверены в себе. В привычных ситуациях они сохраняют должный уровень работоспособности, уверенности в себе, ориентация на успех в начинаниях, ощущение силы своего Я. При появлении неожиданностей может нарастать тревога и беспокойство.

Представители поколения Z и Y обладают уровнем саморуководства, который позволяет в привычных условиях, где все знакомо и прогнозируемо,

проявлять выраженную способность к самоконтролю. Однако в новых и непривычных ситуациях уровень личного контроля может несколько снижаться. На первый план может выходить подчинение некоторым средовым воздействиям.

Представители обоих поколений избирательно воспринимают отношение окружающих к ним. Есть понимание того, что одни их качества способны вызывать уважение, а другие раздражение и неприятие.

Для поколения Z в меньшей степени свойственно воспринимать себя как приятным для окружающих людей. Для них больше свойственно сомневаться в том, что их любят и ценят за их качества, поступки и действия. Представители поколения Y гораздо уверенней в том, что они способны вызвать уважение и положительное отношение со стороны окружающих.

Представители как поколения Y, так и поколения Z высоко оценивают свои качества, признают их уникальность, однако ряд качеств ими недооценивается. Они так же склонны принимать не все свои достоинства и критиковать не все свои недостатки. Представители поколения Y в большей степени принимают себя и свои качества во всей их полноте проявлений, ощущают симпатию к себе, даже при наличии недостатков. Они стремятся изменять лишь некоторые личностные свойства при сохранении других.

Отношение представителей обоих поколений к себе зависит от степени адаптированности к той или иной ситуации. Если условия привычны, знакомы, наблюдается положительный фон в отношении к себе. Неожиданные трудности и препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов. И то и другое поколение не склонно винить во всем только себя или только окружающих. Однако поколению Z, в большей мере свойственно видеть недостатки в себе, брать вину на себя. Итак, как мы видим, представители поколения Z ценят и уважают себя, признают свою уникальность и индивидуальность, но при этом склонны сомневаться, нравятся ли они окружающим. Они не стремятся соответствовать общепринятым нормам, но при этом хотят нравиться окружающим. Такая двойственность может быть связана с тем, у представителей этого поколения с раннего возраста есть представления не только о себе как о «Я-реальном», но и о собственной представленности в виртуальном пространстве. Этот виртуальный образ (к примеру в социальных сетях) может не просто не соответствовать представлениям о себе в обычной жизни, он может искусственно создаваться, наполняться тем, что не свойственно человеку в реальной жизни, чем он не обладает, что он хотел бы иметь и каким бы хотел быть. Таким образом, два этих образа (о себе в реальной жизни и в виртуальном пространстве) могут приводить к внутреннему конфликту в восприятии себя и появлении таких противоречий, которые мы описали выше.

У представителей поколения Z уровень включенности (т.е. потребности создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми) выше, чем у представителей поколения Y. Они чувствуют себя среди людей достаточно хорошо и уверенно. В своем поведении они проявляют тенденцию к установлению, взаимного интереса и сотрудничества, стремятся искать и принимать окружающих, чтобы те, в свою очередь, принимали участие в их дея-

тельности, проявляли к ним интерес. С другой стороны потребность быть включенным можно охарактеризовать, как желание нравиться, вызывать интерес, привлекать внимание, быть замеченным. С точки зрения самооценки такая потребность может быть связана со стремлением чувствовать себя ценной и значимой личностью, индивидуальностью, непохожей на других людей. От окружающих они ждут, что те будут стремиться устанавливать контакты, приглашать их принимать участие в своих делах. Им важно, что бы со стороны окружающих присутствовал интерес к ним.

В свою очередь, у представителей поколения Y потребность включения имеет низкие значения. Они не чувствуют себя достаточно уверенно среди людей и не стремятся к установлению большого количества контактов. От окружающих они ждут такого же поведения в отношении них.

У большинства представителей поколения Z преобладают высокие показатели потребности контроля (влияния на окружающих). Они стремятся контролировать и влиять на окружающих, брать руководство в свои руки и принимать решения. Присутствует стремление к установлению близких, интимных отношений и с другими и проявлению к ним теплых дружеских чувств. От других они ждут подобного поведения, чтобы окружающие так же стремились установить с ними эмоционально близкие отношения. Они очень осторожны в выборе лиц, с которыми они устанавливают близкие такие отношения. При этом, они не требуют, чтобы другие стремились проявлять к ним те же чувства и вовлекали их в глубокие эмоциональные отношения.

В итоге у представителей поколения Z мы можем отметить противоречивые тенденции в желаниях и поведении – быть в центре внимания, не зависеть от оценок, но в то же время чувствовать себя ценным для окружающих. Это может быть связано с тем, что, чувствуя себя ценными и значимыми для окружающих, они, таким образом, подтверждают высокую оценку своих качеств, свою уникальность.

Для представителей поколения Y на уровне нормативных идеалов (то есть на уровне убеждений) наиболее значимыми являются ценности «безопасность», «самостоятельность» и «доброта». Самыми незначимыми для них оказались «власть», «конформность», «традиции». Для представителей поколения Z на уровне нормативных идеалов (то есть на уровне убеждений) наиболее значимыми являются ценности «самостоятельность», «гедонизм» и «доброта». Самыми незначимыми для них оказались «стимуляция», «традиции», «власть». Ценность «стимуляция» оказывается более приоритетной для представителей поколения Z чем для представителей поколения Y. Ценность «безопасность» оказывается более значимой для представителей поколения Y, чем для представителей поколения Z.

Таким образом, мы можем сказать, что представители поколения Z считают важным и ценным получение удовольствия от жизни, в то время как представители поколения Y признают ценным стабильность, как на уровне личных взаимоотношений, так и всего общества. Причиной тому могут быть нестабильность, большое количество перемен в политической, экономической и других сферах наблюдавшаяся в период формирования поколения Y. С этим может быть связано и то, что для

представителей поколения Y новизна и разнообразие переживаний оказываются менее значимыми, чем для представителей поколения Z. Это же оказывается в ряду незначимых ценностей для представителей поколения Z в связи с тем, что с детства они наблюдают быстрый темп развития во всех сторонах жизни, появление нового становится чем-то естественным и привычным.

для представителей поколения Y самыми значимыми ценностями на уровне индивидуальных приоритетов (то есть в конкретных поступках) оказались «самостоятельность», «гедонизм», «безопасность». А самыми незначимыми стали «универсализм», «конформность», «традиции». Для представителей поколения Z самыми значимыми ценностями на уровне индивидуальных приоритетов (то есть в конкретных поступках) оказались «гедонизм», «безопасность», «универсализм». А самыми незначимыми стали «самостоятельность», «конформность», «власть».

Ценность «универсализм» является более приоритетной для представителей поколения Z чем для представителей поколения Y. Поколение Y в свою очередь больше ценят «самостоятельность» чем представители поколения Z.

«Конформность» и «традиции» оказываются незначимыми как на уровне убеждений, так и в конкретных поступках у представителей обоих поколений.

Итак, мы видим, что если для представителей поколения Y в конкретных поступках ценным становится возможность самостоятельного принятия решений, действий, и не ценится понимание, терпимость и забота об окружающих, то для представителей поколения Z все наоборот. Связано это может быть с тем, что в период формирования поколения Y, в период господствующей нестабильности и неопределенности было необходимо действовать самостоятельно, принимать собственные решения, ориентироваться, прежде всего, на себя. Именно поэтому у представителей поколения Y сформировались подобные ценности. В период формирования поколения Z на первый план выходит сотрудничество в политической, экономической и научных сферах.

Представители обоих поколений в достаточной мере убеждены в том, что могут повлиять на ход событий, на результат происходящего, даже в том случае, если это влияние не гарантирует успех. Они уверены что способны самостоятельно принимать решения и выбирать. Они убеждены в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Это обуславливает то, что они готовы действовать даже в отсутствии надежных гарантий успеха. Однако при этом они могут чувствовать неудовлетворенность тем, чем они занимаются, незначимость этого. Если говорить об уровне жизнестойкости, то можно констатировать, что представители обоих поколений способны на достаточном уровне выдерживать тревогу и стресс, неопределенность, действовать творчески и идти на риск.

По итогам работы, можно сделать следующие **выводы**.

1. События, значительно повлиявшие на формирование поколения Z, относятся к сфере высоких технологий и внедрением в повседневную жизнь компьютера, интернета и социальных сетей. При субъективном сравнении поколе-

ний Y и Z люди одного и того же возраста (16-22 года) дают различные интерпретации событий. Так, если люди себя относят к Y, они говорят о том, что интернет и технологизация привели к «утрате человеческого общения» и «нормального развития». Если же люди себя относят к поколению Z, то те же факты (интернет и технологизация) объясняют тем, что они «дали новые возможности», «открыли мир» и сделали процессы жизни «более быстрыми и разнообразными».

2. Традиции не являются для представителей поколения Z ценностью, как на уровне убеждений, так и в поведении. Они не стремятся соответствовать общепринятым нормам и стандартам и быть социально одобряемыми и считают значимым для себя наличие возможности получать удовольствие и наслаждение от жизни.

3. В своем поведении представители поколения Z проявляют тенденцию к установлению контакта, взаимного интереса и сотрудничества, стремятся искать и принимать окружающих, чтобы те, в свою очередь, принимали участие в их деятельности, проявляли к ним интерес. Они хотят нравиться и привлекать внимание. В то же время они склонны сомневаться в том, приятны ли они для окружающих людей, что их любят и ценят за их качества, поступки и действия.

4. Представители поколения Z стремятся быть непохожими на других и ценят индивидуализм. В отношении себя критичны, честны и открыты перед самими собой, склонны к рефлексии. Они способны самостоятельно принимать решения и выбирать, убеждены в том, что могут повлиять на ход событий, на результат происходящего. Они высоко оценивают свои качества, признают их уникальность, однако им свойственно видеть недостатки, прежде всего в себе, брать вину за что-то на себя. При этом стремятся чувствовать себя ценной и значимой личностью.

5. Социальный статус, престиж, власть не являются ценностью для представителей поколения Z. Фактически, для них не существует авторитетов, но существуют значимые для определенной сферы жизни люди.

6. Представители поколения Z способны на достаточном уровне выдерживать тревогу и стресс, неопределенность, действовать творчески и идти на риск, действовать даже в отсутствии надежных гарантий успеха. В привычных и прогнозируемых ситуациях уверены в себе, обладают высоким уровнем работоспособности, ориентированы на успех, обладают высоким уровнем самоконтроля.

7. Результаты проведенного исследования применимы к различным сферам и отраслям, включая психологию, педагогику, маркетинг, рекрутинг. В качестве перспективы для данного направления мы видим использование результатов исследования отдельных поколений, их ценностей и психологических особенностей для организации учебного процесса (форм организации учебного процесса, способов подачи учебного материала, контроля и др.), трудового процесса (подбор персонала, мотивация персонала, организация совместной работы людей разных возрастов, являющихся представителями разных поколений).

Литература

1. *Альбац Е.М., Хоув Н.* Они выросли в циничной среде// RuGenerations, Теория поколений в России. [Электронный ресурс] URL: <http://rugenerations.su/2011/01/26/они-выросли-в-циничной-среде/>
2. *Белорусец А.С., Фролов Ю.И.* Всевозрастная схема структуры психологического возраста и ее содержательное наполнение на примере старости // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 3. С. 60-73.
3. *Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В.* Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь мир, 2011. – 308 с.
4. *Дубин Б.В.* Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61-80.
5. *Исаева М.А.* Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса И Н. Хоува // ЗПУ. 2011. №3. С. 290-295.
6. *Митрофанова Е.С.* Использование прикладных аспектов Теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики // Демоскоп Weekly. 2009. № 381/382. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/student03.php> (дата обращения: 20.04.14).
7. *Седов Л.А.* Поколенческий прогноз // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 78-85.
8. *Чумаков В.* По ком молчит поколение Z // Коммерческий директор. 2007. № 11(23). С. 56 -61.
9. *Шамис Е.М., Никонов Е.* Ключ к бэби-бумеру // RuGenerations, Теория поколений в России. URL: <http://rugenerations.su/2010/07/09/>
10. *Sandeen C.* Boomers, Xers, and Millennials: Who Are They and What Do They Really Want from Continuing Higher Education? // Continuing Higher Education Review. 2008. № 72. p 11-31.

НАПРАВЛЕНИЕ 3. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.А. Астапова

Проблема подготовки медиаторов в рамках учебного процесса в вузе

Подготовка студентов к профессиональной деятельности была и остается одной из самых актуальных проблем высшей школы. Особую остроту эта проблема приобретает в связи с повышением требований со стороны рынка труда, с увеличением спроса на высококвалифицированные кадры. Как показывает практика, наиболее успешными в поиске работы оказываются студенты, проявившие в процессе учебы конкурентоспособность, уверенность в себе и своей профессиональной позиции, стремление к саморазвитию и карьерному росту. На наш взгляд, воспитание таких качеств, создание условий для их реализации и развития является одной из центральных задач высшей школы.

В связи с динамикой рынка труда перед высшей школой встает также вопрос соответствия новым вызовам – новым видам профессиональной и социальной деятельности. Так, в 2010 году в России был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1]. Таким образом, медиация была признана на законодательном уровне. Часть 1 статьи 15 данного закона закрепляет два вида медиации – профессиональную и непрофессиональную. В свою очередь часть 1 статьи 16 закрепляет одно из требований к профессиональным медиаторам: «Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации». С этим связан один из актуальных вопросов медиации в России: где именно готовить медиаторов для будущей работы? Другой актуальной и не менее важной для внедрения данной процедуры информационная проблема, т.е. просвещение населения о существовании и сути медиации, созданию новой культуры разрешения конфликтов.

Идеальным решением проблемы места подготовки медиаторов было бы создание соответствующих учебных центров по стране. Однако пока учебных центров по России не так много, и их явно меньше, чем потребуется в дальнейшем. Безусловно, наиболее эффективным решением является создание большего количества учебных центров, что является только вопросом времени. Однако,

кроме этого ряд авторов высказывается в пользу подготовки медиаторов на базе учебных заведений: «Основой создания таких центров, на наш взгляд, могут и должны стать высшие юридические учебные заведения» [2].

Довольно многообещающей выглядит идея преподавания медиации на базе юридических клиник. Вот что пишет по этому поводу И.Н. Лукьянова: «Представление о возможности урегулирования правового конфликта не только в рамках судебной процедуры, но и других – менее болезненных для участников конфликта, менее дорогих для них и для государства процедурах, несомненно, способно расширить профессиональный арсенал начинающего юриста. К тому же применяемые в клиническом обучении интерактивные методы, направленные на привитие прежде всего практических навыков, позволяют эффективно знакомить студентов с навыками, применяемыми в медиации.»

Участие студентов в медиации на базе юридических клиник сделает более доступным распространение информации о медиации для других студентов и их окружения, что решает другую острую проблему медиации – проблему информационного характера, т.к. пока что не так много людей знает о данной процедуре и о её сути: «Наряду с профессиональной подготовкой медиаторов, необходимо широкое просвещение населения. Опыт и практика применения медиации показывают, что пока еще общество не готово идеологически воспринимать переговоры как эффективную форму поведения, так как этому мешают сложившиеся стереотипы, привычки, существующая система управления государством. Психологически – при таком бытии – формы коммуникации сохраняются преимущественно агрессивно-пассивные и носят выражено оценочный характер, что и приводит к противостоянию людей друг другу. Поэтому закон как юридическая норма оказывается трудно реализуемым» [3]. Решению этой проблемы юридические клиники могут способствовать и иным путём: «Во многих юридических клиниках реализуется программа «Живое право», в рамках которой студенты готовят и проводят лекции о праве для школьников, пенсионеров, родителей и т.д. Чтобы подготовить такую лекцию, студентам приходится детально изучить соответствующий материал. Подобные лекции студенты клиник могут посвятить медиации. Нередко студенты клиник ведут правовые рубрики в местных газетах, пишут статьи о правовом регулировании определенных вопросов. Студенты клиники вполне могли бы такую форму практической работы применять для получения и закрепления своих знаний о медиации» [4].

На практике студенты не смогут проводить профессиональную медиацию в соответствии с требованиями закона, однако в литературе предложен вполне приемлемый выход: «Они могут выступать непрофессиональными медиаторами по отдельным категориям дел, обычным в практике клиник. Конфликты между соседями, в том числе в связи с причинением имущественного вреда (за топление квартиры, например), вреда здоровью в ДТП, и некоторые другие, возникающие в бытовой сфере, могли бы разрешаться студентами юридической клиники в рамках процедуры медиации» [4]. Также обучению медиации могут способствовать имитационные ситуации, деловые и ролевые игры.

В то же время, было бы несправедливо и неправильно делать упор на преподавание медиации исключительно на юридических факультетах в то время, как огромное количество необходимых в ней навыков являются психологическими. Это напрямую связано с информационной проблемой медиации: «Просвещение населения не даст эффекта, если не будет изменен менталитет как структур, обеспечивающих внедрение медиации, так и самой юридической системы. Одним из путей преодоления профессиональной деформации медиаторов представляется обучение не только юристов, но и людей с высшим образованием других специальностей. Из сказанного следует, что главное внимание на данном этапе переходит на обучение, т.е. специальную подготовку, требующую профессионального знания ведения переговоров и знание некоторых психологических законов поведения человека и механизмов влияния на когнитивные процессы людей. Более того, известно, что в процессе обучения медиаторов происходит серьезное изменение менталитета самого медиатора, а при его работе с клиентами – изменение менталитета клиента, способствующее развитию гражданской культуры общества. Для эффективного внедрения и использования медиации как нового легитимного института взаимоотношений людей сегодня требуются усилия многих гуманитарных специалистов: юристов, психологов, философов, этиков и культурологов» [3]. Возможно, продуктивным будет ввести отдельный курс «Медиация» и на психологических факультетах. Этот курс может преподаваться как в составе общей учебной программы, так и аналогично юридическим клиникам, в форме факультатива. Как мне кажется, то правильной будет разбить его на части, которые будут преподаваться в форме отдельных спецкурсов и оцениваться также независимо друг от друга – юридическую и психологическую. Основной целью данных курсов будет создать у обучающихся общее представление о профессии медиатора.

Также медиации можно посвящать блок занятий на летних и зимних психологических и юридических школах.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/>.
2. *Загайнова С.К.* Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России.// Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сб. ст. (книга 4) / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. «Инфотропик Медиа», 2012 // [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru.
3. *Аллахвердова О.В.* Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте.// Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сборник статей. (книга 4) / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. «Инфотропик Медиа», 2012 // [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru.
4. *Лукьянова И.Н.* Преподавание медиации в юридических клиниках.// Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сб. ст. (книга 4) /

Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. «Инфотропик Медиа», 2012 // [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru.

В.Б. Резникова

Исследование особенностей профессиональной мотивации педагога

Научный руководитель: К.С. Лисецкий

В связи с переменной экономического уклада современной жизни и переменной системы образовательных и профессиональных ценностей, а также несмотря на всю нужность и важность, профессия педагога теряет свою актуальность, у учителей почти не остаётся мотивов заниматься профессиональной деятельностью. В рамках данной работы было предположено, что зная особенности профессиональной мотивации учителей, можно формировать и поддерживать систему профессиональных мотивов и ценностей педагогов, повышая их желание работать качественно и с удовольствием.

Мы проанализировали теоретический материал, из которого было выявлено, что мотивация является одной из фундаментальных проблем психологии, профессиональная мотивация учителя динамична и изменчива, а мотивы выбора педагогической профессии многочисленны и разнообразны.

На базе изученного теоретического материала мы провели экспериментальное исследование, *проблема* которого сформулирована следующим образом: каковы психологические причины формирования конкретной профессиональной мотивации учителей?

Цель исследования: изучить психологические причины формирования конкретной профессиональной мотивации учителей.

Предмет исследования: психологические причины формирования профессиональной мотивации учителей.

Объект исследования: процесс формирования профессиональной мотивации учителей.

В соответствии с проблемой, целью и объектом исследования поставлены следующие *задачи*: а) диагностировать личностные характеристики учителей и на основании этого выявить особенности формирования мотивации педагогов; б) диагностировать особенности профессиональных мотивационных направлений отдельно у молодых и опытных учителей.

Гипотезы. 1. Существует зависимость между общечеловеческими и профессиональными ценностными ориентациями личности учителя. 2. Определённые общечеловеческие ценностные ориентации формируют конкретные профессиональные мотивационные направленности учителей. 3. Молодые и опытные педагоги имеют различные профессиональные мотивационные ориентации.

Исследование проводилось в несколько *этапов*: поисковый, опытно-экспериментальный и обобщающий.

Нами были выбраны следующие *методы* исследования: метод наблюдения; метод анкетного опроса; метод тестирования; метод статистической обработки данных [1], [2].

Метод наблюдения использовался для создания гипотезы и разработки программы исследования, в качестве самого простейшего и доступного способа сбора первичной информации об испытуемых, позволяющего выявить личностные особенности учителей.

С помощью метода анкетного опроса фиксировалась собранная информация об участниках исследования. Метод анкетирования дал возможность представления, как общей картины педагогического коллектива, так и личности каждого педагога в отдельности и использовался для получения первичной информации общих сведений об испытуемых.

Метод тестирования применялся для изучения личностных качеств испытуемых, а также для выявления ценностных ориентаций учителей в достаточных выборках.

В исследовании использовались: модификация теста «Ценностные ориентации личности» М. Рокича и адаптированный тест «Незаконченные предложения» Сакса и Леви, направленные на выявление личных и профессиональных качеств личности учителя [4].

Тест «Ценностные ориентации личности» использовался для выявления ценностных ориентаций личности, как общечеловеческих, так и профессиональных предпочтений. Тестовый материал состоит из двух частей (этапов), имеющих набор из 16 ценностей в каждой. Испытуемому предлагалось проранжировать заданные ценности в каждой части теста, обозначая важнейшую цифрой 16 и так далее до цифры 1 – обозначающей наименее важную ценность [5].

Тест «Незаконченные предложения» использовался как проективная методика, направленная на подтверждение полученных данных по тесту «Ценностные ориентации личности», а также, как вспомогательный способ получения информации о профессиональных и личных ценностях учителя, социальных установках и мнениях [3].

Метод статистической обработки данных использовался для количественной интерпретации результатов и сведения показателей исследования в таблицы.

Исследование проводилось на базе школ №148, №25, №6 г. Самары. В исследовании принимало участие 60 учителей, 30 из которых имели стаж работы по профессии до 5 лет (молодые педагоги), и 30 – стаж работы по профессии более 10 лет (опытные педагоги).

Проведя анализ полученных данных, мы можем предоставить следующие *результаты*. Практически все испытуемые проявили адекватное отношение к исследованию. Легче и свободнее шли на контакт молодые учителя, проявляя большую инициативу в общении и исследовании. Некоторые трудности возникли в контакте с учителями, имеющими большой стаж работы, многие из ко-

торых отказывались участвовать в исследовании, мотивируя это страхом перед административным аппаратом, тратой собственного времени, нежеланием «раскрывать душу» и т.п. Необходимо отметить также, что большинство педагогов отнеслись с пониманием к экспериментальному исследованию и были расположены к сотрудничеству, что свидетельствует об общем положительном настрое и активности испытуемых.

Метод анкетного опроса дал возможность собрать общие сведения об испытуемых, такие как Ф.И.О., возраст, стаж работы, а также сведения о профессии испытуемых и мотивах её выбора.

По результатам анкеты были выявлены основные мотивы выбора профессии. Полученные данные мы разделили на 4 направленности, в зависимости от предпочтений при выборе профессии: материальный мотив, мотив самоутверждения (престижа), мотив личностной реализации, профессиональный мотив; и занесли их в процентном соотношении в таблицу 1.

Таблица 1. Мотивы педагогов при выборе профессии

Испытуемые	Направленности			
	материальный мотив	мотив самоутверждения (престижа)	мотив личностной реализации	профессиональный мотив
молодые учителя	15%	35%	40%	10%
опытные учителя	45%	15%	10%	30%

Из таблицы 1 видно, что молодых учителей профессия привлекает перспективой личностной реализации и возможностью самоутверждения; основополагающим в профессии для опытных учителей является стабильность заработной платы и профессиональная значимость.

Таким образом, по первичному сбору данных видно, что у разных групп испытуемых преобладают различные мотивационные направленности.

С помощью тестирования были выявлены характерные особенности ценностных ориентаций (личных и профессиональных) испытуемых.

Тест «Ценностные ориентации личности» состоит из двух частей. Первая часть направлена на исследование общечеловеческих ценностей личности, а вторая часть – на изучение профессиональных ценностных ориентаций педагогов. Для интерпретации теста все ценности в каждой из двух частей были разделены на четыре группы (направленности): материальная заинтересованность; самоутверждение; духовная реализация; общественная значимость. Условия тестирования позволяли использовать неограниченное количество времени на его выполнение.

Обрабатывался тест следующим образом: в результате ранжирования каждой ценности было присвоено определенное количество баллов от 1 до 16. Затем, просуммировав количество баллов, присвоенных каждой ценности, получили, что наибольшее число баллов имеют наиболее важные ценности. Сложив баллы по каждой направленности и переведя их проценты, мы занесли данные по каждой части теста в таблицы 2 и 3. Таблица 2 отражает результаты,

полученные в ходе интерпретации общечеловеческих ценностей учителей; таблица 3 показывает данные по профессиональным ценностям испытуемых.

Таблица 2. Общечеловеческие ценности учителей

Испытуемые	Направленности			
	Материальная заинтересованность	Самоутверждение	Духовная реализация	Общественная значимость
молодые учителя	15%	20%	50%	15%
опытные учителя	25%	10%	20%	45%

По результатам таблицы 2 можно заметить, что у молодых учителей преобладает направленность на духовную реализацию, у опытных – на общественную значимость.

Таблица 3. Профессиональные ценности учителей

Испытуемые	Направленности			
	Материальная заинтересованность	Самоутверждение	Духовная реализация	Общественная значимость
молодые учителя	10%	25%	45%	20%
опытные учителя	50%	10%	15%	25%

Из таблицы 3 видно, что у молодых учителей преобладает профессиональная направленность на духовную реализацию, у половины опытных учителей превалирует направленность на материальную заинтересованность в профессии.

Таким образом, по данным таблиц 2 и 3 можно заключить, что для обеих групп педагогов общечеловеческие и профессиональные ценности тесно взаимосвязаны. Показатели по направленностям во многом совпадают: и в жизни и в профессии для молодых учителей важны духовная реализация и самоутверждение, а для опытных педагогов – материальная заинтересованность и общественная значимость. Из этого можно увидеть, что определённые общечеловеческие ценностные ориентации формируют конкретные профессиональные мотивационные направленности учителей.

Интерпретация теста «Незаконченные предложения» во многом сходна с интерпретацией теста «Ценностные ориентации личности». 20 предложений теста были разделены на те же 4 группы общемотивационных направленностей: материальную заинтересованность, самоутверждение, духовную реализацию и общественную значимость. Далее, подсчитывалось количество предложений с положительной оценкой по каждой группе направленностей. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4. Общемотивационные направленности педагогов.

Испытуемые	Направленности			
	Материальная заинтересованность	Самоутверждение	Духовная реализация	Общественная значимость
молодые учителя	5%	20%	60%	15%
опытные учителя	45%	15%	10%	30%

Исходя из данных таблицы 4, можно отметить, что у молодых учителей ярко выражена направленность на духовную реализацию. Материально заинтересованы в профессии учителя со стажем более 10 лет.

Обобщая результаты тестирования, можно сделать следующие выводы: выделенные нами направленности ярко проявляются у той или иной группы испытуемых в зависимости от возраста и стажа работы по профессии. Например, чем больше стаж работы, тем большую роль играет для педагога постоянство коллектива, стабильность заработной платы, профессиональное признание и общественная значимость.

Необходимо отметить, что интерпретация теста «Незаконченные предложения» подтверждает данные теста «Ценностные ориентации личности». Факт подтверждения данных наблюдается при сопоставлении полученных процентов в таблицах 2, 3 и таблице 4.

Таким образом, сравнивая результаты таблиц 1, 2, 3 и 4, можно выявить ведущую направленность у каждой группы испытуемых. Из этого следует вывод, что молодые и опытные педагоги имеют различные профессиональные мотивационные ориентации. Для молодых учителей ведущими в их деятельности являются мотивы духовной реализации и самоутверждения. Опытные учителя мотивированы материальной заинтересованностью, но также для них не последнее место занимает направленность на общественную значимость.

Важно заметить, что, при ярко выраженной одной мотивационной направленности, педагог может быть мотивирован сразу по нескольким направлениям, из этого следует, что ни одна из выделенных нами направленностей не проявляется в чистом виде.

Проведенный диагностический анализ результатов исследования профессиональной мотивации учителей подтвердил поставленные нами гипотезы о существовании зависимости между общечеловеческими и профессиональными ценностными ориентациями личности учителя, о том, что определённые общечеловеческие ценностные ориентации формируют конкретные профессиональные мотивационные направленности учителей, и о том, что молодые и опытные педагоги различаются своими профессиональными мотивационными ориентациями.

В соответствии с полученными результатами исследования, можно сделать вывод о том, что личность каждого педагога необходимо рассматривать индивидуально и, как следствие, уметь находить индивидуальные подходы к формированию и поддержанию профессиональной мотивации.

Литература

1. *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2002.
2. Исследование в психологии: методы и планирование /Дж. Гудвин. СПб.: Питер, 2004.
3. *Казачкова В.Г.* Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности //Вопросы психологии. 1989. №3. С. 154-157.

4. Практическая психодиагностика // Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1998.-672 с.

5. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. Т.1. М., 2000. С. 25-29.

В.Б. Резникова

Проблема мотивированного поведения в современной психологии

Научный руководитель: К.С. Лисецкий

Поведение человека может быть описано с разных сторон. В процессуальном плане любой поведенческий акт имеет начало, течение и завершение. Он может быть также охарактеризован с точки зрения интенсивности и направления. Люди постоянно вовлечены в разнообразную деятельность и осуществляют то или иное поведение. В нашей статье мы рассмотрим деятельность с точки зрения мотивированного поведения, влияния побудительных мотивов на характер её выполнения.

Деятельность – это специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающаяся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания. Деятельность – это процесс, включающий цель, средства и результат. Типы и формы деятельности различаются по разным признакам, таким как: субъект, объект, функции и цели. [4]. Для поиска ответов на вопрос: почему, ради чего выполняется определенная деятельность, психологами были введены понятия «мотив» и «мотивация».

Мотив (от фр. motif) всегда выражает побудительную силу, направленность личности. Л.М. Фридман относит мотив к форме проявления потребностей [8]. П.М. Якобсон мотив связывает с целеполагающей деятельностью. [9]. Следовательно, тот и другой связывают мотив с направленной деятельностью личности.

Понятие мотивация в психологии характеризуется как система взаимосвязанных мотивов, факторов, обуславливающих поведение, деятельность личности [4].

М.Ш. Магодед-Эминов соотносит мотив и мотивацию как частное с общим. По его мнению, мотивация – родовое понятие и включает в себя различные виды побуждений: потребности, мотивы, цель, интерес [1]. С таким подходом согласны большинство психологов и педагогов [2,8,9 и др.].

Реальная деятельность всегда бывает полимотивированной. При этом: 1. все мотивы деятельности определенным образом иерархизированы; 2. мотивы проявляют себя не независимо, а взаимодействуют между собой; 3. некоторые мотивы могут выступать в отрицательной форме.

Изучение мотивации – это анализ причин и факторов, которые инициируют и энергизируют активность человека, а также направляют, поддерживают и приводят к завершению определенным поведенческий акт. Важнейшей особенностью мотивированного действия является наличие интенции – намерения к его выполнению. Для объяснения детерминации человеческого поведения создаются многочисленные психологические теории мотивации, которые строятся на системе допущений в природе человека и устанавливают законы инициации и регуляции человеческого поведения [7].

Мотивированное поведение есть результат действия двух факторов: ситуационного и личностного. Под ситуационным фактором понимаются внешние, окружающие человека условия, а под личностным – мотивационные диспозиции личности: потребности, мотивы, установки, ценности [7].

Потребность, находя предмет, способный её удовлетворить, становится мотивом, направляющим соответствующую деятельность. Предмет деятельности есть её действительный мотив. Он может быть как вещественным, так и идеальным, как данным в восприятии, так и существующем только в воображении, мысли, главное, что за ним всегда стоит та или иная потребность.

Содержание деятельности не определяется лишь предметным содержанием потребности, удовлетворяемой этой деятельностью. Человек учитывает ситуацию, наличие субъективных и объективных возможностей, наличие или отсутствие противоположных потребностей и потребностей, действующих в одном направлении с основной потребностью. И лишь затем, он на основании мотива, который имеет для субъекта данное значение и переживается как субъективное основание решения действовать так, а не иначе, субъект оправдывает, санкционирует данное поведение. Мотив заменяет одно поведение другим, менее приемлемое более приемлемым, и этим путем создает возможность определенной деятельности.

Для того, чтобы деятельность приносила удовлетворение и наслаждение, нужно, чтобы объективное значение деятельности и её личностный смысл не расходились: если деятельность направлена на созидание определенных ценностей, то именно эти ценности и должны быть основным мотивом деятельности.

Ориентация человека на определенные ценности возникает в результате их предварительной положительной оценки. Однако, об ориентации на ту или иную ценность можно говорить только тогда, когда субъект запроектировал в своем сознании (или подсознании) овладение ею. А это человек делает, учитывая не только свои потребности, но и свои возможности. Для отдельных индивидов путь формирования ценностных ориентаций может быть не от потребности к ценностям, а прямо противоположный: перенимая от окружающих людей взгляд на нечто как ценность, достойную того, чтобы на неё ориентироваться в своём поведении и деятельности, человек может тем самым закладывать в себе основы новой потребности, которой раньше у него не было.

Формирование сознательно-волевого уровня мотивации состоит, во-первых, в образовании иерархической регуляции; во-вторых, в противопоставлении высшего уровня этой регуляции стихийно формирующимся, импульсив-

ным влечениям, потребностям, интересам, которые начинают выступать уже не как внутренние по отношению к личности человека, а, скорее, как внешние, хотя и принадлежащие ей.

Формирование мотивации имеет два механизма. Первый из них заключается в том, что стихийно сложившиеся или специально организованные условия деятельности и взаимоотношений избирательно актуализируют отдельные ситуативные побуждения, которые при систематической актуализации постепенно переходят в устойчивые мотивационные образования. Это механизм формирования мотивации «снизу вверх». Второй процесс (механизм «сверху вниз») заключается в усвоении побуждений, целей, идеалов, содержания направленности личности.

Один из самых удивительных парадоксов развивающейся личности состоит в своеобразном преодолении неодинаковости времени. Побуждение (цель, стремление, потребность, идеал) фиксирует желательное будущее состояние действительности, которого ещё нет в наличии. Побуждение заключает в себе противоречие между нежелательным настоящим и желательным будущим.

Все побуждения к деятельности можно свести к четырём мотивационным факторам: 1. прямой конечный результат; 2. мотивация вознаграждения; 3. подневольное поведение (избежать репрессий путём подчинения силе); 4. привлекательность самого процесса деятельности.

В зависимости от наличия или отсутствия намерения (побуждения) к выполнению деятельности и от восприятия её источника, личность может находиться в одном из трёх основных мотивационных состояний: состоянии внутренней мотивированности, внешней мотивированности или состоянии амотивации [7].

Состояние внутренней мотивации определяется потребностями в самодетерминации и компетентности, являющимися одними из ведущих психологических потребностей Я человека. В этом состоянии человек ощущает, что он является истинной причиной осуществляемого преднамеренного поведения (имеет внутренний локус причинности), и воспринимает себя как эффективного агента при взаимодействии с окружением (чувство компетентности).

Состояние внешней мотивации детерминировано силами внешними по отношению к Я и направленными на инициацию и/или регуляцию поведения человека. В этом состоянии человек воспринимает причины своего преднамеренного поведения как внешние, навязанные извне, а себя как пешку, которой манипулируют. В этом состоянии человек может воспринимать себя компетентным и эффективным, но это чувство не будет приводить к внутренней мотивации.

Состояние амотивации характеризуется отсутствием интенции – намерения к осуществлению поведения – и сопровождается чувством некомпетентности и неэффективности при взаимодействии с окружением.

Любой стимул (событие, сообщение, коммуникация), с которым человек сталкивается при выполнении деятельности, может иметь для него контролирующее или информирующее значение. Контролирующими являются такие стиму-

лы, которые воспринимаются как принуждение думать, чувствовать или вести себя строго определенным образом. Информирющими являются такие стимулы, которые не воспринимаются как контролирующие, а воспринимаются как предоставляющие свободу выбора и снабжающие человека информацией, необходимой для эффективного взаимодействия с окружением.

Если человек находится в состоянии амотивации, то он может быть выведен из него или применением контролирующих подкреплений (тогда он перейдет в состояние внешней мотивации), или оптимизацией трудности выполняемой деятельности и упорядочиванием обратной связи (тогда при условии свободы выбора он может перейти в состояние внутренней мотивации).

Если человек находится в состоянии внешней мотивации при выполнении неинтересной или непривлекательной деятельности, то применение контролирующих стимулов сказывается положительно на поддержании и регуляции имеющегося мотивационного состояния.

Если человек находится в состоянии внутренней мотивации, то контролирующие стимулы снижают ее уровень, лишая человека чувства самодетерминации и компетентности. Информирющие воздействия не снижают ее уровень, а также могут способствовать его возрастанию.

Внутренняя мотивация будет максимальной при выполнении новой, перцептивно и/или когнитивно сложной деятельности оптимальной трудности. Необходимыми условиями также являются наличие свободы выбора деятельности, обеспеченность оптимальной обратной связью и уверенность человека в своей компетентности [7].

Важным побудительным мотивом является интерес (относящийся к одному из мотивационных факторов побуждения к деятельности). Интерес – это тенденция личности, заключающаяся в направленности или сосредоточенности её мыслей на определённом предмете. Интерес проявляется в направленности внимания, мыслей, помыслов, вызывает желание ознакомиться с предметом. Интерес – мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности [6]. Для образования интересов существенное значение имеют как начальный этап – возникновение ситуативного интереса, так и дальнейшее его развитие. Причинами интереса на сознательном уровне может быть новизна объекта или его изменения. Интерес может быть вызван и воображаемыми объектами, образами, целями, меняющимися в процессе действий индивида, направленных на их достижение.

Интерес, как побудительный мотив, рассматривает и А. Маслоу. Описывая творческую деятельность, Маслоу указывает на 2 её фазы – первичную и вторичную. Первичная фаза характерна импровизацией и воодушевлением, мотивом её служит интенсивный интерес – возбуждение. Этот интерес должен быть достаточно сильным, чтобы преодолеть усталость и отрицательные эмоции, которые могут возникнуть на второй фазе – фазе разработки или развития исходного вдохновения и идей, возникших на первой фазе. Тяжелая работа по созданию конечного продукта творчества неизбежно приводит к периодам подавленности и

разочарования, поэтому мотивационная сила устойчивого интереса имеет решающее значение для преодоления препятствий к творчеству [3].

Отметим ещё пару побудительных мотивов, функционально связанных с деятельностью, направленной на достижение успеха. Это мотив достижения успеха и мотив избегания неудачи.

Поведение, ориентированное на достижение, предполагает наличие у каждого человека этих мотивов. Другими словами, все люди обладают способностью интересоваться достижением успеха и тревожиться по поводу неудачи. Однако, каждый отдельный человек имеет доминирующую тенденцию руководствоваться либо мотивом достижения, либо мотивом избегания неудачи. В принципе, мотив достижения связан с продуктивным выполнением деятельности, а мотив избегания неудачи – с тревожностью и защитным поведением. Преобладание той или иной мотивационной тенденции всегда сопровождается выбором трудности цели. Люди, мотивированные на успех, предпочитают средние по трудности или слегка завышенные цели, которые лишь незначительно превосходят уже достигнутый результат. Они предпочитают рисковать расчетливо. Мотивированные на неудачу склонны к экстремальным выборам, одни из них нереалистично занижают, а другие – нереалистично завышают цели, которые ставят перед собой [5].

Таким образом, из вышесказанного можно отметить, что существует множество побудительных мотивов, без которых невозможен ни один вид человеческой деятельности, а мотивированное поведение и сама сила мотива имеют решающее значение для преодоления трудностей и препятствий при её выполнении.

Литература

1. *Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация и контроль за действием. М., 1991.
2. *Маркова А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М.* Мотивация учения и её воспитание у школьников. М., 1983.
3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
4. *Немов Р.С.* Психология. — М., 1990.
5. Психология мотивации и эмоций: Хрестоматия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Ф. Фарикман. М., 2002.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
7. *Чирков В.И.* Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека. //Вопросы психологии, 1996. №3. С.116-132.
8. *Фридман Л.М., Волков И.Н.* Психологическая наука учителю. М., 1985.
9. *Якобсон П.М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

В.Б. Резникова

Профессиональная мотивация педагога

Научный руководитель: К.С. Лисецкий

Какие бы реформы не проходили в образовании, в конечном итоге они замыкаются на педагоге, которому во все времена принадлежала ведущая роль воспитания подрастающего поколения. Но в связи с переменой экономического уклада современной жизни и, как итог, переменой системы образовательных и профессиональных ценностей, несмотря на всю нужность и важность, профессия педагога теряет свою актуальность. Резко изменилось к ней отношение общественности. У педагога почти не остаётся мотивов заниматься профессиональной деятельностью. А так как нет мотива к деятельности, то всё меньше выпускников педагогических вузов идут работать по профессии.

Исходя из положения о том, что у многих педагогов отмечается спад мотивации к выбранной деятельности, можно предположить, что при выяснении особенностей мотивации и создании определённых условий, возможно влиять на систему ценностей и стремлений педагога.

Несмотря на достаточно глубокое освещение проблемы особенностей профессиональной мотивации педагога в современной научной психолого-педагогической литературе, остаются недостаточно разработанными теоретический и методический аспекты этой проблемы.

Возникло противоречие между социальным заказом общества и недостаточной разработанностью проблемы профессиональной мотивации педагога. С учётом этого реального противоречия был сделан выбор темы нашей статьи.

Загадочная душа учителя: от постоянной и контактной близости с юностью она всегда немного наивна, но, вынужденная этой близостью и своим положением, неизменно слегка назидательна; обретается в повседневном изнурительном стрессе, но не вооружается безразличием, а, напротив, приучается прощать, не злобясь, проявляя великодушие; живя напряжённой и трудной профессиональной жизнью педагога, обладает прекрасным даром быть счастливой лишь какие-то мгновения; вечно ориентированная на творение добра.

Вся педагогика – это сфера духовного, а педагогическая деятельность профессионально духовна по своей сути, включая способность видеть себя, свою социальную роль в успехах учащихся, их нравственном становлении. Профессиональная духовность – это максимум человеческого в профессиональном исполнении педагога [2].

В трудах П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова даётся психологический анализ структуры деятельности, как динамической системы действий, складывающейся и реорганизуемой под управляющим влиянием сложного взаимодействия образа результата с мотивационным компонентом деятельности. Б.Ф. Ломов отмечал, что в качестве основных образующих деятельности

можно выделить следующие: мотив, цель, планирование, переработку текущей информации, оперативный образ (и концептуальную модель), принятие решения, действия, проверку результатов и коррекцию действий [1].

В связи с тем, что многообразные отношения человека со средой представлены в относительно устойчивой мотивационной сфере личности, любая деятельность, в том числе и педагогическая, обычно соотносится более чем с одним мотивом и является, таким образом, полимотивированной.

Поскольку мотивы часто актуально не осознаются педагогом, за исключением осознанных мотивов, превратившихся, по А.Н. Леонтьеву, в мотивы-цели, и тем более скрыты от других людей, в частности, от заинтересованных лиц, например, руководителей, коллег, необходимо иметь ясное представление о том, как развивается педагогическая деятельность: насколько напряжённо, в каком направлении, из каких действий строится, какие средства используются при разной мотивации педагога.

Мотивационный компонент педагогической деятельности представляется необходимым рассматривать в двух направлениях. Во-первых, с точки зрения места профессиональной мотивации в общей структуре мотивов и, во-вторых, оценив отношение педагога к изменениям, т.е. потребности в педагогических новшествах, их восприимчивости, что определяет содержательную сторону творческой направленности профессиональной деятельности. [1]

Традиционно мотивацию разделяют на внешнюю и внутреннюю (В.Г. Асеев, Л.И. Божович, А.К. Маркова, Дж. Олпорт и др.), имея в виду источник побуждения [3].

Л.Н. Захарова, уточняя виды профессиональных мотивов педагога, из обширной области факторов, называет следующие: материальные стимулы; побуждения, связанные с самоутверждением (мотив престижа); профессиональные мотивы и мотивы личностной самореализации [3]. На наш взгляд, выделение этих четырёх групп мотивов оправдано, поскольку речь идёт о людях с достаточно развитым самосознанием.

Рассмотрим последовательно, как строится педагогическая деятельность педагога при явном доминировании одного из перечисленных мотивов.

Внешние стимулы, связанные с материальным вознаграждением. К таким стимулам можно отнести материальное вознаграждение, присвоение более высокого разряда, удовлетворительные условия труда и режим работы, ослабление требований и контроля. Эту группу факторов можно условно назвать стимулами внешней мотивации. Работа педагога в данном случае непосредственно не связана с результатами профессиональной деятельности. Цель может быть достигнута с помощью различных средств. Особенность работы педагога с внешней мотивацией заключается в том, что он выполняет необходимый и достаточный, с формальной точки зрения, объём работы. Он ориентирован на внешние показатели своего труда. Практически не стремится к повышению квалификации, за исключением обучения с отрывом от работы, без потерь в области материального стимулирования и иных значимых изменений условий работы. Смена работы переживается легко.

Мотивы внешнего самоутверждения педагога. Этот мотив можно назвать *мотивом престижа*. Педагогическая деятельность при доминировании мотивов самоутверждения привлекательна тем, что частичное удовлетворение потребностей, соответствующих этим мотивам, возможно на уровне реализации педагогической деятельности, т.е. достижения самоутверждения в отношении учащихся и их родителей. Связь с самооценкой определяет высокое место мотива самоутверждения в общей иерархии мотивов. Эти мотивы также могут быть как осознанными, так и неосознанными. В обоих случаях они имеют высокую побудительную силу. Особенность состоит в том, что их достижение существенно зависит от специфики самооценки. Здесь возможны различные варианты: первый имеет место тогда, когда человек осознаёт зависимость между собственным вкладом в успешность деятельности и внешней оценкой этого вклада. Деятельность в этом случае будет сопряжена с поиском путей внешней оценки повышения её эффективности. Специфическая отрицательная особенность такого подхода состоит в выборе средств, сулящих скорую и эффективную отдачу, активном поиске и опробовании новых методик преподавания и воспитания, часто без длительной и настойчивой их доработки в соответствии с индивидуальным стилем деятельности. При анализе своей деятельности осознанно, а часто неосознанно, акцентируются положительные моменты реализации задуманного и не замечаются, или замечаются не в полной мере, неудачи. Чем выше притязания такого педагога, тем признание более значительного успеха необходимо для его самоутверждения. Если самоуважение формируется как отражение уважения, высокой оценки со стороны значимых коллег, то естественно и ожидаемо поведение, ориентированное на быстрое достижение успеха, на непременно признание его, отсюда – поиск внешних эффективных способов работы. Возможен иной вариант: субъект осознаёт, фиксирует отсутствие обязательной, прямой связи между собственным вкладом в профессиональную деятельность и положительной оценкой этого вклада окружающими – основы высшего самоутверждения личности. В этом случае для личности, мотивированной на самоутверждение, данный вид профессионального труда является средством самоутверждения до тех пор, пока не будет найдено другое, более эффективное средство, реализующее данный мотив. Сформированность познавательной деятельности учащихся, уровень усвоения знаний не являются главной целью педагога, а средство достижения цели – положительная оценка его работы.

Профессиональный мотив. Психологическая природа двух рассмотренных выше мотивов связана в первом случае с удовлетворением непрофессиональных потребностей, а во втором – выступает как цель, связанная с мотивом самоутверждения, повышения самооценки, что является необходимым условием комфортного психологического состояния личности. Профессиональный мотив в наиболее общем виде выступает как желание учить и воспитывать детей. Адекватно профессионально мотивированные педагоги наиболее последовательны и настойчивы. Профессиональные мотивы, соединённые с высоким уровнем креативности, обеспечивают оптимальный результат педагогической

деятельности. Для таких педагогов характерен поиск инновационных форм и методов работы, осмысления своей деятельности, создание собственных концепций воспитания и обучения. Характерным для данного вида мотивации является направленность деятельности педагога на учеников (студентов). На каждом занятии такой педагог ищет возможности для личностно-ориентированного обучения, сосредоточен на поиске противоречий между требованиями программы и уровнем развития учащихся. Имеются в виду возможные противоречия между позициями, концепцией педагога и жёсткими предписаниями учебных планов, программ.

Мотивы личностной самореализации. По мнению ряда исследователей, потребность в самоактуализации, состоящая в стремлении человека «быть тем, чем он может стать», потенциально существуют у всех людей, но не у всех проявляется в профессиональной деятельности, а тем более осознанно. Самоактуализация рассматривается как непрерывный процесс, выбор из многих возможностей «возможности роста» (А. Маслоу). Стать «второстепенным педагогом» – один из отвергаемых мотивов учителя. Моменты самоактуализации дают человеку высшие переживания, которые становятся необходимой его частью, в силу своей яркой специфичности. Педагоги, стремящиеся к самоактуализации, предпочитают творческие виды труда, открывающие явные возможности такого саморазвития. Каждое занятие для такого педагога – это повод к реализации себя как личности и профессионала. Следовательно, каждый раз осуществляется выбор лучшего варианта метода, осмысленного через осознание своих способностей и педагогических задач. Этот метод может быть не оптимален объективно, но всегда реализуются с учётом интересов учеников (студентов). Осмысливаются результаты занятий, осуществляются попытки его изменения, модификации, внесения новшества. Такую деятельность отличает высокий уровень восприимчивости новшеств, постоянный поиск себя в этом новом, потребность в создании нового видения различных форм педагогической деятельности. Если мотивы самореализации оказываются связанными с профессиональными педагогическими мотивами, то практически исключается проявление мотивов самоутверждения, подавляющих развитие педагогической деятельности. Педагог, идущий по такому пути, – это человек с высоким уровнем творческого потенциала, который проявляется в стремлении добиться результата в своей деятельности без личностной прагматической мотивации, получающий удовлетворение в самой инновационной деятельности, которая имеет для него глубокий личностный смысл. Его отличает создание новых концептуальных подходов, высокий уровень рефлексии и психологической готовности к восприятию новшеств. Педагоги же с отрицательной мотивацией в определённой степени подвержены стереотипу, когда, попытавшись решить педагогическую задачу и не сумев это сделать, начинают искать конкретные инструкции в методической литературе. Скопировав занятие из такого пособия, педагоги часто отвергают замечания и предложения изменить его структуру и содержание. Стереотип определяется тем, что мышление учителя идёт по «накатанному» пути, а всё новое отвергается [3].

Однако, рассмотрение особенностей мотивационной сферы педагогической деятельности невозможно вне целостного представления о других компонентах, в частности, одного из ведущих регуляторов любой деятельности – вектора «мотив-цель». Формирование деятельности начинается с принятия субъектом цели (обычно промежуточной). Цель не привносится в индивидуальную деятельность извне, а формируется самим человеком, под влиянием объективных условий реализации деятельности и собственных возможностей. Однако, и само целеобразование не является результатом спонтанного развития личности. Формирование личности педагога, отличающейся своеобразием, во многом определяется общественным окружением, коллективом коллег – педагогическим сообществом.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что профессиональная мотивация педагога динамична и изменчива. Мотивы выбора педагогической профессии многочисленны и разнообразны. Они включают осознание важности данной профессии для общества. Ряд побуждений связан со специфическими особенностями профессии: с желанием организовать труд, трудиться в составе коллектива; с вознаграждением (зарплата, надбавки, льготы); с содержанием и характером труда, его условиями и особенностями. Также, мы выяснили, что, зная особенности ценностей и стремлений того или иного педагога, можно осуществить влияние на его профессиональную мотивацию, формируя его побудительные факторы.

Литература

1. Введение в педагогическую деятельность. Учебное пособие / А.С. Роботова, Т.В. Леонтьева, И.Г. Шапошникова и др. М.: Издат. центр «Академия», 2000. – 208с.
2. Вульфов Б.З. *Учитель: профессиональная духовность // Педагогика, 1995.*
3. Захарова Л.Н. Психологическая подготовка педагога. Нижний Новгород, 1993. – 214 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И.В. Ворожейкин

О некоторых аспектах применения кинотерапии в работе с пациентами страдающими психическими расстройствами

Кино, как инструмент психологического воздействия широко используется как профессиональными психологами и психотерапевтами, так и специалистами смежных областей – социальными работниками, педагогами. В собственно психологической практике кино используется в различных формах – в индивидуальном и семейном консультировании, в целях тренировки отдельных психических процессов, как инструмент профилактики, как средство работы с дезадаптивными состояниями человека. Фильмы активно используют специалисты, представляющие, совершенно различные психологические подходы и школы.

В психиатрии психологическая работа с применением кино, как одного из методов арт-терапии, также представляется плодотворной и перспективной. Кино – это некоторый «отрыв» от сиюминутного состояния, погружение в определенный сюжет, имеющий свою собственную логику и законы. Причем в рамках сюжета отчетливо видна и чувствуется как целостность, которой так недостает пациентам, страдающим психическими расстройствами, так и ее, этой целостности, нарушения.

В данной статье я попробовал сконцентрироваться на конкретных и осязаемых результатах работы, попытался обозначить важные моменты, которые проявились в результате активного применения кинотерапии.

Важнейшей особенностью такого рода работы является то, что просмотр в условиях терапевтической группы существенно усиливает воздействие кинофильма. Множество реакций и неявных взаимодействий (но важных, и, зачастую, ключевых для психотерапевтической работы) происходят именно во время просмотра. Несмотря на высокую фактическую включенность в процесс, сам просмотр и последующее обсуждение переживаются участниками как комфортная, неинвазивная и защищенная ситуация, что является важным серьезным преимуществом данного вида работы. В рамках кинотерапии возможна работа, как с группами небольшого размера (три-пять человек), так и достаточно большими группами пациентов (10-15 человек). Так же следует отметить, что чем более группа гетерогенна (по возрасту и полу, нозологии, и по личностной проблематике участников) тем более содержательным и динамичным

оказывается терапевтический процесс. Что естественно – в более разнообразной группе полнее отражается и прорабатывается сам кинематографический материал. Поэтому, на наш взгляд, продуктивным является работа именно с фильмами целиком, а не с фрагментами или с отредактированными вариантами; особенно интересной и содержательной работа оказывается с многочасовыми фильмами или фильмами, состоящими из нескольких серий. В таком случае просмотр и обсуждение проходят в несколько этапов, что обеспечивает глубокую и длительную экспозицию вопросов, с которыми участники имеют возможность поработать.

Содержательна работа жанром. Каждое произведение киноискусства – это так или иначе раскрытая «вечная» тема, звучащая в жизни любого из участников группы в большей или меньшей степени на текущий момент времени. Правильно подобранный фильм может оказаться тем самым «лекарством», которое поможет пациенту. Инициировать активность пациента или снизить ее, обратить внимание на внутренние переживания или на внешнее их выражение, усилить чувства или снизить остроту восприятия – все эти задачи определяют выбор фильма и тактику работы с ним. Что интересно – простые по сюжету произведения зачастую оказываются очень эффективными и не менее глубокими, чем произведения, требующие больших усилий для их понимания. Особенно они эффективны в начале работы с неподготовленными пациентами, при включении их в уже сложившуюся группу, или при работе на ранних этапах формирования группы. Простые сюжеты позволяют, не отвлекаясь на второстепенные детали, прожить и прочувствовать основную суть истории, заложенной в произведение, которая может явиться отголоском истории больного.

Подбор фильмов, как и любой выбор терапевтических инструментов представляется нам достаточно индивидуальным процессом. Каждый конкретный фильм может являться эффективным лишь в случае, если его содержание соответствует потребностям пациентов и резонирует с ведущим. Лишь после этого возможна эффективная и плодотворная работа с группой, в этом случае для пациентов есть то содержание, которое возможно «разделить» с ведущим. Один и тот же фильм в руках разных ведущих вполне может оказаться совершенно различным инструментом.

Позиция ведущего имеет сильное влияние на происходящие в группе, можно сказать, что он создает поведенческий и эмоциональный контекст на котором и могут происходить (или, напротив, быть менее проявленными, незамеченными, латентными), те или иные групповые события. По-настоящему, реалистично включенный (не подавляющей своей активностью пациентов, а, именно, чувствующий свою роль и место в групповом процессе) терапевт «включает» и группу. Проявляющий творчество, спонтанный, действующий «здесь-и-сейчас» ведущий способен «заразить» этим участников группы. И лишь после возможно продуктивное поощрение творческой активности пациентов. Иначе запустить такие процессы в группе крайне затруднительно, так как без собственной вовлеченности в групповой процесс активизация участников зачастую превращается в пустое морализаторство, которое лишь подавляет

продуктивные тенденции в группе. «Побочным эффектом» творческой включенности в групповой процесс для терапевта является профилактика профессионального выгорания.

Полнее и глубже активность, как внутренняя, так и связанная с ней, внешняя у пациентов проявляется в ситуации сопровождения и подстраховки ведущим, нежели в случае активно-директивного стиля работы специалиста. Это не означает попустительства в ведении занятий, скорее, задача ведущего состоит в точном и своевременном делегировании группового времени и пространства участникам группы. Важнейшей задачей ведущего, является акцентирование и проявление тех содержательных процессов, которые только зарождаются в группе, делая их более явными и очевидными для пациентов, давая возможность участникам терапии прибывать в реальности этих событий, способствуя осознанию пациентами своей роли и своего места в конкретных жизненных ситуациях.

Продуктивным для участников кинотерапевтических групп является осознание схожести своей жизненной ситуации с ситуацией героев конкретного сюжета, «совместным поиском» выхода из нее в ходе развития действия, согласием или несогласием с происходящим на экране, а на самом деле в жизни. Роль пациента в его личной истории и в пространстве группы в ходе терапии «материализовывается» во вполне конкретные взаимодействия с ее участниками, через которые актуализируются, а затем и разрешаются реальные проблемы. Действия должны быть материальными и понятными, вызывающими резонанс в группе и, конечно, в ведущем. Через осознание таких взаимодействий и их последствий достигаемый терапевтический эффект гораздо более выражен и стоек.

Однако в ходе работы бывает и так что занимаемая пациентом «роль» может «проявиться» через конкретное место в группе, с совершенно определенной дистанцией от реальных людей и реальных проблем, но это не означает, что движения не происходит. Работая с коммуникацией важно переходить от пространственных разговоров, о том, что понравилось или не понравилось, или формального пересказа сюжета, к тому, что действительно находит отклик, и является тревожным. Полезно и содержательно переживание этих тревожных состояний, вызванных соприкосновением с собственными вопросами и проблемами, которые коренным образом отличаются от состояния патологической тревоги. Рефлексия этого процесса может значительным образом положительно повлиять на динамику изменения состояния пациентов.

Завершающий и ответственным этапом занятия является, подведение итогов. В значительной степени то содержание, которое было «поднято» в процессе просмотра и последующей работы, отрабатывается и резюмируется в заключительной части. Продуктивным является конкретность и взаимосвязь этих процессов. Именно те слова и действия, которые вызывают резонанс в группе в большей степени и «уносят» с группы, именно они и становятся тем внутрен-

ним опытом, тем содержанием, которые останется у участника кинотерапевтического занятия.

С.О. Кузнецов, Е.Ю. Строганова

Графическая модель формирования психосоматических заболеваний

В настоящее время специалисты, изучая причины возникновения различных видов психосоматических расстройств, придают особое значение системе значимых взаимоотношений пациента [2]. Такой подход позволяет рассматривать психосоматические расстройства как отношение личности к тому, что происходит в системе и обуславливает необходимость участия в процессе оказания помощи специалистов в области психологических услуг. Психологическая поддержка и помощь особенно актуальны в тех случаях, где пациент к моменту заболевания является зависимым от социального окружения в силу материальных, психологических, или иных причин. В этом случае, человек оказывается наиболее чувствителен к социально-психологическим процессам, происходящим в его окружении, в особенности в семье [3]. Среди таких пациентов врачей и клиентов психологов и психотерапевтов часто оказываются не только матери с младенцами, дошкольники, подростки, пенсионеры, инвалиды, но и даже социально успешные личности.

Психосоматика (греч. *psyche* – душа, *soma* – тело) – направление в медицине и психологии, занимающееся изучением влияния психологических (преимущественно психогенных) факторов на возникновение и последующую динамику соматических заболеваний [1].

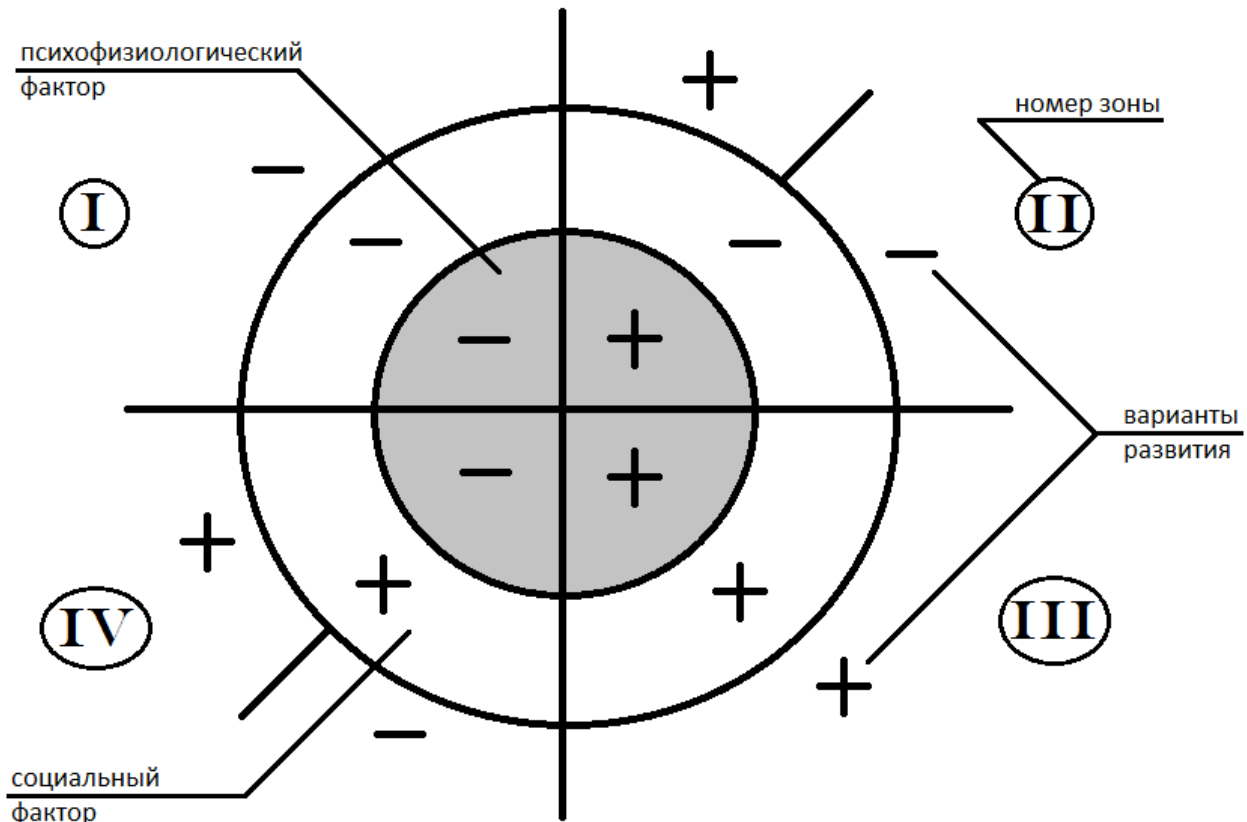
Проблема соотношения психического и физического в происхождении болезней – одна из наиболее сложных и длительно изучаемых проблем современной медицины и психологии. Немецкий врач Хайнрот ввел термин «психосоматический» в 1818 г. Однако, в общепринятый врачебный лексикон термин «психосоматика» вошел лишь спустя столетие. Термин прижился благодаря венским психоаналитикам, у которых обозначался как «прикладной психоанализ в медицине». Впоследствии, проблемой психосоматических заболеваний в большей или меньшей степени занимались все основные психологические и психотерапевтические направления.

В статье предлагается разработанная нами графическая модель формирования психосоматических заболеваний. Она может быть использована специалистами и студентами для структурирования знаний о формировании психосоматических заболеваний, а так же для прогнозирования возникновения и развития физических, личностных и поведенческих нарушений у больного.

В основе графической модели лежит системный подход к семейной психологии и психотерапии, в частности к развитию психологического и физического здоровья членов семьи в рамках системы взаимоотношений. Психосоматика

тические расстройства могут выполнять различную функцию в системе межличностного взаимодействия, например, как способ адаптации в семье, как метод воздействия на определенную ситуацию, выступать в качестве необходимого компонента функционирования семьи [4].

В данной модели учитывается взаимовлияние двух факторов – психофизиологического и социального, представленных на схеме внутренним (серым) и внешним (белым) кругами соответственно. Взаимосвязь данных факторов позволяет описать характер протекания болезни индивида в зависимости от характера социального окружения, в котором он находится.

Психофизиологический фактор описывает характеристику физического и психического здоровья организма индивида и представляет собой варианты положительного и отрицательного полюса. Положительный полюс психофизиологического фактора обозначает присущее организму здоровье, выраженное в нормативности психофизического развития ребенка и отсутствии врожденных и приобретенных заболеваний. Отрицательный полюс психофизиологического фактора обозначает отклонение в психофизическом развитии ребенка, а также наличие у индивида врожденного либо приобретенного заболевания.

Социальный фактор описывает отношение социальной системы к здоровью ее члена. Наиболее значимой социальной системой для индивида является его семья (нуклеарная и расширенная), влияние которой и будет учитываться в дальнейшем описании взаимодействия двух факторов, но это могут быть и другие социальные системы, оказывающие значительное влияние на индивида – группа сверстников, рабочий коллектив и другие. Социальный фактор так же

представлен положительным и отрицательным полюсом. Отрицательный полюс социального фактора обозначает наличие осознанной или неосознанной выгоды от болезни члена семьи для семейной системы. Это может быть способом увеличения дистанции между супругами, контроля одним из супругов другого, фиксации в роли матери при страхе сепарации и освоения новых ролей и другие. Положительный полюс социального фактора обозначает отсутствие у членов семьи заинтересованности в поддержании у индивида статуса больного.

Вся модель состоит из четырех зон, каждая из которых описывает вариант формирования психосоматического здоровья в зависимости от сочетания психофизиологического и социального факторов. Одновалентные зоны модели (I, III) имеют совпадение полюсов по обоим факторам и описывают по одному варианту формирования здоровья индивида, так как сочетание вышеназванных факторов приводит к закреплению определенного состояния здоровья. Двухвалентные зоны модели (II, IV) имеют несовпадение полюсов по двум факторам и описывают по два варианта формирования психосоматического здоровья, так как здесь уместно учитывать степень выраженности одного из факторов.

Далее представлено общее описание особенностей взаимодействия психофизиологического и социального факторов, и их влияние на индивида:

I зона – психофизиологический фактор характеризуется наличием отклонений в нормальном психофизиологическом развитии ребенка, а так же наличием врожденных либо приобретенных заболеваний индивида. Социальный фактор характеризуется наличием выгоды для семейной системы в болезни одного из ее членов.

При условии врожденного или раннего возникновения болезни в таком социальном окружении у индивида с детства формируется отношение к болезни, как к неизбежному, сопутствующему в течение жизни событию. Болезни в такой семье частые, хронического характера, имеют неосознанную ценность для ее членов. Лечение продолжительное, может быть интенсивным, но никогда не приводящее к полному выздоровлению. Распорядок жизнедеятельности больного и его семьи в целом выстраивается относительно заболевания. Поведение индивида формируется по принципу избегания неудач, эгоистичного, невротического отношению к миру. В таком случае социальный фактор мешает скомпенсировать дефект. Индивид оказывается ограниченным рамками семейного окружения, где подавляется его активность и самостоятельность.

II зона – психофизиологический фактор характеризуется отсутствием отклонений в нормальном психофизиологическом развитии ребенка, а так же отсутствием врожденных либо приобретенных заболеваний индивида. Тогда, как социальный фактор характеризуется наличием выгоды для семейной системы в болезни одного из ее членов.

В зависимости от степени выраженности одного из факторов возможны варианты в формировании здоровья и личности человека в таком социальном окружении. В случае выраженности фактора физиологического здоровья индивид болеет часто, возможно хронически, но только в рамках семьи, даже эпизодические выходы из семейной системы могут приводить к стойкой ремиссии

заболевания или полному выздоровлению. Возможны попытки сепарации индивида от семьи и препятствие этому со стороны ее членов.

В случаи выраженности фактора заинтересованности ближайшего окружения в болезни, заболевание индивида носят прогрессирующий со временем характер. Чем раньше произошло заболевание, тем лучше человек научается использовать болезнь себе во благо, достигая нужного отношения со стороны окружения. В таких условиях формируется склонность к манипуляциям и зависимости от семейной системы.

III зона – психофизиологический фактор характеризуется отсутствием отклонений в нормальном психофизиологическом развитии ребенка, а так же отсутствием врожденных либо приобретенных заболеваний индивида. Социальный фактор характеризуется отсутствием выгоды для семейной системы в болезни ее члена.

Болезни есть и в такой семье, но они не продолжительны, нет хронических заболеваний. У индивида в подобной семье проявляется ответственное отношение к собственному здоровью, он не находит в них выгоды для себя. Отношение к болезни в данной семейной системе, как к сигналу о необходимости задуматься над темпом и содержанием деятельности.

IV зона – психофизиологический фактор характеризуется наличием отклонений в нормальном психофизиологическом развитии ребенка, а так же наличием врожденных либо приобретенных заболеваний индивида. Социальный фактор характеризуется отсутствием выгоды для семейной системы в болезни ее членов.

В зависимости от степени выраженности одного из факторов возможны варианты в формировании здоровья и личности человека в таком социальном окружении. В случаи выраженности фактора наличия заболевания, болезнь становится способом контроля окружающих, оправданием собственных неудач. Индивида может пугать социальное и физическое пространство за рамками семьи. Он может реагировать обострением заболевания в ответ на попытку или предложение со стороны семьи в большей физической и социальной свободе.

В случаи выраженности фактора отсутствия выгоды для семьи в болезни кого-то из ее членов и наличии со стороны семьи поддержки больного, даже сложные заболевания не становятся жестким ограничением его жизни и деятельности всей семьи.

Так люди перенесшие, например, инсульт, инфаркт, различные операции и травмы при соответствующей поддержке социального окружения начинают вести нормальный образ жизни, свойственный им до заболевания. Окружение такого человека старается не лишать его чувства ответственности и самостоятельности в отношении болезни.

При таких условиях болезнь становится ресурсом в достижении целей и самореализации, она является чертой индивидуальности. Здесь так же возможны случаи сверхкомпенсации, примерами которой могут служить параолимпийские спортсмены, которые достигают успехов в тех областях спорта, кото-

рые являются трудно доступными для них, в связи с физическими особенностями функционирования организма.

Таким образом, сочетание физиологического и социального факторов дает шесть путей формирования психофизического здоровья индивида в семье и шесть вариантов развития отношения человека к собственному здоровью. Графическая модель позволяет в наглядной и компактной форме отображать взаимосвязь названных факторов влияния. Она так же открыта для внесения учета иных факторов, что расширит описание вариативности путей формирования психосоматических заболеваний и повысит прогностический потенциал данной модели.

Литературв

1. *Малкина-Пых И.Г.* Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 992 с.
2. *Старшенбаум Г.В.* Психосоматика и психотерапия: исцеление души и тела. Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 350 с.
3. *Эйдемиллер Э.Г.* Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы. Учебное пособие для врачей и психологов / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. СПб.: Речь, 2010. – 425 с.
4. *Эйдемиллер Э.Г., Медведев С.Э.* Аналитико-системная психотерапия при шизофрении. СПб.: Речь, 2012. – 207 с.

Г.Н. Носачев

Роль и место психологического диагноза в клинической психологии и медицине

Клиническая (медицинская) психология, родившись в недрах клинической психиатрии с опорой на уже существующую экспериментальную психологию (50-60-е гг XIX века) успешно развилась в отдельную отрасль психологической науки и стала широко внедряться в качестве, в том числе и психологических тестов (психодиагностика), не только в нейронауки (30-90 гг XX века), но и клиническую соматическую медицину (70-90 гг XX века) и научные исследования в области клинической медицине (конец XX века).

В разных сферах жизнедеятельности и профессиональной деятельности людей возникают практические задачи, успешность решения которых зависит возможности изучения индивидуальных и групповых психологических особенностей человека.

Психологический диагноз широко вошел в разные отрасли практической психологии и стал основой для развития психодиагностики как отрасли (науки) психологии .

Психологический диагноз может быть основой оптимального профессионального самоопределения личности, а в клинической медицине способствовать как в клинической диагностике болезни (расстройства), так и в решении лечебных и реабилитационных мероприятий [1; 3; 5; 18; 19; 23].

При нарастающем развитии психодиагностики задачи и их практическое исполнение и мышлении психологического диагноза остаются плохо разработанными как с позиций собственно психологии, так и клинической медицины. Между тем именно психологический диагноз, с одной стороны, используя психологический диагноз поставить и провести дифференциацию клинического диагноза, со второй, понять роль пациента в практической деятельности врача и медицинского учреждения, в третьих, решить отдельные вопросы реабилитации и терапии, а также прогноза и последующей превенции. Не менее актуальным являются такие вопросы психодиагностики как: 1) разрыв между нарастающего «вала» психологических тестов (опросников) и возможностями современной психологической науки и клинической практикой; 2) недостаточная разработанность вопросов о научных основах постановки психологического диагноза, особенно с учетом того, что современная психодиагностика в большей степени является математической статистикой (нормы, надежности, валидности) чем клинико-психологической теорией, хотя бы в нейронауках, а также разработки психодиагностических методик, ориентированных на психолога-исследователя, а в настоящее время чаще используется неспециалистами, что приводит к клиническим курьезам замены психологического исследования на якобы клиническое; 3) незавершенность процесса формирования терминологического аппарата психологического диагноза; 4) отсутствие в современной психологии, особенно клинической, концептуальных схем, позволяющих достаточно четко и полно объяснить факты из различных областей использования психологического диагноза, их взаимосвязей и т.д.

В психологический диагноз понятие «диагноз» пришел из медицины, что до сих пор создает разночтения у исследователя и потребителя диагноза (в клинической психологии между врачом и пациентом (родственниками)). Понятие «диагноз» включает такие интерпретации как «междузнание», «знание», «знание отличного от другого» и т.д. и т.п., что в конечном счете является познанием в определенной области, направленное не только понимание происходящего (с человеком, машиной, природой, но и в ряде случаев отражает и организует практическую деятельность).

Как в медицине, так и психологии используется два понятия «диагноз» и «диагностика». Последний термин используется (что на наш взгляд правильно) как обозначение процесса формирования знания. В медицине понятие «диагноз» является более широким понятием: название болезни (расстройства), синдрома, нозологической формы и вытекающей из этого практической деятельности. В современной психологии, особенно клинической психологии, где

термин «диагноз» обозначает некое мнение (заключение) или исключение какой-то психической деятельности. Ясно одно, что без диагностического процесса (психодиагностики, диагностики) не будет и диагноза (заключение, мнения, решения и т.д.).

Следовательно, диагноз невозможен без диагностики, а соответственно диагностика без диагноза (без формирования диагноза или продолжения его поиска).

Диагностика как практическая деятельность осуществляется в целях познания преобразования реального состояния объекта, что осуществляется от общего к единичному, от главного к второстепенному и сущности объекта, от науки к практике. Диагностика базируется на научно-практической деятельности, когда исследует «больного в лице врача вся современная мировая клиническая медицина» [22, 131]. При этом необходимо знать структуру объекта диагностики, способы его обследования, стадии постановки диагноза. В психологии объектом исследования является человек (субъект) как система «второго порядка» [22, 177].

Как указывает В.А. Восович, «врачебное познание... это то же самая научная врачебная клиническая деятельность» [2, 28]. Принято выделять три основных неразрывно связанных друг с другом раздела: семиотический, технический и логический, а применительно к системам «человек – человек» и деонтологический (этический). Семиотический включает в себя описание симптомов и синдромов, признаков болезни. Технический – методы и методики обследования врачебной «техникой» объекта диагностики. Логический характеризуется диагностическим мышлением врача и его способностью довести эту информацию до обследуемого. Деонтологический (этический) – системой отношений между людьми (психология общения), а в медицине специфической системе «врач – обследуемый (родственники)».

Как практическая деятельность диагностика особенно развивалась в медицине как клинический диагноз и в психологии – психологический диагноз.

В отечественных клинических нейронауках и клинической психологии принято исходить из представлений об иерархии функционирования психики человека, состоящих из четырех уровней: 1) патобиологического (морфологического, неврологического); 2) патофизиологического; 3) нейро- и патопсихологического; 4) психопатологического. Из этого подхода следует, что психологический диагноз является только частью диагноза в нейронауках.

В современной психологической литературе приводятся различные значения термина «психодиагностика: «обследование», «оценка», «средство», «распознавание», «изучение», «теория и практика постановки психологического диагноза и др. Но предмет остается неизменным психическая деятельность человека в норме и патологии, различных видах жизнедеятельности индивида, групп людей и общества в целом. До настоящего времени неопределенно место психодиагностики в различных отраслях психологии и других антропологических наук. «Мода» на использование психодиагностики увеличивается с каж-

дым годом, включая клиническую психодиагностику в клинической психологии и нейронауках.

Хотя еще Д.Б. Эльконин отрицал правомерность выделения психологического диагноза в качестве самостоятельной отрасли психологической науки, имеющий особый предмет [23]. Психика (психическая деятельность) как система «второго порядка» в различных разделах клинической психологии выполняет и является предметом разных медицинских дисциплин (пато- и нейропсихологии, психосоматики, соматопсихологический соотношений и др.), и хотя неизменным остается предмет психологии, но меняется существенно цель и задачи медицинских дисциплин. В настоящее время относительно отработано диагностические взаимоотношения в системе врач-психиатр (психиатр-нарколог, психотерапевт, судебный психиатр) – клинический психолог (патопсихолог) (бригадный подход в психиатрии).

Внешняя простота, доступность, «научность» и доказательность психодиагностических тестов и опросников привело многих неспециалистов к широкому использованию их в клинической диагностике (вплоть до подмены клинического диагноза на психологическим) как врачами практиками, так и врачами исследователями. При этом данные исследователя и потребители методик имеют весьма скудное представление о психической деятельности человека в норме и патологии, тем более этапности психодиагностического процесса.

Наиболее разработаны этапы психологического диагностического процесса и его реальное содержание в педагогической психологии [1; 19], опираясь на которые можем выделить этапы и в клинической психологии, в первой очереди в пато- и нейропсихологии:

1. Ознакомление и изучение требований (запрос) поступившему клиническому психологу в виде запроса (врачебного запроса, жалоб, сомнения пациента, родителей несовершеннолетнего.
2. Ознакомление с медицинской документацией (история болезни, медицинская карта, результаты отдельных обследований и консультаций и др.), решения вопроса о совпадении запроса представленной документации (возможная коррекция врачебного запроса.
3. Самостоятельный сбор анамнеза (истории) жизни и болезни клиническим психологом с возможным уточнением запроса.
4. Формулировка психологической проблемы, заключающейся в переводе запроса на психологический язык на основе раннего изучения информации (п. 2 и 3).
5. Выдвижение гипотезы о характере и причины патологии (расстройства) и сохранных психических функциях.
6. Выбор методик исследования, предполагающих наличие в распоряжении клинической психологии и владение ими как строго формализованными (тесты), так и малоформализованными (беседа, наблюдение и т.п.) методами (методологические).

7. Оценка полученных результатов, заключающихся в сопоставлении с клиническими проявлениями в целом и на момент исследований с учетом соматического состояния, жизненного опыта, возрастными особенностями.
8. Диагноз, формулировка заключения.
9. Прогноз с указанием сохранных психических функций.
10. Рекомендации по дальнейшему исследованию и работе врача с пациентом (клиническому психологу, эксперту, реабилитологу и т.д.).
11. Указания на возможные пути и способы психотерапии (психокоррекции).
12. Динамическое исследование в процессе лечения и реабилитации.
13. Важна и структура построения заключения по полученным результатам исследования. Схема построения психологического диагноза (заключение) должна включать по меньшей мере следующее:
 1. Данные о пациенте (ФИО, пол, возраст и т.п.).
 2. Феноменология:
 - 2.1. Запрос.
 - 2.2. Данные, приведенные врачом.
 - 2.3. Данные, приведенные пациентом.
 - 2.4. Данные, приведенные другими лицами.
 - 2.5. Наблюдение и беседа с обследуемым.
 - 2.6. Отношение обследуемого к исследованию.
 - 2.7. Клинический (врачебный) диагноз.
 - 2.8. Резюме по феноменологии.
 3. Гипотезы (теоретический конструкт и гипотезы).
 4. Данные психологического исследования (проверка гипотезы).
 - 4.1. Формулировка гипотезы (исследование психических процессов, психических состояний, психических образований, личности, личностных взаимоотношений и др.).
 - 4.2. Используемые для проверки методики (перечисление).
 - 4.3. Полученные данные (по методикам).
 - 4.4. Результаты сопоставления с нормой.
 - 4.5. Резюме по данным обследования, описание патологической и нормальной психической деятельности.
 5. Психологическое (пато- или нейропсихологическое) заключение (пато- или нейропсихологический синдром).
 6. Предлагаемые мероприятия:
 - 6.1. Врачу (лечащему врачу);
 - 6.2. Другому психологу;
 - 6.3. Социальному работнику;
 - 6.4. Пациенту;
 - 6.5. Родителям
 7. Катамнез.
 8. Выдвижение новых гипотез в случае расхождения клинического и психологического диагноза или расхождения с данными другого психолога.

9. Диагностическая таблица или схема психологической детерминации.

Подобный подход к психодиагностическому процессу практически неизвестны неспециалистам, а следовательно не учитываются потребителем того или иного теста или опросника. Приведем иллюстрации ошибочного использования теста в клинической практике.

В частности проведен анализ рекомендаций неврологов по психодиагностике синдрома деменции с организационно-методических, нормативно-правовых и клинических позиций (аспектов) с использованием психодиагностики. Для анализа использован ряд крупных работ, преимущественно неврологов (так как именно неврологам принадлежит значительное число публикаций по деменции за последние десять лет), без литературного обзора всех публикаций на указанную тему [8; 9; 12; 20; 24].

Так, О.С. Левин [8; 9] приводит следующие общие принципы (подходы) к диагностике деменции: 1) сбор анамнеза; 2) нейропсихологическое исследование; 3) неврологический осмотр; 4) общий осмотр; 5) исследование аффективных и поведенческих нарушений; 6) исследование функционального статуса (уровня поведенческой активности) пациента; 7) лабораторное исследование и др. Можно было бы логически считать, что как не будет невролог сам проводить лабораторные исследования крови, так и психологические исследования будет соответственно проводить психолог. Но порядок диагностики показывает, что невролог посылает к психологу раньше проведения неврологического и общего осмотра пациента, который пришел к врачу-специалисту по неврологии. Большинство книг автора [8; 9] приводит обилие психологических тестов и опросников, которые рекомендуется проводить самим неврологам. Следуя этим рекомендациям, невролог проводит психодиагностику самостоятельно и выставляет диагноз «Деменция». В главе об общем и неврологическом осмотрах приводится таблица «Когнитивные функции и методы их оценки» [8, 158], а в нейропсихологическом исследовании вновь автор возвращается к нарушенным или сохранным когнитивным функциями. Следовательно, из семи приведенных диагностических подходов три являются чисто психодиагностическими, а при приведенном подходе к общему и неврологическому осмотру то и все пять представляют собой исследование когнитивных функций с помощью психодиагностики.

Главная опора на психодиагностику присутствует и в другой книге автора [9], посвященной алгоритму диагностики деменций, где из восьми подглав пять посвящено психодиагностическим и психопатологическим поискам с помощью тестов и опросников («нейропсихиатрические нарушения») и нет ни слова о неврологических симптомах и синдромах (хотя бы нейропсихологических). И все это завершается нозологической диагностикой, где наконец-то является описание неврологической симптоматики как причины развития синдрома деменции. В предисловии автор обещает «подробное изложение методики краткого нейропсихологического тестирования», а приводит свыше тридцати тестов и опросников, которыми должен «в большей или меньшей степени

владеть врач любой специальности...» [9, 6]. У других авторов также обилие психодиагностических тестов и опросников и мало неврологической семиотики [4; 24]. Необходимо заметить, что в Национальном руководстве по неврологии [12] (написанном теми же авторами) как во всём руководстве, так и в главе, посвященной нарушению когнитивных функций, отсутствуют нейропсихологические исследования. А базовый учебник по нейропсихологии Е.Д.Хомской [21], продолжающий разработку идей А.Р. Лурия, И.М. Тонконогова, выделяет и описывает нейропсихологические симптомы и синдромы при локальных поражениях мозга, не выделяя и не описывая синдрома деменции.

Существует множество классификаций методов психологического исследования (Ананьев Б.Г., 1987; Немов Р.С. 1995; и др.), но все они основаны на парадигме целостности психологического исследования, среди которых базовыми группами являются организационные и информационные (в нашем случае – комплексные) обработки результатов экспериментов и наблюдений и интерпретационные методы [10]. И это только требование к использованию психологического исследования без включения клинических и других параклинических данных [13]. В клинической психологии, а, соответственно, в психиатрии и в неврологии выделяют клинико-психологическое исследование, которое большинство неврологов как аналог обозначают нейропсихологическим [8; 9; 24] (к сожалению, многие психиатры так же предпочитают термин «нейропсихологическое» вместо «патопсихологическое» [20]). Так, Н.Н. Яхно с соавт. [24] в руководстве для врачей «для широкой клинической практики» и «объективизации когнитивного статуса» рекомендуют следующий минимум: 1) Краткая шкала оценки психического статуса (MMSE); 2) Батарея тестов для оценки лобной дисфункции; 3) Тест рисования часов. Для анализа возьмем наиболее популярный по частоте встречаемости в исследованиях, а так же по абсурдности интерпретации тест MMSE. Из названия теста следует, что тест MMSE является скрининговым опросником, позволяющим обратить внимание на когнитивный дефицит, но не диагностировать его, даже на синдромальном уровне. Между тем в большинстве неврологических публикаций с использованием теста приводится следующая интерпретация, полученных баллов: нет нарушений когнитивных функций; недементные когнитивные нарушения; деменция лёгкой степени выраженности; деменция умеренной степени выраженности; тяжелая деменция. И эти выводы делаются по одному скрининговому тесту? Для понимания абсурдности интерпретации результатов теста MMSE приведем данные, полученные одним исследователем (к сожалению, психиатром) [7] у больных в дооперационном и раннем послеоперационном периодах после операции на сердце (аортокоронарное шунтирование). На пятый день после операции у 39,5% пациентов были отмечены отклонения по шкале MMSE 1-ой группы; 55,5% – второй; 18,7% – третьей (группы отличаются характером оперативного вмешательства). По степени выраженности деменции по шкале MMSE в первой группе: легкая у 18,4% пациентов, умеренная – у 13,1% и выраженная – у 2,6% (соответственно во второй группе – 13,9, 19,4 и 16,56%; в третьей – только легкая – 3,1%). На 14 день процент «деменций» существенно снижается. В реаль-

ности же в результате медицинских манипуляций у пациента возникла не «деменция», а имели место временные мнестико-интеллектуальные затруднения, по-видимому, обусловленные расстройством сознания, например, ундулирующим легким оглушением или протрагированной астенией, в структуру которых входят в том числе и временные мнестико-интеллектуальные затруднения, не имеющие никакого отношения к синдрому деменции и в последующем регрессирующие (восстанавливается ясность сознания, исчезает астения).

Врач-кардиолог в похожем исследовании, также используя обсуждаемый тест, с трибуны кардионеврологической конференции (Самара, 2012) [6], заявила, что 2/3 прооперированных пациентов на 3-5 день после операции «дементны и недееспособны». Не свободны от подобных методологических и экспертных ошибок и неврологи. О.С.Левин [9] выделяет подглаву 1.7. «Деменция и дееспособность» – девять строк (!), которая также сформировалась по результатам ошибочной интерпретации психологических тестов: «Диагноз деменции не является синонимом недееспособности» (с.25). В данной книге автор приводит около 40 различных тестов и опросников, на которых должен строиться алгоритм диагностики деменций. Невролог И.П.Мамонова и психиатр Л.Е. Пищикова указывают, что «в современных условиях использование скрининговых нейропсихиатрических методик входит в практику обследования, проводимого не только психологами и нейропсихологами, но и специалистами неврологами и психиатрами. Оно является необходимым как на доэкспертном этапе, так и в период проведения судебно-психиатрической экспертизы (СПЭ) и служит для уточнения степени выраженности когнитивного снижения, его структуры и дальнейшей динамики, локализации патологического процесса» (с. 21). То есть авторы призывают к динамическому использованию скрининговых психодиагностических тестов да же в рамках СПЭ.

Наиболее организационно-методически психологическая диагностика в рамках клинко-психологического исследования отработана в судебной психиатрии [10]. Позволим себе перенос её на врачебную практику с использованием психологических тестов и опросников.

Среди стандартов судебно-психиатрической экспертизы об использовании экспериментально-психологического исследования (ЭПИ) говорится: «Необходимо применять следующий минимальный набор, охватывающий основные сферы психической деятельности: а) исследование умственной работоспособности и внимания (перечисляются методики - авт.) – не менее 1 методики; б) исследование памяти (...) – не менее 2 методик; в) исследование ассоциативной сферы (...) – не менее 1 методики; г) исследование мыслительной деятельности (...) – не менее 3 методик.; д) исследование индивидуально-психологических особенностей (...) – не менее 1 методики»[10,с.599-600], т.е не менее 7 методик ЭПИ когнитивных процессов, на которые психолог-эксперт с учетом ведения протокола и времени обработки данных ЭПИ затрачивает 5-6 часов. Отсюда становится ясно, что ни один практический врач не имеет таких временных возможностей для проведения ЭПИ.

Таким образом, к настоящему времени в клинической психологии для нужд практики сформировались две группы тестов и опросников. Скрининговые клинические психологические методики, в задачу которых входит предварительная психологическая диагностика неспециалиста, используются только в клинической психологии. Скрининговые методики мало объективны, так же как и малонадежны и валидны. Если продолжить разбор клинко-психологических возможностей диагностики деменций (когнитивной сферы) с помощью теста MMSE, то когнитивная сфера страдает не только при прогрессирующем нарастании когнитивного дефицита, но и при аффективных, в частности депрессивных состояниях, и поведенческих, в частности при ступорозных, расстройствах, а также при всех синдромах расстройства сознания. Сравним результаты исследования пациента с умеренным оглушением по шкале Глазго и тесту MMSE. По шкале Глазго традиционными критериями оглушения является дезориентировка (сумма баллов 13-14) пациента, который по тесту MMSE дает значительное снижение баллов при ориентировке во времени (0-1), ориентировке в месте (0-2), незначительное снижение на один балл по остальным шкалам (запоминание, внимание и счет, воспроизведение, речь и конструктивный праксис), что дает общую сумму от 18 до 20 баллов, т.е. умеренную или тяжелую деменцию. Поэтому не удивительно, что упомянутые исследователи [6; 7] (к сожалению, это и целый ряд соискателей кандидатской степени по неврологии) диагностировали синдром деменции в послеоперационном периоде при ряде ангионеврологических и кардиохирургических операций. На наш взгляд, эта клинко-психологическая и методологическая путаница вызвана несоответствием клинического синдрома и проведенного клинко-психологического исследования с помощью скрининговых методик («послеоперационные когнитивные дисфункции» (!) [24]), а также использованием и переносом психологических терминов в клиническую диагностику. Это и приводит к появлению в клинике таких терминов как «потенциально обратимые деменции», «додементные психические расстройства», легкие (мягкие) деменции [4; 8; 9; 20; 24] и т.п., которых нет в МКБ-10 [11].

Следовательно, скрининговые методики исследования когнитивных функций позволяют врачу в рамках предварительного диагноза и дальнейшего его уточнения сформулировать перед патопсихологом или нейропсихологом клинко-психологический запрос о наличии патопсихологического синдрома (а не нейропсихологического [8; 9; 24]), в нашем случае – синдрома деменции. В скрининговых методиках патология психических и высших корковых функций обычно совмещается, так как цель носит предварительный характер – выявление наличия патологии. Скрининговые методики можно рекомендовать при предварительном подозрении на нарушение той или иной когнитивной функции, чаще всего - отдельных когнитивных процессов.

Пато(нейро)психолог уже выступает как психолог-исследователь (специалист), знающий и владеющий не только стандартной батареей психологических тестов [11; 15], но и значительным набором более конкретных тестов по

выявлению тех или иных индивидуальных психических и неврологических нарушений [1; 11; 18; 21].

Когнитивная психология возникла на стыке информатики, психофизиологии и психологии познания для изучения и обоснования пространственно-векторных процессов мозга в процессе системно-динамической модели когнитивных процессов. Сегодняшняя когнитивная психология преимущественно изучает когнитивные процессы: восприятие, память, внимание, распознавание конфигураций, решение мыслительных задач, психологические аспекты речи, когнитивное развитие и другие феномены, рассчитывая перейти от когнитивных феноменов к когнитивным законам и когнитивным константам (Сергиенко Е.А., 2002).

Понимание термина «когнитивные расстройства» расплывчато дается в неврологии [12, 534] и практически отсутствует в психиатрии. Между тем, понятия «когнитивные» и «интеллектуальные» – синонимы, а синдром деменции – самый тяжелый синдром патологии снижения, (распада, утраты) интеллекта (ума) [13].

Таким образом, пато(нейро)психолог при обследовании пациента разделит изучение когнитивной (интеллектуальной) функции на когнитивные процессы, когнитивные образования и когнитивный стиль личности, а психиатр правильно поставит исследовательскую задачу, а соответственно и получит наиболее вероятностный ответ. А при экзогенно-органических (симптоматических) психических заболеваниях с возможностью развития синдрома деменции могут страдать как когнитивный стиль и образования, так и собственно когнитивные процессы, при этом синдромальная динамика развития болезни будет различной, так же как различной будет и психодиагностика на разных этапах болезни. Синдромальная динамика нарастания негативных (личностных, дефицитарных) расстройств, завершающаяся деменцией, наиболее методологически выстроена в шкале негативных расстройств А.В. Снежневского (в МКБ-10 она носит разрозненный характер).

Потенциальные возможности психики, как в норме, так и патологии остаются вне рамок диагностики, поэтому измерению подлежит усвоенная (свернутая) функция, в которой психическая переменная присутствует на уровне регуляции. Поэтому многие зарубежные и отечественные авторы [1; 11; 16; 19; 21] полагают, что тесты исследования интеллекта слабо или даже обратно соотносятся с реальными деятельностными критериями.

К настоящему времени психологическая служба, включая психологические лаборатории, в медицине наиболее организована в психиатрических учреждениях, обеспечивая психодиагностику на разных этапах психиатрической помощи как амбулаторной, так и экспертной (от судебно-психиатрической до трудовой и военной) деятельности.

Таким образом, в современной медицине клиничко-психологическим методом, включая психодиагностику, пользуются, с одной стороны, врачи в рамках этапности клинического диагноза, а с другой – клинические психологи, представляющие психологический диагноз как вспомогательный (дополнительный,

этапный, экспертный) по отношению к клиническому. И первый нормативно-правовой и организационно - методический вопрос – вопрос компетентности специалиста, когда речь идет о психологическом диагнозе.

По мнению В.Н. Дружинина [3], рассматривая психодиагностическую ситуацию как систему с отношениями, среди ее структурных компонентов можно выделить, кроме цели: «вход», относящийся к началу диагностического процесса и описываемый параметром «добровольности – принудительности» участия в нем и «выход», связанный с возможностью самостоятельного выбора жизненного пути обследуемым на основе полученных диагностических данных и характеризуемый параметром «свободный– навязанный».

Проведенный анализ на примере диагностики синдрома деменции показал, что интерпретация общенаучных положений и особенно практического применения психодиагностики в рамках клинко-психологического метода, подтвердив правомерность и продуктивность данной процедуры, позволяет прийти к определенным теоретическим и практическим выводам:

1. Клинко-психологический метод как составная часть клинко-психопатологического (клинко-неврологического) опирается на психодиагностику как на один из видов деятельности, в первую очередь, практического психолога и представляет собой процедуру распознавания психических отклонений (особенностей) пациента. Задачу перед психологом ставит врач, в том числе и с использованием скрининговых методик (предварительный диагноз). Психологический диагноз полностью в компетенции и ответственности клинко-психолога, который выстраивает диагностическую процедуру с опорой на теоретические знания и практический опыт психодиагностики, с одной стороны, и клинко-картины болезни, с другой.

2. Организационно-методическая и нормативно-правовая основы психодиагностики, в частности синдрома деменции, наиболее разработаны в патопсихологии в рамках психиатрических учреждений и отсутствует в нейропсихологии (хотя в последние годы патопсихология подменяется нейропсихологией, в том числе и в психиатрических публикациях, а психиатрия – «нейропсихиатрией»).

3. При практическом использовании психодиагностики следует помнить о её структуре, в которой выделяют: объект исследования и его диагностических признаков (в нашем анализе это когнитивный стиль личности, когнитивные образования, когнитивные процессы), подбор диагностических методик, взаимодействие диагноста и пациента в решении психодиагностических задач.

4. Практическое значение психодиагностики в медицине представлено тремя основными функциями: 1) оценка наличия необходимых предпосылок (условий) для осуществления психодиагностической деятельности, связанных с семантическим, техническим, нормативно-правовым и этическим ее аспектами; 2) регуляция клинко-психодиагностического поиска, обнаружение его противоречий и недостатков; 3) упорядочивание и накопление психодиагностического опыта исследователя.

Литература

1. *Ануфриев А.Ф.* Психологический диагноз. М.: «Ось-89», 2006. – 192 с.
2. *Восович В.А.* От симптома к диагнозу. Пособие для студентов-субординаторов и врачей интернов. Иваново, 1976.
3. *Дружинин В.Н.* Ситуационный подход к психодиагностике способностей // Психологический журнал, 1991. Т.12. №2. С.90-96.
4. *Захаров В.В.* Диагностика и лечение деменции. Методические рекомендации. М., 2005. – 65 с.
5. *Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М.* Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. М., 1983. – 324 с.
6. Кардионеврология – 2011 // Научно-практическая конференция. Тезисы. Самара, 27-28 октября. – 2011. [Электронная версия].
7. *Кренкель Г.Л.* Структура и динамика психических расстройств у больных в дооперационный и раннем послеоперационном периодах при операциях на сердце // Журнал неврологии и психиатрии. 2007, №10. С. 18-25.
8. *Левин О.С.* Диагностика и лечение деменций в клинической практике. М.: Медпресс, 2010.- 256 с.
9. *Левин О.С.* Алгоритм диагностики и лечения деменции. М.: МЕДпресс-информ, 2011. – 192 с.
10. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанов. М.: Генезис, 2009. – 606 с.
11. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / под ред. Ю.Л. Нуллер, С.Ю. Циркин. СПб.: «АД-ДИС», 1994. – 300с.
12. Неврология: национальное руководство, под ред. Е.И. Гусева, А.Н. Коновалова, В.И. Скворцов, А.Б. Гехт. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 1040 с.
13. *Носачев Г.Н., Носачев И.Г., Бурдаков В.В.* Органические психические расстройства (психоорганический синдром). СамГМУ, Самара, ООО «ИПК», 2008. – 290 с.
14. *Носачев Г.Н., Баранов В.С., Романов Д.В.* Семиотика психических заболеваний (общая психопатология): учебное пособие. Самара: СамГМУ, 2009. – 390 с.
15. *Носачев Г.Н., Романов Д.В.* Основы патопсихологии: учебное пособие. Самара, 2010. – 345 с.
16. *Носачев Г.Н.* Методические, правовые и этические вопросы диагностики синдрома деменции // Российский психиатрический журнал. 2012. №2. С. 58-63.
17. *Носачев Г.Н.* Этическая и правовая ответственность за диагностику деменции // Журнал неврологии и психиатрии . 2012. № 5. С.114-117.
18. *Носс И.Н.* Введение в технологию психодиагностики. М., 2003. – 251 с.

19. Психологическая диагностика: учебное пособие / под редакцией М.К. Акимовой. СПб.: Питер, 2005. – 304 с.
20. Руководство по гериатрической психиатрии / под ред. С.И. Гавриловой. М.: Пульс, 2011. – 380 с.
21. Хомская Е.Д. Нейропсихология. СПб, Питер, 2005. – 496 с.
22. Чернорук А.В. Диагностика внутренних болезней. М., 1953.
23. Эльконин Д.Б. Психолого-педагогическая диагностика: проблемы и задачи // Психодиагностика в школе. Таллин, 1980.
24. Яхно Н.Н., Захаров В.В., Локшина А.Б., Коберская Н.Н, Мхитарян Э.А. Деменции: Руководство для врачей. М.: МЕДпресс-информ, 2010. – 272 с.

И.Г. Труханова, К.С. Лисецкий, В.И. Кириллов, А.Г. Нагога

Психологическая помощь пострадавшим в ДТП при политравме

I.Trukhanova, K.Lisetsky, V.Kirillov, A.Nagoga

Psychological aspects of rehabilitation of patients with polytrauma

На основе экспериментальных данных доказана эффективность методики психологической помощи людям, тяжело пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях. У людей, получивших тяжелые сочетанные травмы, как правило, изменяется внутренняя картина здоровья (ВКЗ) и внутренняя картина болезни (ВКБ). Восстановление ВКЗ на основе БОС (метод биологической обратной связи) способствует повышению комплаентности, сокращает восстановительный период и качество реабилитации. Предлагаемый метод сокращает затраты на лечение пострадавших без потери качества.

Ключевые слова: психологическая помощь при политравме, тяжелые сочетанные травмы, внутренняя картина здоровья, внутренняя картина болезни, метод биологической обратной связи, повышение комплаентности.

Необходимость психологической помощи человеку, пострадавшему в ДТП, получившему сочетанную травму, находящемуся на стационарном лечении в медицинском учреждении осознается большинством врачей – травматологов. На фоне клинических показателей связанных с последствиями травмы: физические страдания, нарушения нормальной работы отдельных органов и функциональных систем организма, обездвиженность, затруднения связанные с осуществлением гигиенических процедур, хирургические и медикаментозные воздействия, психологическое сопровождение пострадавшего занимает в этом ряду далеко не первое место. Тем не менее, наши исследования,

проведенные в травматологическом отделении Больницы им. Пирогова г. Самары, показали высокую результативность психологического сопровождения Травматической болезни пострадавшего в ДТП.

Естественно первостепенная роль в восстановлении и сохранении здоровья принадлежит самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени согласованности его внутреннего мира и отношений с окружением. Вместе с тем, современный человек часто перекладывает ответственность за свое здоровье на врачей.

В результате человек больше занят не заботой о собственном здоровье, а лечением болезней, что и приводит к наблюдающемуся в настоящее время увяданию здоровья на фоне значительных успехов медицины.

Психологическое сопровождение пострадавшего в ДТП человека может оказывать существенное влияние на комплаентность и на общее эмоциональное состояние больного. Комплаентность определяется несколькими факторами, среди которых: удобство приёма препаратов; озабоченность пациента собственным заболеванием; контакт врача и пациента; психологические расстройства, такие как невротические тревожно-депрессивные реакции на факт наличия заболевания или травмы. Эти факторы определяют индивидуальную, поведенческую стратегию в процессе выздоровления пациента, мотивацию направленную на скорейшее и качественное выздоровление. В психологии, различными авторами выделяется множество классификаций побудительных причин поведения и переживания человеком происходящих с ним событий. Однако, большинство ученых выделяют два основных, объединяющих многие другие, вида мотивации в поведении человека, – мотивацию направленную на избегание неудачи и мотивацию направленную на достижение успеха. Мы будем рассматривать эти виды мотивации не в связи с социальными или профессиональными достижениями людей (вероятностью достижения успеха в том или ином виде деятельности), а в контексте психологической мобилизации или демобилизации процесса восстановления собственного здоровья человеком после политравмы полученной в результате ДТП.

В случае сложной (сочетанной) травмы полученной при ДТП, мотивация избегания, как правило, усиливается, мотивация достижения ослабевает. Очевидно это связано с пролонгированным переживанием чувства опасности и резкого наступления состояния беспомощности, возникшими в результате вынужденного снижения контроля за внешней средой и снижением самоконтроля за собственным состоянием и самочувствием. Наиболее простой и очевидный показатель проявления роста мотивации избегания – стремление больного к уменьшению (естественному избеганию) физической боли, избеганию нежелательных контекстов нахождения в медицинском учреждении, избегание восприятия опасного прогноза последствий полученной им травмы. Стремление избегать мрачных мыслей, которые непроизвольно посещают больного, невозможность самостоятельно контролировать свое самочувствие и степень болевых ощущений, заметно ухудшает эмоциональное состояние

больного. Травма резко нарушает привычный образ жизни и сужает возможности участия в позитивной самореализации пострадавшего. Отношение больного к своему заболеванию важно для врача и с другой не декларируемой, и даже скрываемой больным стороны. Болезнь может быть «выгодна» в данный момент жизни больного для решения социальных, семейных или психологических проблем. Следовательно, отношение к болезни может препятствовать или способствовать лечению. Отношение к болезни сконцентрировано в мотивации (смысле) болезни для пациента.

В условиях клиники, избыточная внутренняя мотивация избегания становится фактором ограничения в отношении позитивного психологического настроя на выздоровление, тогда как мотивация достижения способствует улучшению психологического состояния пациента и оказывает влияние на комплаентность и эффективность процесса его лечения.

В структуре личности мотивация занимает особое место и является основным, родовым понятием, используемым для объяснения движущих сил поведения человека. Мотивация пострадавшего человека включает в себя картину ожидаемых результатов лечения, образ или комплекс образов, предвосхищающих такой результат лечения, на который рассчитывает больной или который ему был внушен окружающими или врачом. Эта картина на некоторых этапах лечения может в значительной степени определять поведение больного. Она отражает эмоционально окрашенные представления пострадавшего, как реальные, так и мнимые (внушенные, самовнушенные) изменения нарушенных функций в сторону улучшения или ухудшения. Человек оценивает результаты проделанного лечения путём сопоставления картины ожидаемых результатов лечения и картины получаемых реально результатов лечения. При этом совпадение названных картин вызывает положительные эмоции, а несовпадение, если картина полученных результатов хуже картины ожидаемых результатов лечения, отрицательные эмоции. Возникающие эмоции могут стать причиной отказа от лечения данным методом, способствовать возникновению депрессии или перестройке психологической картины болезни с негативными вариантами прогноза.

Представление человека о болезни затрагивает социальный и личностный статус человека, отражается в его «Образе «Я». В случае с ДТП «Образ Я» – это образ пострадавшего, больного, нетрудоспособного, нуждающегося в помощи человека.

В представлении больного о своем заболевании выделяют сензитивный компонент, включающий в себя комплекс болезненных ощущений и связанных с ними эмоциональных состояний, и интеллектуальный, представляющий собой адекватную или неадекватную оценку болезни, уровень понимания необходимости изменения поведения и привычного образа жизни. В клинической психологии основательно разработана специальная классификация из 12 типов отношения больного к своей болезни [4]. Однако, у травматолога свои задачи, не всегда есть возможность изучить и применить на должном уровне эту классификацию.

Возможны два варианта решения этого вопроса. Либо дополнительно вводить штатных психологов, увеличивая психологическую службу медицинского учреждения, либо найти инструментальное решение, которое не потребует специальной подготовки медицинского персонала. В нашем исследовании, понимая преимущества первого варианта решения, мы попытались доказать возможность второго.

Взяв за основу разработанные этапы травматической болезни [5], мы ввели аппаратное обеспечение процесса психологической реабилитации больного пострадавшего в ДТП. В медицинской и психологической литературе давно определены понятия «внутренней картины болезни» (ВКБ) (А.Р. Лурия) [2] и «внутренней картины здоровья» (ВКЗ) (В.Е. Каган) [1, 6].

Внутренняя картина здоровья (ВКЗ) – это особое отношение личности к своему здоровью, которое выражается в осознании его ценности и активно-позитивном стремлении к его совершенству. ВКЗ включают 3 уровня отражения здоровья:

1. *интеллектуальный* – представление о состоянии здоровья (зависит от возраста и интеллекта);
2. *эмоциональный* – связан с различными видами эмоционального реагирования на здоровье (определяется индивидуально-психологическими характеристиками, особенностями эмоционального реагирования на различные жизненные ситуации);
3. *Поведенческий* – связан с реализацией деятельности по сохранению здоровья.

В целом, на ВКЗ влияют: индивидуальные психические особенности личности (характер, темперамент), возраст, особенности эмоционально-волевой деятельности; отношение к себе и взаимоотношение с другими людьми; отношение к деятельности, социально-исторические, экономические и бытовые условия [4].

Внутренняя картина болезни (ВКБ) – это комплекс представлений, переживаний и идей, своеобразно отражающие в психике пострадавшего физически (травма, авария) или заболевшего человека патологические процессы и связанные с ними условия жизни, определяемые нарушением нормального режима жизнедеятельности или развитием патологии.

В структуре внутренней картины болезни различают 4 *уровня*:

1. чувствительная сторона – комплекс болезненных и других неприятных ощущений;
2. интеллектуальная сторона – представление о болезни пациентом, её реальная оценка;
3. эмоциональная сторона – это то, как человек переживает болезнь, своеобразная окраска страха, чувства тревоги, эйфории;
4. поведенческая (волевая) сторона – все связанное с усилиями, прилагаемыми для того, чтобы справиться с болезнью [3].

ВКБ обуславливают следующие факторы:

1. Характер заболевания:

Определяет отношение и поведение к болезни.

- а) Наличие или отсутствие боли;
- б) Наличие или отсутствие косметических дефектов;
- в) Наличие или отсутствие ограничения подвижности;
- г) требуемое лечение;

2. Обстоятельства, в которых протекает болезнь:

- а) Проблемы и ожидание (что будет с семьей); кто будет приносить деньги; что будет с домашним животным; проблема с выбором больницы;
- б) Где протекает болезнь (стационар – дом);
- в) Кто виновен в болезни (самообвинение, обвинение других, обвинение обстоятельств);

3. Особенности личности до заболевания:

- а) возраст (чем моложе больной, тем более выражен чувственный компонент; в зрелом возрасте – опасения, связанные с последствиями; в пожилом возрасте – страх смерти, страх одиночества);
- б) пороги чувствительности;
- в) эмоциональная реактивность (своеобразная окраска страха, жалости к себе, колебание надежд и безнадежности);
- г) особенности характера и жизненные ценности;
- д) тип отношения к болезни.

Легко установить в процессе обычной беседы, что у большинства людей «Образ здоровья» менее структурирован, чем образ «болезни». У ВКЗ трудно наблюдаемая, трудно ощущаемая, трудно переживаемая «чувственно-телесная ткань», ее нечеткая встроенность в «схему тела» и ее «разграниченная» представленность в «Образе Я» человека. В нашей культурной традиции не сформирована четко, чувственно-телесно и «соматически оформленно» внутренняя картина здоровья. Степень физического здоровья достоверно устанавливает медицина, используя соответствующие внешние методики осмотра и лабораторные исследования. Сложнее оценить психическое состояние человека, найти критерии психического и психологического благополучия человека. Возможно именно в этом причина «размытости» ВКЗ. Тогда как внутренняя картина болезни – «продукт» внутренней творческой активности больного, складывается и «прорисовывается» в развернутых формах при различных соматических страданиях – начиная от отдельных переживаний боли, дискомфорта, до сильных проявлений телесных повреждений и соматической патологии. В психологическом плане внутренняя картина болезни может рассматриваться как элемент самосознания, сформированный в результате самопознания.

Решение задачи генерализации мотивации достижения у пострадавшего в ДТП, «чувственно-телесного» структурирования его внутренней картины здоровья, может стать универсальным способом повышения результативности лечения без излишних материальных и временных затрат. Принципиальная сложность решения этой задачи состоит в множественности внешних и внутренних факторов психологического воздействия на пострадавшего в

условиях медицинского учреждения.

Мы предприняли попытку выявить и исследовать универсальный фактор генерализации положительной мотивации достижения, который бы не требовал громоздкой диагностики и методической множественности в условиях медицинского стационара.

Между понятия ВКБ и ВКЗ, а точнее их психологическими проявлениями, легко просматривается обратно пропорциональная зависимость, которая может быть выражена метрически. Динамика «пропорциональности» является показателем прогрессивного или регрессивного развития процесса выздоровления в субъективном переживании больного.

Политравма, полученная в результате ДТП, характеризуется внезапностью и адаптационной неготовностью человека к ее переживанию, потерей контроля над собой, своими переживаниями и происходящим, нарушением «схемы тела». Человек, часто, интерпретирует происходящее из позиции жертвы. Вывести больного из этого состояния – сложная задача даже для опытного психотерапевта, тогда как, мы уже отмечали, врач-травматолог должен оперативно решать свои профессиональные вопросы.

Мы предположили, что частичное возвращение больному чувства внутреннего соматического контроля, возможности лично, хотя бы косвенно, влиять на свое психическое состояние, ощущения и переживания, может служить мишенью психологической мобилизации больного и прогрессивной динамизацией соотношения ВКБ/ВКЗ. Чувство внутреннего контроля противоположно чувству беспомощности. Это способствует мобилизации мотивации достижения и ее генерализации в «чувственную ткань» ВКБ [7].

Для этой цели были использованы: компьютерный вариант методики БОС (Биологической обратной связи), электронный пульсометр (можно спортивный), пикфлоуметр (измеритель скорости выдоха).

Больному пердоставлялась возможность самостоятельно обучиться контролю (саморегуляции) термометрической микродинамики своего тела при помощи БОС. После освоения каждого этапа и формирования навыка саморегуляции, как правило, больной испытывал ярко выраженные положительные эмоции. Это субъективное переживание подкреплялось метрическими показаниями пульсометра и пикфлоуметра, которые являлись объективными критериями формирования «чувства внутреннего контроля». На основе сформировавшегося чувства контроля отношение ВКБ/ВКЗ прогрессивно изменялось и надежно фиксировалось названными приборами.

Тяжелая травма, может служить оправданием злобе на окружающих. Травмированный, присваивает себе право упрекать других и длительное время находится в состоянии отчаяния или уныния. Тогда как чувство внутреннего контроля способствовало адекватному принятию больным травматической ситуации. Уменьшению чувства вины (я всех подвел), агрессии, депрессии и переосмыслению жизненной перспективы, а так же переосмыслению и разрядке негативных эмоций.

Было обследовано 39 больных-пострадавших в ДТП (27 мужчин и 12

женщин). Была предусмотрена контрольная группа в количестве 19 человек.

На первом этапе средние показатели пикфлоуметра соответствовали средним показателям по всей выборке, включая контрольную группу, и даже имели тенденцию к снижению, что объясняется обездвиженностью («лежачим» характером) больных. Общий разброс индивидуальных параметров среди всех участников составлял от 280 до 640 условных единиц.

На втором этапе в экспериментальной группе наметился рост показателей пикфлоуметра у 90% больных, а на третьем заключительном произошла стабилизация достигнутых показателей. В экспериментальной группе средние показатели увеличились у каждого больного от 50 до 90 условных единиц.

В контрольной группе, изменений не наблюдалось, несмотря на консультирование их о необходимости вентиляции дыхательной системы, надувания воздушных шаров и выполнения некоторых дыхательных упражнений.

Участники экспериментальной группы, освоившие методы саморегуляции при помощи БОС, демонстрировали изменение пропорции ВКБ/ВКЗ, которая определялась методом психосемантики. Пульсометр позволял наблюдать участникам эксперимента частоту их пульса в зависимости от того, как изменялось их эмоциональное состояние. Этот опыт, так же способствовал формированию чувства внутреннего контроля и адекватности восприятия сложившихся обстоятельств.

В качестве отражения субъективной оценки психологического состояния пострадавших и динамики их степени ответственности в разных сферах жизни, и особенно в сфере собственного здоровья, использовалась широко известные методики САН и УСК. При сравнении результатов теста УСК, было выявлено увеличение интернальности (ответственности) в области здоровья у 94% испытуемых.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. *Лурия А.Р.* Внутренняя картина болезней и язвенные заболевания. 4-е изд. М.: Медицина, 1977.
3. *Сидоров П.И., Парняков А.В.* Клиническая психология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 880 с.: ил.
4. Клиническая психология / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2002.
5. *Котельников Г.П., Труханова И.Г.* Травматическая болезнь. М.: Издательство «Гэотар», 2009.
6. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.
7. *Труханова И.Г., Лисецкий К.С., Кириллов В.И., Нагога А.Г.* Психологические аспекты реабилитации больных при политравме // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия, №9, 2014. –

288 с.

I.G. Trukhanova, K.S. Lisetsky, V.I. Kirillov, A.G. Nagoga

Psychological aspects of rehabilitation of patients with polytrauma

In the article on the basis of experimental data the effectiveness of proposed methods of psychological support for people suffered from road accidents is proved. These patients with severe and multiple traumas usually have internal picture of health and internal disease pattern. IPH recovery based on biofeedback method facilitates increase of compliance, shortens the period of rehabilitation and quality of rehabilitation. The method suggested in the article lowers treatment expenses without any loss of quality of rehabilitation process.

Key words: psychological help in condion of polytauma, bad multysystem trauma, internal picture of health, internal picture of illness, biofeedback tear, rise of adherence.

References

1. Large psychological dictionary. M., Praim-EVROZNAK. B.G. Meshcheryakov (ed.), acad. V.P. Zinchenko, 2003. [in Russian]
2. Luria A.R. Internal disease pattern and iatrogenic diseases. 4th ed. M., Meditsina, 1977. [in Russian]
3. Sidorov P.I., Parnyakov A.V. Clinical psychology: textbook. 3rd ed., revised and enlarged edition. M., GEOTAR-Media, 2008, 880 p. [in Russian]
4. Clinical psychology: textbook. B.D. Karvasarsky (ed.). SPb., Piter, 2002. [in Russian]
5. Kotel'nikov G.P., Trukhanova I.G. Traumatic disease. M., Izdatel'stvo «Geotar», 2009. [in Russian]
6. Psychology of health. Nikiforov G.S. (ed.). SPb.: Piter, 2006. [in Russian]

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Ж.В. Горькая, С.В. Романенко

Честность как нравственная ценность личности

В современной ситуации ценностно-нормативной неопределенности моральные нормы общества, регулирующие отношения во всех сферах социальной жизни, становятся особенно важными. Согласованность моральных норм общества и нравственных ориентиров его членов обеспечивает высокий уровень удовлетворенности людей и эффективность решения социальных вопросов.

Личные принципы, профессиональные мотивы, экономические притязания имеют нравственную природу. Нравственность выступает основой базового отношения субъекта к окружающему миру, людям, самому себе [Журавлев, Юревич, 2012]. Нравственные установки субъекта определяют выборы стиля жизни, сценария экономического поведения, принципов социального распределения, способов решения возникающих вопросов и проблем.

Честность по отношению к себе и людям, как нравственная ценность, являясь элементом системы ценностей личности, определяет сущностную позицию человека, границы правды и лжи, одобряемых и порицаемых поступков.

Таким образом, категория честности является актуальной для исследований, посвященных проблемам социальной справедливости, группового взаимодействия, индивидуального выбора жизненных стратегий.

В то же время на развитие профессионального самосознания оказывают влияние этические принципы, регулирующие деятельность профессионального сообщества. Сформированные кодексы этического поведения являются сводом нравственных правил профессионалов. Правила профессиональной этики составляют по разным основаниям, они в описывают способы решения профессиональных вопросов, включают экономические требования, определяют правила «правильного», «честного» осуществления профессиональной деятельности.

Важно отметить, что кодекс профессионального психолога выделяет честность как отдельную норму требований. Такое выделение отсутствует в кодексах представителей других профессий, например, бухгалтеров или юристов.

Цель исследования состоит в изучении и сравнении честности, как нравственной ценности, у представителей разных профессиональных групп. Важно понять, как влияет уровень честности на выбор стратегий поведения в ситуациях морально-нравственных конфликтов в профессиональной деятельности.

Объект исследования: честность как нормативная ценность личности.

Предмет исследования: взаимосвязь уровня честности как нормативной ценности с честностью стратегий поведения.

Гипотеза: высокий уровень честности, соответствующий включению честности в систему индивидуальных ценностей личности, соответствует выбору «правдивых» поведенческих стратегий в ситуациях морально-нравственных конфликтов в профессиональной деятельности.

Рассматривая категорию честности в ситуации морально-нравственного выбора, мы опираемся исследования нравственности и духовности К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, М.И. Воловиковой, А.А. Гостева, Т.П. Емельяновой, Л.М. Попова, С.Л. Рубинштейна, А.В. Юревича и др., типологический подход к нравственному развитию личности Б.С. Братуся, К.К. Платонова. Особенности нравственно-психологической регуляции активности субъекта и группы рассмотрены в работах А.Е. Воробьевой, Ю.Я. Голикова, О.А. Гулевич, Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева, И.В. Изюмовой, А.Н. Костина, А.Б. Купрейченко, Е.Н. Молодых, Т.А. Нестика, В.А. Пономаренко и др.

Психологические исследования устанавливают взаимосвязь честности и индивидуально-психологических особенностей личности. Показано, что для экстерналов характерна более сильная тенденция лгать в разных ситуациях, чем для интерналов. Это объясняется большей ориентированностью экстерналов на мнение группы. В.В. Знаков обосновал связь склонности ко лжи, антиобщественным действиям с низкой устойчивостью к стрессу, повышенной тревожностью и невротичностью. Доказано, что честность не связана с интеллектом или уровнем образования человека. Интересно, что честность не связана с проницательностью, то есть честный человек не обладает преимуществами в способности различения правдивой или лживой информации [Знаков, 2011]. В «честности» как нормативной ценности личности, может быть выделен когнитивный, мотивационный и поведенческий компонент.

В нашей работе под честностью мы понимаем поведение или действие, направленное на избегание обмана, искажения информации при взаимодействии с другими людьми. Непредумышленное введение в заблуждение, при котором человек сообщает другому неправду, в которую верит сам, так же относится к честной стратегии поведения. Одним из аспектов честности является «искренность» или «правдивость», для которой характерно отсутствие противоречий между реальными чувствами и намерениями в отношении другого человека или группы людей и тем, как эти чувства и намерения преподносятся на словах.

Исследование проводилось на юридическом и психологическом факультете Самарского государственного университета. В исследовании приняло участие 127 человек. Группу «юристов» составили студенты 1-2 курсов юридического факультета в количестве 69 человек, из них 32 мужчины и 37 женщин. На факультете психологии в исследовании приняли участие студенты 1-3 курсов в количестве 58 человек, из них 11 мужчин и 47 женщин.

Для достижения целей и задач исследования использовались следующие **методики:** опросник «Уровень субъективной честности», предназначенный для

выявления субъективной честности и открытости испытуемого; моральные дилеммы, направленные на выявление стратегий принимаемых субъектом решений в ситуации профессионального взаимодействия.

Диагностическое исследование проводилось в два этапа. На первом этапе участники исследования выполняли тестовые задания и решали профессиональные дилеммы индивидуально, результаты фиксировались на бланках. На втором этапе диагностического исследования разбор возможных вариантов решения морально-нравственных дилемм проводился в группах и требовал от участников выбора конкретных действий, разрешающих имеющееся противоречие.

При первичной обработке полученных результатов бланки 13,8% респондентов – психологов были изъяты из дальнейшего статистического анализа, поскольку ответы по шкале лжи превысили допустимые значения. В группе юристов количество бланков с «лживыми» ответами составило 10,9% от общей выборки.

Полученные **результаты** представлены в таблицах № 1, 2. В таблице № 1 представлены значения уровня честности и выбора стратегии поведения. Указано количество респондентов с высоким, средним и низким уровнем честности по разным профессиональным группам и количество «честных выборов» в ситуации морально-нравственного конфликта. Следует отметить, что высокий уровень честности соответствует включению категории «честность» в систему нравственных ценностей личности и говорит о том, что честность имеет высокий ранг в иерархии жизненных ценностей личности. «Честные стратегии поведения» описывают выбор решений, не искажающий информацию для партнера в ситуации профессионального взаимодействия.

Таблица №1 . Значения показателей честности как нравственной ценности и стратегии поведения

Группа	Честность как нравственная ценность		Поведенческая честность
	Уровень честности	Кол-во выборов, %	Кол-во выборов, %
«Психологи»	Высокий	23,9	47,8
	Средний	48,7	87,4
	Низкий	27,4	38,6
Группа	Уровень честности	Кол-во выборов, %	Кол-во выборов, %
«Юристы»	Высокий	21,5	57,4
	Средний	52,8	86,9
	Низкий	25,7	56,8

Наличие или отсутствие взаимосвязи полученных значений осуществлялось с помощью метода однофакторного дисперсионного анализа и метода ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты позволяют говорить о том, что честность как нравственная ценность личности не влияет на выбор профессиональной деятельности ($f_{\text{набл}} = 0,33$). Оценивая перспективы развития

в профессии, студенты не видят связи между честностью и эффективностью выполнения профессиональной деятельности. Статистический показатель взаимосвязи уровня честности как нравственной ценности личности в группах студентов разных специальностей позволяет говорить о том, что различия не значимы ($f_{\text{набл}} = 0,39$).

Решение морально-нравственных дилемм в ситуации профессионального взаимодействия на втором этапе исследования позволила разделить все решения, принимаемые участниками на стратегии «вербальной честности» и стратегии «поведенческой честности». К «стратегиям вербальной честности» относились решения, в которых участнику не приходилось действовать, его активность ограничивалась высказыванием «В таком случае правильно будет...» и оставалось не понятным, будет ли сам человек следовать выбранному правилу. К «честным вербальным стратегиям» были отнесены ответы, в которых участник не искажал и не скрывал информацию, которая может повлиять на поведение партнера в ситуации профессионального взаимодействия. К «не честным» или ложным вербальным стратегиям были отнесены ответы, в которых участник принимал решение скрыть или исказить факты, которые могут быть значимы для партнера. Мотивы сокрытия или искажения информации не учитывались. Результаты «честных» выборов вербальных и поведенческих стратегий представлены в таблице № 2.

Таблица №2. Количество честных стратегий решения моральных дилемм

Стратегии честного решения	Вербальная (в ситуации индивидуального выбора)	Вербальная (в ситуации корпоративного конфликта)	Поведенческая
Психологи	82,7%	64,4%	57,9%
Юристы	88%	81,6%	67,03%

Проверка достоверности полученных различий осуществлялась с помощью метода ранговой корреляции Спирмена, который позволяет определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между уровнем невротизации (X) и честности (Y). Полученное значение ($r_s = -0,37$) позволяет говорить об отсутствии связи между вербальной честностью и предпочтением честных поведенческих стратегий в ситуации морально-нравственного конфликта. Корреляция статистически слабая и отрицательная, то есть увеличение одной переменной связано с уменьшением другой переменной, может говорить о том, что на выбор честных стратегий в поведении влияет не столько доминирование честности в иерархии системы ценностей личности, сколько социальные нормы, устанавливающие правила справедливого распределения и взаимодействия в профессиональной среде. Честные стратегии профессионального взаимодействия способствуют формированию доверия и построению долгосрочных перспектив развития.

Анализ результатов позволяет говорить о том, что в ситуации корпоративного конфликта психологи склонны подчиняться мнению группы, а не от-

стаивать «честную» позицию. Полученный результат можно объяснить тем, что для представителей данной профессии потребность в принятии является доминирующей.

Основные выводы:

1. В честности, как психологической категории, может быть выделен вербальный и поведенческий компоненты.
2. Честность как нравственная ценность личности, выступает ориентиром в ситуации социального взаимодействия, но не оказывает решающего влияния на выбор «честной» стратегии поведения.

Литература

1. *Знаков В.В.* Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 118-128.
2. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Нравственные проблемы современной России // Нравственность современного российского общества. М: ИП РАН, 2012, с. 5-20.

О.А. Гревцова, Н.Ю. Самыкина

Психологические особенности обидчивых людей

Психологические особенности обидчивых людей являются сложным личностным образованием и могут влиять на различные аспекты жизнедеятельности человека, на адекватное восприятие им себя и других людей. Изучение эмоционально-ценностного отношения личности к себе и окружающим является традиционной психологической проблематикой. Тем не менее, она сохраняет свою актуальность в связи с широким кругом проблем, связанных с подавленным состоянием, травмирующим личность и в последствие влекущие к нарушениям в поведении и развитии. Также значимость темы заключается в необходимости понимания данной взаимосвязи, которая может быть направлена на решение практических задач в помощи людям, испытывающим затруднения в установлении близких отношений. Понимание значимости связи чувства обиды в межличностных отношениях и самоотношении поможет понять характер взаимодействий личности с социальной средой, что играет решающую роль в построении близких отношений и реализации себя как личности.

Одним из определений обиды является несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство [Ожегов, 1964]. Обида как эмоциональная реакция на несправедливое отношение к себе появляется тогда, когда задевается чувство собственного достоинства человека, когда человек со-

знает, что его незаслуженно унижают. Это бывает в случае оскорбления, обмана человека, неоправданных обвинений и упреков в его адрес.

Об обиде стоит говорить не просто как об одномоментном эмоциональном всплеске [Апуневич, 2001]. Обида – это двоякий процесс переживания. С одной стороны, один обижается, другой обижает. При этом не всегда однозначно понятно, кто – обидчик, а кто – обиженный, поскольку порой отношения развиваются так, что люди постепенно ранят друг друга и доводят до ситуации невозможности переживания боли, где очень сложно разобраться в реальном источнике ситуации обиды. Необходимо понимать, что при разрешении такого рода ситуаций исследовать нужно два аспекта: как перестать обижаться и как реже обижать других. Когда человек обижает, он делает это легко и, чаще всего не задумываясь, а быть обиженным это переживать негативные эмоции.

Обида – это одна из эмоций человека, которая регулирует его отношения с другими людьми и является источником многих психологических проблем. Если обида возникает слишком часто, по ничтожному поводу или длится долго, то мы говорим про такого человека что он обидчивый. Для него чаще всего характерно иметь слабую нервную систему, он очень ранимый и его нервные клетки быстро истощаются, наступает состояние, подобное эмоциональному выгоранию. В этом случае он скорее утратит чувствительность к происходящему, но не справится со своей обидой, поскольку структура обиды и те умственные действия, которые происходят бессознательно и вырабатывают эти эмоции, не изменились. Они существуют и всегда включаются, когда создаются сходные ситуации, поэтому любые приемы имеют временное локальное значение.

В ходе исследования нами были изучены работы А. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромма, И. Ялома, Дж. Бюдженталя, В.Н. Мясищева, В. Шутца, В.В. Столина, религиозные и философские учения, содержащие раскрытие понятия обиды, обидчивых реакций и ситуации прощения как одной из наиболее адаптивных в работе с личностью. К теме обиды в истории психологии чаще обращались практические психологи и психотерапевты, которые описывали обиду и стратегии работы с нею в обращениях клиентов и пациентов. В ряде публикаций показано, что для обидчивого человека в первую очередь характерна ранимость, чрезмерная чувствительность и слабая нервная система. Некоторые авторы в своих трудах говорят об обиде в контексте невроза или невротической личности и отмечают качества или характеристики, которые являются «защитой» от обиды.

В.В. Столиным было проведено исследование, связанное с вопросом, какие личностные образования могут являться внутренними преградами? Авторами было выдвинуто предположение о том, что личностные образования, которые регулируют деятельность человека, могут выступать и в качестве внутренних преград. Среди этих преград была противоположная диада такого качества как обидчивость – неуязвимость самолюбия. В ходе исследования учеными был сделан вывод, что каждая внутренняя преграда ограничивает свободу выбора действия, создает в соответствующих ситуациях внутреннюю конфликтность,

превращающую действие в поступок. Поступок, таким образом, это либо преодоление преграды, либо, под ее влиянием, отказ от действия [Столин, 1983].

Если представить человека, который в структуре своей личности не обладает внутренними преградами, то такой человек не делает поступков, поскольку он не ограничен в действиях и средствах ведущих к цели. Если же система внутренних преград является наиболее развитой, то тем чаще человек сталкивается с необходимостью действия, с совершением поступка, хотя это может быть и не заметно. Для робкого и застенчивого подростка поступок может состоять в том, что он попросит незнакомого о помощи. Для обидчивого – заговорить первым или попросить прощение. Близким с обидой является гордость и самолюбие, и преодоление будет обращение к человеку по отношению, к которому он был не прав. Наличие определенных комбинаций внутренних преград определяет особенности личности человека, а так же дальнейшую почву для исследования самоотношения в контексте обидчивого поведения.

Обида как процесс протекает в двух фазах: 1) в форме первичного резкого нарастания душевного дискомфорта; 2) в форме длительного хранения негативных впечатлений и переживаний [Поздняков, 2008].

У чувства обиды есть вторичная выгода, нельзя сказать, что приятно быть обиженным, но и если бы это было совсем неприятно, то никто бы не обижался. Почему люди годами готовы носить обиду, держать это в себе, не прощать, не забывать об этом? Потому что, когда человек обижен он носит чувство собственной правоты «я то прав, а он нет; я жертва, но я праведная жертва». С одной стороны нам это больно, нам это неприятно, но раз мы это держим, значит, нечто вторичное дает утешение, а это чувство собственной правоты. Если я обижаюсь, я жду и не осознанное рассчитываю, что другой человек почувствует себя виноватым и будет совершать действия на уменьшение моей обиды. Отказываясь от обиды, человек автоматически должен отказаться от хорошего способа манипуляции, игры и делегирования ответственности, а это трудно и для многих людей вовсе не нужно.

Обида – это, чаще всего, нарушенные ожидания. Ожидания – это осознанные или неосознанные (скорее неосознанные) требования к реальности, и если эта картина восприятия рушится, то человек испытывает чувство обиды. Также существуют так называемые «обманутые» ожидания – это те ожидания, о которых никто, кроме самой личности, не догадывается. Есть такая форма поведения у людей склонных к обидам и деструктивным отношениям, что «он (она) должен читать мои мысли, иначе у нас ничего не получится, он (она) должен догадаться, что я хочу» [цит. по: самоотчеты испытуемых].

Можно сделать вывод, что у человека испытывающего обиду, есть склонность к неврозам, сначала проявление внешней конфликтности, а затем и внутренняя конфликтность, которая является скрытой и не выраженной формой агрессии, агрессивного поведения. В изученных работах прослеживается значимость этих отношений, а так же их последствия. Отсюда вывод, что обида является чувством социального происхождения, возникновение которого связано с социокультурными условиями.

Существует «порог» обиды и у всех он различен. Например, в игре, где должны быть победители и проигравшие, одни будут чувствовать себя обиженными, уязвленными, примут проигрыш на свой счет, а другие могут отнести, как к стечению обстоятельств и переживать на много меньше. Характерной особенностью обидчивых детей и людей взрослых является ожидание положительной оценки, если же оценка отрицательная они понимают это как отрицание их как личности. Некоторые исследования показывают, что обидчивые дети не относятся к числу отвергаемых, а значит, такая заниженная оценка обидчивых детей глазами сверстников является результатом исключительно их собственных представлений.

Отсюда мы видим разнообразные ситуации взаимодействия людей с обидчивым поведением. Например, они ориентированы на положительные оценки со стороны других, на уважение и признание, более того они своим поведением требуют к себе этого отношения. Но тут, же они уверены, что сверстники и значимые близкие не справедливы по отношению к ним, не понимают их и ожидают от них негативной оценки себя. В некоторых случаях они сами инициируют ситуации, в которых они могли бы почувствовать себя отверженными, непризнанными, и, обижаясь на сверстников, получают от этого своеобразное удовлетворение.

Таким образом, нужно различать адекватный и неадекватный повод для проявления обиды. Адекватным можно считать повод, когда имеет место сознательное отвержение человеком партнера по общению, его игнорирование или неуважительное отношение. Кроме того, более обоснованной можно считать обиду со стороны значимого человека. Ведь чем больше другой человек является значимым, тем больше можно рассчитывать на его признание и внимание. Повод, в котором партнер вовсе не демонстрирует неуважение или отвержение, можно считать неадекватным для обиды на другого. В этом случае человек реагирует не на реальное отношение, а на свои собственные неоправданные ожидания, на то, что он сам воспринимает и приписывает окружающим. Неадекватность источника обиды и есть тот критерий, по которому следует различать обиду как закономерную и неизбежную реакцию человека и обидчивость как устойчивую и деструктивную черту личности. Закономерным следствием этой черты является повышенная частота проявлений обиды [Смирнова, 2012].

Итак, в основе чрезмерной обидчивости лежит напряженно-болезненное самоотношение и оценка себя со стороны других, такое сочетание порождает ненасыщаемую потребность в признании. Человек находится в непрерывном поиске подтверждения собственной ценности, но смотрит и оценивает себя глазами других, которые якобы проявляют пренебрежение и неуважение к нему. Этот порочный круг очень сложно разорвать, человек как будто находится в «комнате кривых зеркал». Все это способствует острым и болезненным переживаниям, а так же нарушает нормальную работу развития личности. Поэтому повышенную обидчивость можно рассматривать как одну из конфликтных форм межличностных отношений.

Межличностное поведение объясняется Шутцем с точки зрения трех потребностей: включения, контроля, аффекта. Развитие этих сфер потребностей зависит от определенных факторов и удовлетворяется в детском возрасте. Потребность «включения» зависит от того входил ли ребенок в систему родительно-детских отношений с позиции удовлетворенного взаимодействия с другими людьми. Потребность «контроля» зависит от того в каких условиях свободы и контроля развивалась личность ребенка. Потребность «аффекта» зависит от эмоциональной близости ребенка с другими членами семьи, насколько он был принят или отвержен в своих чувствах. Если эти потребности не удовлетворены в детском возрасте, то в будущем человек может чувствовать себя незначительным, неважным, недостойным любви и внимания. Благодаря чему у него появляются защитные реакции, которые выступают как характерные способы поведения в межличностных отношениях.

В зрелом возрасте человек продолжает действовать согласно выработанным моделям поведения в детстве. Для лиц, которые еще в детстве научились удовлетворять свои потребности, эмоциональные отношения с другими, как правило, не представляют сложности. Личностный тип поведения предполагает, что человек может адекватно чувствовать себя и в тесных, и в дистантных эмоциональных отношениях. Он не встревожен тем, чтобы быть любимым, подсознательно полагая, что он – человек, достойный любви. В обратном случае складывается обида как реакция на невозможность удовлетворения потребности. Постепенно это становится личностной особенностью, обуславливающей построение отношений. Мы предположили, что у индивида возникает обида на неудовлетворенность этих потребностей, вследствие чего обуславливает его поведение в межличностных контактах.

В исследование приняли участие 140 человек возраста 18-30 лет. Выбор этой возрастной группы для участия в исследовании обусловлен, тем, что в данном возрасте уже сформированы устойчивые личностные характеристики и типичные способы построения отношений. Более того, установление близких отношений – это одна из задач данного возраста, и неспособность решить эту задачу зачастую становится основой для возникновения личных переживаний.

Исследование проводилось с помощью опросника ОМО (В. Шутца) и опросника МИС (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), ответы на незаконченные предложения обрабатывались методом контент-анализа, Также через самополагание каждый испытуемый относил себя к одной из двух групп «Я обидчивый/я необидчивый».

В ходе обработки результатов МИС t-критерием Стьюдента все полученные эмпирические значения были в зоне незначимости. Это позволяет нам сделать вывод о том, что и у обидчивых, и у необидчивых людей нельзя выделить специфические черты и характеристики в структуре самоотношения.

По предложениям «Я обижаюсь, когда...» разница является не существенной в обеих группах. Это предложение направлено понимание на ситуации, условий, обстоятельств, когда человек испытывает обиду. И для одной, и для другой группы такими ситуациями являются, когда задеты слабые стороны

человека и он оказывается отверженным (не понятым, недооцененным, вне зоны внимания).

«Мне обидно, если...»: это предложение отвечает на причинность возникновения обиды. Было отмечено, что присутствует схожесть ответов, в той и другой группе, проявляется категоричность, твердость и даже некая директивность.

В последующих двух предложениях «Я не обижаюсь, потому что...» и «Меня обижают люди, которые...» на первое место среди частотных ответов выходят «близкие/дорогие/значимые люди», что позволяет нам рассматривать наличие обиды более распространенной в отношениях близких партнеров.

Мы отметили, что у группы «обидчивых» встречаются наиболее шаблонные формулировки ответов, это говорит о том, что образ обидчика конкретен и ригиден, поскольку формулировки ответов однозначны. У «не обидчивых» ответы более вариативны, соответственно вариантов ответов больше, образ не является выраженным. Можно сказать, за счет большего спектра вариантов это делает их более гибкими в восприятии других людей и в то же время устойчивыми и адаптивными.

Обида – иррациональное чувство, которое не имеет конкретной причины в самоотношении и межличностных отношениях, однако связано с индивидуальной интерпретацией ситуации взаимодействия с окружающими людьми.

Обидчивые и необидчивые люди имеют схожие потребности в межличностных отношениях и способы удовлетворения этих потребностей. И тем, и другим, важно быть включенными, понятыми, принятыми, испытывать глубокие эмоциональные переживания, связанные с другими людьми, чувствовать одновременно контроль и свободу в отношениях, что часто переживается как забота, любовь и близость.

И у обидчивых, и у необидчивых людей не выявлено конкретных особенностей в структуре самоотношения. Среди обеих групп испытуемых встречаются люди с различным уровнем самоотношения, с различной степенью позитивности и выраженности отдельных его элементов.

Основным источником обиды является переживание собственной уязвимости в межличностных отношениях и чаще всего возникает в отношениях с близкими, значимыми людьми. Однако, нельзя говорить о том, что переживание обиды может являться критерием эмоциональной близости.

Переживание обиды связано с реакцией личности на ситуацию, при этом обида возникает в результате резонанса личностных особенностей (чувствительность, лабильность, нетерпеливость и т.д.) и ситуации (оценка, недопонимание, намеренное причинение вреда или зла, несправедливость). Если обида становится базовой категорией, через которую личность понимает и переживает окружающий мир, то возникает готовность к обиде, или склонность рассматривать отношения с другими людьми как способ удовлетворения потребностей во включении и в аффекте (т.е. в переживании близости).

Выстраивание положительных, комфортных отношений в процессе межличностного общения является ведущим условием жизни людей, без которого

не возможно полноценное формирование психических процессов, функций и личности в целом. Обида же представляет собой патогенное переживание.

В психологическом консультировании и психотерапии существуют следующие варианты преодоления обиды [Коваль, 2013]:

а) принятие – это безусловное внутреннее согласие с ситуацией и человеком (обидчиком),

б) осознание себя как личности полноценной и способной чувствовать себя комфортно при разных позициях в отношениях с другими,

с) прощение – сложный и многогранный эмоционально-психологический процесс освобождение себя от переживания обиды и освобождение другого от чувства вины. Истинное прощение исключает злопамятство, что человек не припомнит старую обиду своему обидчику, исключает месть и избегание отношений с обидчиком. Прощение необходимо в большей степени для обиженного, нежели для обидчика.

д) обезличивание – разотождествление личности и ее поведения. Важно понимать, что поведение наиболее динамично, чем сама личность. Порой человек, может проявить грубость и нетерпимость по отношению к другому под влиянием тех факторов, которые в тот период времени имеют на него воздействие. Этот же человек может и не повторить своего поведения, потому что ситуация внешнего давления будет уже иной.

В качестве перспективы дальнейшей работы можно выделить изучение переживания обиды как надситуативного образования, конкретизировать условия возникновения переживания обиды и разработать критерии проживания обиды.

Литература

1. *Апуневич О.А.* Психологические особенности преодоления обиды и обидчивости в подростковом возрасте // Дисс. канд. психол. наук. Череповец, 2001.

2. *Коваль Л.В.* Прощение и освобождение от обид. [Электронный ресурс] URL: <http://www.b17.ru/article/11477/>

3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 6-е, стереотипное, М.: «Советская энциклопедия», 1964.

4. *Поздняков Н.И.* Обидчивость как форма проявления гордости. СПб., 2008.

5. *Смирнова Е.* Обидчивые дети [Электронный ресурс] URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/obidchivye_deti

6. *Столин В.В.* Самосознание личности М.: Изд-во Московского Университета, 1983.

Н.А. Евченко

Исследование отраженной субъектности *Другого-Я*

Согласно концепции персонализации, «быть отраженным субъектом» означает быть идеально представленным в жизненной ситуации другого человека, а также выступать источником преобразования этой жизненной ситуации в значимом для него направлении [Петровский, 1985]. Даже непосредственно не контактируя с человеком, а лишь, будучи актуализированным в его сознании, отраженный субъект выступает как источник его личностной динамики, изменяющий его видение ситуации, способы реагирования и поведение в целом. Отраженный субъект характеризуется активностью и способностью деятельного преобразования другого человека посредством создания новых личностных смыслов, побуждений, постановку новых целей.

В.А. Петровский выделяет две сферы существования субъектности человека: 1) отраженную субъектность в другом, то есть его представленность и продолженность как субъекта в других людях; 2) его представленность как субъекта в себе самом [Петровский, 1996].

Если первая из названных выше сфер широко исследуется в психологической науке [Петровский, 1985; Воробьев, 1986; Дубов, 1988, 1990; Березин, Евдокимова, 2003; Грязева-Добшинская, 2006], то вторая – получила значительно меньшее внимание исследователей. Для изучения эффектов представленности субъекта в себе самом мы обратились к понятию *Другого-Я*, под которым мы понимаем образ Я субъекта в ситуации, отличной от текущей. Как «значимый другой» не является обобщенным, абстрактным Другим, а конкретной значимой для субъекта личностью. Так и под *Другим-Я* мы понимаем не обобщенный образ себя, подобный конструктам Я-концепции, а образ Я, привязанный к конкретному, действующему в той или иной ситуации субъекту.

Эмпирическими референтами значимости образа *Другого-Я* выступают изменения, наблюдаемые в поведении субъекта при актуализации образа *Другого-Я*. Фиксация изменений производится относительно текущего поведения и самоощущения субъекта, обозначаемого нами как Я-актуальное. Актуальное «Я», согласно В.А. Петровскому, образовано переживаниями, возникающими здесь и теперь, но неразрывно связанными с прошлым опытом и включенные в широкий социальный контекст, так как в Актуальном «Я» могут быть отражены прошлые переживания и переживания, приписываемые другим людям [Петровский, 2000].

В качестве конкретных образов *Другого-Я* в нашем исследовании используются образы: Минимально-эффективный-Я и Максимально-эффективный-Я. Выбор данных образов обусловлен их высокой доступностью для актуализации из опыта испытуемых. Также образы Я-минимально-эффективный и Я-максимально-эффективный находятся на полюсах шкалы самооэффективности «Я», что обеспечивает исходное положение Я-актуального в промежутке между ними.

Гипотеза исследования: Образ *Другого-Я* идеально представлен в сознании субъекта и обладает свойствами «значимого другого».

Частные гипотезы исследования:

- 1) Актуализация образа Максимально-эффективного-Я повышает уверенность испытуемых в правильности своих ответов на вопросы.
- 2) Актуализация образа Минимально-эффективного-Я снижает уверенность испытуемых в правильности своих ответов на вопросы.
- 3) Выраженность данных влияний возрастает при противопоставлении Я-актуального и *Другого-Я*.

Процедура исследования. В исследовании приняли участие 273 испытуемых (158 женщин и 115 мужчин), которые были поделены на 2 экспериментальные группы.

Исследование проводилось с использованием специально разработанной компьютерной программы для предъявления стимульного материала. Испытуемым предлагалось ответить на 24 вопроса, проверяющих эрудированность, а затем оценить субъективную уверенность в правильности каждого выбранного ответа по 16 градациям (от «совсем не уверен» до «абсолютно уверен»). Вопросы были отобраны таким образом, что средний процент правильных ответов на вопросы составил около 49%.

Для исследования эффектов идеальной представленности *Другого-Я* в сознании субъекта требовалось создание индивидуально специфической и узнаваемой символической репрезентации образов *Другого-Я* (Максимально-эффективного-Я, Минимально-эффективного-Я) и Я-актуального. В качестве такой символической репрезентации мы использовали ассоциацию соответствующих образов с графически-цветовыми символами. Испытуемым предлагалось выбрать геометрическую фигуру (треугольник, круг или квадрат) и цвет (красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, белый, черный), которые они ассоциируют со своим текущим состоянием и самоощущением. Затем вместе с текстом вопросов испытуемым предъявлялась выбранная ими фигура, окрашенная в выбранный ими цвет. Фигура встраивалась в изображение зала теле-шоу «Кто хочет стать миллионером», на месте, которое в данной игре занимает Участник. Образ популярного теле-шоу «Кто хочет стать миллионером?» использовался в качестве невербального стимула, задающего оппозицию «Ведущий – Участник». Уверенность испытуемых в ответах на первые 8 вопросов принималась за исходный уровень уверенности испытуемого в своих ответах.

Перед предъявлением серий вопросов с 9 по 16 и с 17 по 24 испытуемым предлагалось актуализировать образ Минимально-эффективного-Я или Максимально-эффективного-Я и выбрать их ассоциацию с одной из 3 геометрических фигур и одним из 8 цветов. Образы Минимально-эффективного-Я и Максимально-эффективного-Я актуализировались из опыта испытуемых, из конкретных ситуаций их прошлого.

Отличие 1 и 2 экспериментальных групп состояло в том, что в 1 группе образы Максимально-эффективного-Я и Минимально-эффективного-Я предъ-

являлись *рядом* с Я-актуальным (на месте второго Участника теле-шоу), а во второй группе – *напротив* актуального «Я» (на месте Ведущего теле-шоу). Данные различия также были отражены в инструкции, которая давалась испытуемым перед сериями вопросов 9-16 и 17-24 (см. табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика инструкций для 1 и 2 экспериментальных групп испытуемых

	Группа №1	Группа №2
Психологическая роль Другого Я	Рядом, вместе	Напротив, в диалоге
Визуальное предьявление	Со-участник «теле-шоу» (расположение рядом с графическим образом Я-актуального)	Ведущий «теле-шоу» (расположение напротив графического образа Я-актуального)
Инструкция испытуемым	«Представьте, что Вы отвечаете на вопросы вместе с Вашим максимально-эффективным Я / минимально-эффективным Я»	«Представьте, что вопросы Вам задаёт Ваше максимально-эффективное Я / минимально-эффективное Я»

Мы предположили, что позиция – «напротив» и инструкция, предполагающая непосредственный диалог с *Другим-Я* («Представьте, что вопросы Вам задаёт Ваше максимально-эффективное Я/минимально-эффективное Я»), предъявляемая испытуемым второй группы, создадут необходимые условия для инициации внутренней коммуникации субъекта.

Основным фиксируемым показателем выступили оценки испытуемыми своей уверенности в правильности ответов на вопросы. Динамика данных оценок в разных экспериментальных сериях рассматривалась нами как проявление идеальной представленности актуализируемых образов *Другого-Я* в сознании субъекта.

Для повышения внутренней валидности эксперимента был применён метод контрбалансировки – каждая из экспериментальных групп была поделена случайным образом пополам: у одной половины испытуемых сначала актуализировался образ Максимально-эффективного-Я, затем образ Минимально-эффективного-Я, у другой половины испытуемых наоборот. При этом порядок вопросов не менялся и был у всех испытуемых одинаковый. Данная процедура позволила исключить влияние последовательности предъявления образов *Другого-Я* на результаты исследования, а также нивелировать влияние возможных различий в сложности вопросов на эрудицию.

Для математической обработки результатов использовались критерии *U*-Манна-Уитни и *H*-Краскала-Уоллеса в статистическом пакете IBM SPSS Statistics 21.

Результаты исследования. Эксперимент показал, что актуализация образа Максимально-эффективного-Я как в роли «со-участника», так и в роли «ведущего» (в оппозиции к Я-актуальному) ведёт к значимому росту уверенности испытуемых в правильности своих ответов относительно исходных показателей

(уровень значимости результатов $p < 0,01$) (Рис. 1). Однако в ситуации, когда образ Максимально-эффективного-Я актуализируется в роли «ведущего» – собеседника, противопоставленного Я-актуальному, уверенность испытуемых в правильности их ответов увеличивается значимо выше ($p < 0,01$). В этом случае оппозиция с эффективным Другим-Я создаёт необходимые условия для инициации внутренней коммуникации, провоцирует соревновательность, что в свою очередь значимо преобразует поведение и самовосприятие субъекта.

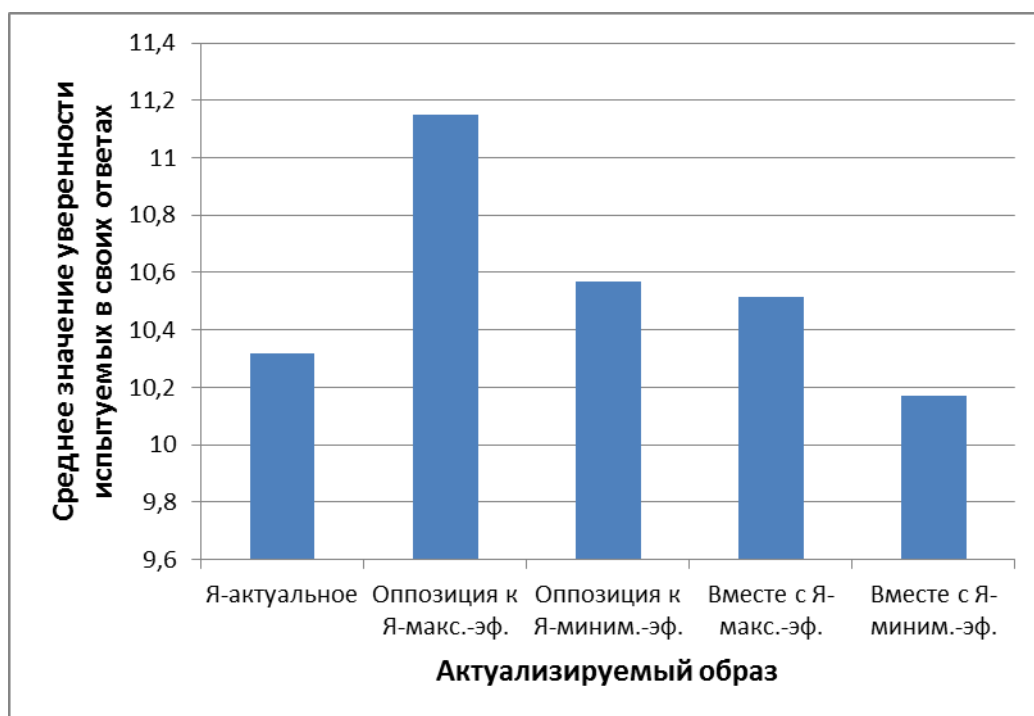

Рис. 1. Средние значения уверенности испытуемых в ответах на вопросы эксперимента в зависимости от актуализируемых образов «Я» и Другого-Я.

Статистически значимые различия получены при сравнении показателей уверенности в ответах между:

- 1) Я вместе с Максимально-эффективным-Я и Я-актуальным ($p=0,005$);
- 2) Я в оппозиции к Максимально-эффективному-Я и Я-актуальным ($p=0,002$);
- 3) Я в оппозиции к Максимально-эффективному-Я и Я в оппозиции к Минимально-эффективному-Я ($p=0,005$);
- 4) Я в оппозиции к Максимально-эффективному-Я и Я вместе с Максимально-эффективным-Я ($p=0,004$).

Актуализация образа Минимально-эффективного-Я не приводит к статистически значимым изменениям уровня уверенности испытуемых в правильности ответов на вопросы относительно исходного уровня. Можно предположить, что для испытуемых была характерна защитная позиция, которая препятствовала инициации внутренней коммуникации с Минимально-эффективным-Я, в связи с чем, актуализация этого образа не оказывала выраженного влияния на поведение и самоощущение испытуемых. Другой возможной причиной невыраженной действенности Минимально-эффективного-Я является предположи-

тельная близость данного образа к Я-актуальному испытуемых. Условия эксперимента предполагали относительно высокую сложность задач (~ 49% верных ответов, то есть в среднем испытуемый не знал и не мог найти правильного ответа на более чем половину вопросов, проверяющих эрудированность). Это вызывало у участников ощущение низкой эффективности Я-актуального. Так согласно беседам, проводимым с испытуемыми после завершения эксперимента, большинство из них были не удовлетворены своим результатом, предполагали, что абстрактные «другие» испытуемые отвечали лучше них и негативно отзывались о своих интеллектуальных способностях. Всё это приводит нас к мысли, что расхождение качеств, приписываемых субъектом Я-актуальному и Минимально-эффективному-Я, было недостаточным для проявления им значимых различий в поведении. При этом расхождение между образами Я-актуального и Максимально-эффективного-Я, напротив, было велико, что обусловило выраженную динамику поведения при актуализации образа Максимально-эффективного-Я.

Результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что *Другое-Я* обладает свойствами действенности и идеально представлено в личности субъекта. Из результатов эксперимента следует, что наибольшей действенностью обладает образ Максимально-эффективного-Я, противопоставленный Я-актуальному. Мы полагаем, что оппозиция с эффективным *Другим-Я* создаёт необходимые условия для интенсификации внутренней коммуникации, что в свою очередь значимо преобразует поведение и самовосприятие субъекта. Рассматривая полученные результаты в терминах транзактного анализа (его переосмысления В.А. Петровским), мы видим, что диалог Я-актуального и Максимально-эффективного-Я близок к взаимодействию эго-позиций Взрослого и «Другого Взрослого» в сознании индивида. «Другой Взрослый» понимается при этом как внутренний собеседник, эксперт, автор значимой обратной связи о Я-актуальном, способный подтвердить само существование субъекта, его разумность и способность быть причиной себя [Петровский, 2000].

Установление факта идеальной представленности *Другого-Я* в сознании субъекта раскрывает новые возможности для исследования внутренней коммуникации, так как позволяет использовать метод отраженной субъектности для изучения «участников» внутреннего диалога. В связи с этим дальнейшая разработка проблемы отраженной субъектности *Другого-Я* заключается, на наш взгляд, в детальном изучении и типологизации участников внутреннего коммуникации субъекта посредством метода «отраженной субъектности».

Литература

1. Березин С.В., Евдокимова Ю.Б. Социальное сиротство: дети и родители. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2003. – 52 с.
2. Воробьев А.В. Личность учителя в системе межличностных отношений классного коллектива // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1986. – 20 с.

3. *Грязева-Добшинская В.Г.* Феномены субъектности в современном искусстве // Вопросы психологии. 2006. №1. С. 93-105.
4. *Дубов И.Г.* Индивидуально-специфическое влияние личности учителя на учащихся в процессе персонализации // Психологические проблемы взаимодействия коллектива и личности / Под ред. А.В.Петровского. М.: АПН СССР, 1988. С. 55-59.
5. *Дубов И.Г.* Эффекты индивидуально-специфического влияния личности педагога на учащихся // Вопросы психологии. 1990. № 5. С.56-65.
6. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. №4. С. 17-30.
7. *Петровский В.А.* Очерк теории свободной причинности // Вестник СамГУ. 1996. № 1. С.57-80.
8. *Петровский В.А.* Философия «Я»: транзактный подход // Э. Берн. Групповая психотерапия. М.: Академический проект, 2000. – 464 с.

А.В. Корнилова

Об инициативности личности

Современный уровень требований к личностным качествам человека включает в себя высокую восприимчивость к меняющимся условиям жизни, социальную и профессиональную мобильность, готовность к быстрому обновлению знаний, предприимчивость, стремление к реализации своей творческой активности, которые обеспечивают реализацию потенциала личности. Данная ситуация свидетельствует о серьезном изменении действительности, предполагает формирование качеств, позволивших бы личности самостоятельно увидеть проблемы, сформулировать задачу и решить её, а также требует новых, иногда нестандартных подходов к анализу поведения и деятельности человека. Это определяет новый уровень требований к тем личностным качествам человека, которые обеспечивают его самореализацию. Работы отечественных и зарубежных исследователей показывают, что одним из таких качеств является инициативность. Проблема развития и реализации инициативности личности становится актуальной научно-практической проблемой. В справочной литературе термин «инициатива» определяется как почин, первый шаг в каком либо деле; внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость; руководящая роль в каких-либо действиях. Под термином «инициативность» понимается комплексное образование, включающее:

- а) активное творческое отношение личности к миру, основанное на внутреннем, добровольном побуждении к изобретению новых способов действий и видов деятельности;
- б) способность к этим самостоятельным начинаниям и творческому мышлению [Коростылева, 2005].

Актуальность развития инициативы отмечали в своих трудах Я.А. Каменский, К.Д. Ушинский, а также учёные и педагоги-практики начала XX века – М.И. Вайсфельд, П.Ф. Каптерев, А.М. Макаренко, С.Т. Шацкий. Они считали инициативность важной составляющей нравственно – волевых качеств. Подходы различных авторов к определению инициативности позволяют выделить две их группы. К первой группе можно отнести такие признаки, как почин, начинания чего-либо; умение легко браться за дело и т.д. Ко второй – признаки, характеризующие инициативность как побуждение к новому, как способность человека видеть новое, как чувство нового, как постоянство стремлений человека в новому и т.д. Первую группу признаков можно отнести к инициативе, выступающей как начало процесса инициации; а инициативность – свойство личности, выражающее постоянство состояний ее предрасположенности и устойчивости стремлений к инициации. Инициативность как личностное качество стала предметом исследовательского внимания сравнительно недавно. Первые идеи появились в работах Б.М. Кедрова, С.Л. Рубинштейна, К.К. Платонова. А затем эта тема удостоилась внимания таких учёных как К.А. Абульханова-Славская, А.И. Крупнов, А.Н. Лук, Л.М. Попов, Н.В. Тучак, В.А. Петровский, А.Э. Пятинин и др. Анализ литературы показывает, что изучение инициативности имеет давнюю научную традицию, истоки которой мы находим в философских, педагогических и психологических исследованиях. Так, термин «инициатива» употребляется в работах Д. Лока, который рассматривал личную заинтересованность как главный мотив инициативы. Философский подход к исследованию проблемы инициативы прослеживается в трудах И. Канта и русских философов XIX века. Разработка философских основ анализа инициативы осуществлялась в более поздних работах, авторы которых изучали сущность и закономерности творчества, диалектику творчества. Этими авторами являются О.Я. Андрос, Ю.Н. Кулюткин, Н.В. Кухарев, А. Матейко, и др). С психологической точки зрения инициатива рассматривалась в работах Т. Рибо, Ж. Пейо, К. Левина и др. Т. Рибо, Ж. Пейо исследовали динамические особенности проявления инициативы, а также вычленяли пассивность и лень как качества, противостоящие инициативе. В последнее время анализируются динамические, мотивационные, эмоциональные и когнитивные аспекты инициативы и инициативности. Динамические особенности их проявления в рамках психологии активности рассматриваются в работах С.В. Березина, М.М. Говорова; Э.А. Голубвой, Б.А. Кадырова, Н.С. Лейтеса, Т.Н. Лобовой. Эти авторы выделяют широту и устойчивость как её динамические характеристики. Мотивационные аспекты инициативы исследовали такие авторы, как Д.Б. Богоявленская, М.С. Говоров, Т.Г. Егоров, Л.С. Новикова, В.А. Петровский, И.Е. Плотниек и др. При этом инициатива определялась ими как выход за пределы заданных условий, как стремление искать новые пути для более успешного решения задач, стоящих перед личностью. В данных исследованиях прослеживается зависимость проявления инициативы от убеждения личности, от её интересов. В качестве главной движущей силы инициативы рассматриваются принципы личности.

Связь инициативности с когнитивными процессами прослеживается в трудах Б.М. Теплова, В.М. Экземплярского, М.С. Говорова, И.Э. Плотникова, О.И. Ложечки. Они рассматривали инициативность как интеллектуальное свойство личности, в большей степени относящиеся к способностям. Так, Б.М. Теплов связывал инициативность со способностью предвидения и способностью быстро находить новые решения, хотя и относил её к чертам характера, определяющим отношение человека к труду, но подобно другим авторам к волевым свойствам личности инициативность не относил. Примерно такую же научную позицию занимал и В.М. Экземплярский.

В исследованиях К.А. Абульхановой-Славской [2001] инициатива рассматривается как «свободная, отвечающая потребности субъекта форма самовыражения, побудительный аспект деятельности, общения, познания», как опережение личностью внешних требований и проявление творчества, как взаимодействие свободы и необходимости. Изучение инициативности как волевого свойства личности осуществлялось в работах С.Л. Рубинштейна, П.А. Рудика, Н.Д. Левитова, А.Г. Ковалёва, С.А. Петухова, В.П. Прядеина и др. При этом С.Л. Рубинштейн выделил такие признаки инициативности, как обилие и яркость новых идей и планов, богатство воображения, рисующего эмоционально-привлекательные картины тех перспектив, которые инициатива может открыть. Н.Д. Левитов подчеркивает чувство нового, личный почин как признак инициативности.

Среди признаков инициативности А.Г. Ковалев вычленяет следующие:

- а) самостоятельные решения вопросов;
- б) решение вопросов по собственному почину;
- в) способность видеть перспективу;
- г) творческое воображение;
- д) склонность к преобразованию действительности и т.д.

Он выделяет собственный почин как фрагмент инициативности [см. Корабельников, 1993].

П.А. Рудик рассматривает инициативность как способность человека к самостоятельным волевым проявлениям, которые выражаются в самостоятельной постановке цели, в самостоятельной организации самого действия, направленного на достижение этих целей [Рудик, 1967]. Н.Д. Левитов определяет инициативность как личный почин в новом деле. С.Л. Рубинштейн понимает инициативность как умение хорошо и легко взяться за дело по собственному почину, не дожидаясь стимуляции извне [Рубинштейн, 2002]. В начале 1990-х годов, в рамках многомерно-функциональной концепции изучения черт личности и индивидуальности, А.И. Крупнов определяет инициативность как свойство, «обеспечивающее процесс инициации и его завершение, характеризующее побуждение к новому, к опережению наличной стимуляции» [Крупнов, 2002]. Изучение психологической литературы показывает, разноплановый характер исследований инициативности, в которых чаще анализируется какая-либо одна ее сторона, а не качество в целостном наборе его признаков. Анализ научной литературы также свидетельствует о том, что инициативность часто

рассматривается в контексте проблемы инициативы, поэтому происходит отождествление понятий «инициативность» и «инициатива». Каждый из этих терминов обладает определенной спецификой. Неопределенность интерпретации этих понятий ведет к разнородности знаний об этих психологических явлениях, что, безусловно, требует более углублённого изучения и инициативности, и инициативы. Анализ этих понятий позволяет определить инициативу как любое первоначальное действие человека, выполняемое им в оригинальной, нетрадиционной форме или преследующее принципиально новые для личности, общества цели и задачи. Инициативность же, как относительно устойчивое психологическое качество личности выражает постоянное состояние готовности и постоянное стремление человека к инициации. Другими словами, инициатива может быть и средством, и результатом проявления инициативности. Инициатива может быть воспроизводящей и творческой. Воспроизводящая инициатива – это прорыв в новую сферу с использованием старых средств реализации идей и самих идей. Творческая инициативность – всегда прорыв в сферу новизны и новое представление об инструментарии или идее. Таким образом, анализ источников по проблеме позволяет уточнить признаки инициативы и инициативности и приступить к углубленному анализу инициативности как системного качества личности, включающего в себя шесть таких взаимодействующих компонентов, как динамический, мотивационный, эмоциональный, волевой, когнитивный и результативный. Указанные компоненты и их переменные составляют психологическую структуру инициативности, а их отношение и взаимосвязи фиксируют индивидуально-качественную специфику ее проявлений на уровне личности. Анализ признаков инициативности позволяет сделать вывод о том, что она определяется с помощью многообразных характеристик, относящихся к различным психологическим сферам, модальностям (динамической, мотивационной, эмоционально-чувственной, когнитивной, волевой, результативной). Мы отмечаем три основных тенденции в понимании инициативности.

В содержании работ, выполненных в русле первой из них, инициативность представляется как самостоятельное профессионально-личностное качество, занимающее свое важное место в совокупности других. В работах второго направления инициативность рассматривается как одна из феноменологических характеристик творческих способностей. В этом случае авторы связывают инициативность с такими специфическими профессиональными образованиями как импровизация, интуиция и т. п. Третья тенденция отражает стремление исследователей рассматривать инициативность как неотъемлимую характеристику когнитивной сферы, выражающуюся в таких феноменах как целеполагание, предвидение и прогнозирование. Итак, свойство, «обеспечивающее процесс инициации и его завершение, характеризующее побуждение к новому, к опережению наличной стимуляции, можно определить как инициативность» [Крупнов, 2004].

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 2001. – 299 с.
2. *Корабельников А.Н.* Инициатива // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.
3. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
4. *Крупнов А.И.* Системная структура черт личности // Проблемы современного высшего образования. М., 2002. С. 3-5.
5. *Крупнов А.И.* Психологическая структура образований и свойств личности // Индивидуальные различия и проблема индивидуальности: Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. М., 2004. С. 3-5.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. СПб., 2002. – 720 с.

А.В. Корнилова

Особенности определения самореализации личности в отечественной и зарубежной психологии

Термин «самореализация» (self-realisation) впервые был приведен в «Словаре по философии и психологии», изданном в 1902 году. В настоящее время этот термин отсутствует в отечественной справочной литературе, в то время как в зарубежной он трактуется неоднозначно. Чаще всего понятие «самореализация» интерпретируется как «реализация собственного потенциала». В последние годы исследовательский интерес к проблеме самореализации личности резко возрос как в отечественной, так и зарубежной психологии. Усиление внимания к этой проблеме связано с пониманием ее определяющей роли в развитии личности, предъявлением более высоких требований к таким качествам человека, как способность к саморазвитию и самосовершенствованию.

Самореализация всесторонне рассматривается в многочисленных философских и психологических исследованиях, что связано с феноменальностью человеческого существования, а также изменяющимися взаимодействиями индивида и рода в онтогенезе человека [Бахтин, 2000]. Самореализация пронизывает всю деятельность человека, рассматривая, прежде всего в ракурсе человека созидающего, человека-творца. Самореализация, самоосуществление предполагает развитие человеком собственного потенциала в связи с тем, что самореализация социально-индивидуальный процесс осознанного целеполагающего опредмечивания сущностных сил на основе жизнедеятельности данного конкретного человека [Гуревич, 2003]. В античности проблема самоосуществления человека рассматривается через соответствие общественно одобряемому образцу. Жизнь человека зависела от соответствия его определенному стандарту (так называемая «культура стыда»). В христианстве утверждается ценность души «внутреннего человека, формирующая культуру совести, что достигается через просветление, а самореализация обретает черты индивидуально выражено-

сти». В средневековой восточной традиции самоосуществление становится истинным через «преодоление себя», а под просветлением подразумевается развитие Вселенной. В эпоху Возрождения самореализация основывается на представлениях о значимости и достоинстве человека, самообретение и самоосуществление обретает контекст служения чему-то Возвышенному, Богу. В работах русских философов конца XIX – начала XX века утверждается принцип свободного нравственного самоопределения человека и говорится о возможности его высшего духовного самоосуществления, совмещающего в себе деятельности (Н.Я. Грот, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский и др.). Представления о самореализации начинают рассматриваться в философии в конце 1970-х годов. Особенно интенсивно развиваясь в социальной философии в начале 90-х. Несмотря на разноплановость данных исследований, феномен самореализации рассматривается в них с точки зрения раскрытия человеком его сущностных сил. И.В. Ведин [1987] говорит о самореализации как осуществлении творческих возможностей личности в мире силами самого человека через самосозидание. И.О. Мартынюк [1990], рассматривает самореализацию с позиций нравственных принципов индивида, считая ее, единством самоутверждения и самоотрицания. А.К. Исаев полагает, что происходящие изменения в обществе создают условия для подлинной самореализации, основным признаком, которой является альтернативность, возможность выбора, то есть принятие человеком самостоятельных, индивидуально выверенных решений. Также одним из самых сложных вопросов он считает соотношение внутренних и внешних условий саморазвития. С одной стороны, далеко не всегда даже наличие идеальных условий соответствует развитию человека, с другой стороны – его развитие может происходить в самых экстремальных и даже неблагоприятных внешних условиях [Исаев, 1993].

В зарубежной психологии самореализация чаще всего рассматривается в рамках гуманистического подхода (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм и др.), причем понятие «самоактуализации» в них является синонимом самореализации. А. Адлер, делая акцент на социальных детерминантах личности, рассматривает человека как творческое и самоопределяющееся целое с учетом его индивидуальной субъективности. Человек считал, что он сам творит свою личность, ставя перед собой цель, которая является реальным стимулом. Определяя пути достижения этой цели, планируя, управляя своими действиями и осознавая их значения для собственной самореализации. Посредством креативного «Я» опыт осмысливается и интерпретируется, способствуя, осуществлению жизненного стиля, уникального для организма [Адлер, 2005]. Самореализация, по мнению А. Ангяла выражается в возрастающей эффективности продуктивности, многогранности и координированности поведения человека. Развивая свои глубинные потребности, человек формирует и более совершенные паттерны поведения, самореализуясь в своей деятельности. А. Маслоу считал самым ценным в человеке его стремление к самореализации, которая и делает человека личностью. Только стремление к развитию, к личностному росту, то есть к

самореализации, есть основа развития и человека и общества. Описывая самореализующегося человека, А. Маслоу говорил том, что таким людям присуще принятие себя и мира, в том числе и других естественность, адекватность и эффективное восприятие ситуации, центрированность на задаче, открытость, контактность, но вместе с тем автономность и независимость от среды. Целью личностного развития, по его мнению, становится стремление к росту, выражению себя, то есть самореализация. Самореализация связана с умением понять себя, свою внутреннюю природу и научиться «сонастраиваться» в соответствии с этой природой, строить свое поведение, исходя из нее. При этом самореализация является не одномоментным актом, но процессом, способом отношения с миром. Г. Олпорт утверждал, что каждый человек неповторим и индивидуален, а в основе развития человеческой личности является потребность достичь все новых и новых вершин, то есть постоянном развитии и совершенствовании своих способностей, то есть самореализации. К. Роджерс считал, что направление саморазвития имеет наследственное происхождение и проявляются в естественном созревании организма, в ходе которого он становится более развитым, дифференцированным и специализированным. Как и А. Маслоу, К. Роджерс считал самореализацию важнейшей потребностью личности и соединял ее с тождественностью феноменального поля реальной действительности, то есть конгруэнтностью. Высокая конгруэнтность соответствует зрелой, гармоничной личности. Исследуя развитие личности, Э. Фромм [1998] пришел к выводу, что одной из движущих сил этого развития является потребность в индивидуализации, из которых проистекает два способа реализации своей внутренней природы – способ быть и способ иметь. Люди, которые живут, чтобы иметь ориентированы на укорененность в обществе и собственную значительность, что приводит к неврозу, делая потребность «иметь» невротически ненасыщаемой. Развитие по принципу «быть» характеризуется внутренней свободой, уверенностью человека в себе и максимальной реализацией собственного потенциала. Этим людям нужна только свобода для самоосуществления, для того, чтобы быть самим собой, выходя в своем творчестве за пределы себя. Именно в человеческой потребности в трансцендентности, по мнению Э. Фромма, способность к самореализации.

Представления А. Адлера, А. Ангяла, А. Маслоу, К. Роджерса, Э. Фромма не обозначают собственно психологическую сущность самореализации, базируясь на философской основе, и рассматривается, как врожденные свойства человека.

В отечественной психологии проблема потенциала человека рассматривается в работах Б.Г. Ананьева, В.М. Бехтерева, С.Л. Рубинштейна и др.

В.М. Бехтерев, не соглашаясь с изучением субъективного аспекта личности как пассивной стороны, полагал, что в бессмертии человеческой личности заключается высшая степень самореализации. По мнению Б.Ф. Ломова, потенциал человека представлен его способностями, системой знаний, умений и навыков, способ его саморазвития. С.Л. Рубинштейн считал реализацию всех создаваемых жизнью и деятельностью человека возможностей борьбой за выс-

ший уровень человеческого существования, вершину человеческого бытия, развитием сущностных сил человека [1927].

Б.Г. Ананьев, развивая комплексный системный подход к человеку, выделял иерархические, соподчиненные уровни психической организации человека (индивид, личность, индивидуальность). В понятие потенциала он включал развитие человека как личности и как субъекта деятельности, отмечая, что во взаимосвязях их особенностей, обусловленных природными свойствами индивида, и складывается индивидуальность («глубина» личности). Согласно Б.Г. Ананьеву, потенциал человека кроется и во взаимосвязях системокомплексов свойств различных уровней организации человека [2009].

Среди современных психологических исследований самореализации наиболее разработанной является концепция Л.А. Коростылевой. Под «самореализацией» она понимает «осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом» [цит. по: Кр. психол. словарь, 1985, С. 38].

По Л.А. Коростылевой основные *механизмы самореализации* личности – интериоризация, идентификация, рефлексия, экстериоризация. Интериоризация в ходе онтогенеза и филогенеза структуры внешних межиндивидуальных отношений обуславливают формирование интраструктур психики. Идентификация – эмоционально-когнитивный процесс познания и отождествления себя как субъекта. Рефлексия включает в себя самопознание субъектом внутренних психических актов и состояний, внутренний опыт человека. В процессе самореализации субъект осознает, кто он есть в действительности, каким он хочет видеть самого себя.

Самореализация предполагает реализацию своего личностного потенциала вовне. Адаптация – это реализация той личностной структуры, которую мы имеем, а самореализация – реализация истинной природы и глубинной сущности человека. Самореализацию, прежде всего, характеризуют такие интегральные свойства, которые проявляются во многих личностных характеристиках, и в частности в мотивационной структуре.

Часто соответствие самому себе – это риск непонимания, осуждения, неприятия другими. Самореализация имеет место тогда, когда мы, познавая нашу собственную природу, будем ее реализовывать. А. Маслоу писал, что возможность проявить Я можно осуществить только через прислушивание к истинному самому себе. Такого же мнения придерживается и К. Роджерс [1986], утверждая, что человек становится более адекватен, когда он прислушивается к самому себе, когда он позволяет себе быть тем, кто он есть.

В сущности, самореализация включает в себя стремление к совершенствованию, базирующееся на одной из высших потребностей личности, направленной не только на реализацию человеком своих сил и способностей, но и на постоянный рост своих возможностей, на повышение качества своей деятельности, в основе которой лежат общечеловеческие ценности. Стремление чело-

века реализовать себя, проявить свои возможности является, по мнению К. Роджерса, главным побудительным мотивом творчества, когда организм вступает в новые отношения с окружающим миром, пытаясь наиболее полно быть самим собой.

Самореализующийся человек, в большей мере предрасположен к счастью. Другими словами, он склонен чаще и полнее переживать удовлетворенность жизнью в целом, чаще искренне испытывать положительные эмоции. Безусловно, нельзя сказать, что это «безоблачное счастье». Такая удовлетворенность наряду с чувством полезности, нужности может сменяться другими чувствами, причем нередко – недовольством собой, в смысле собственных методов жизнедеятельности, полученных результатов, затраченного времени. Вместе с тем истинная самореализация сопровождается интегральным чувством удовлетворенности, ощущением полноты бытия. Удовлетворенность жизнью, по мнению Фромма, неразрывно связана с ее осмысленностью. Чувство собственной полезности является атрибутом продуктивной жизни. Без синдрома роста на его взгляд не возможна самореализация.

Наряду с удовлетворенностью, входящей в критерий самореализации и как основной составляющей счастья, в последнее время рассматривается вопрос качества жизни.

Рассматривая самореализацию как особый вид деятельности, содержанием которой является опредмечивание сущностных сил личности, мы выделяем следующие этапы (уровни) ее становления: самоидентификация, саморазвитие, самоактуализация и собственно самореализация. Они взаимосвязаны, каждый более «простой» вид деятельности служит основанием для следующего, более «сложного».

Самоидентификация представляется нам специально организованной субъектом деятельностью, целью которой (не всегда четко определенной) является отождествление личности с самой собой на основании самосознания, самопринятия, установившейся эмоциональной связи с самой собой. В итоге осуществления деятельности самоидентификации человек становится обладателем развитых механизмов рефлексии, позитивной Я-Концепцией, которую можно частично операционализировать через личностную направленность, которая в этот период в идеале должна быть представлена гуманистическим типом с индивидуалистической акцентуацией, при котором отношение личности к себе и другому, обществу является позитивным.

Саморазвитие. Личностные изменения, которые происходят в процессе самоидентификации, служат основанием для возникновения нового типа деятельности. Принятие себя, осознание своей ценности, уникальности не означает не критичного самолюбования, напротив, только такое отношение человека к себе создает условия для возникновения нового типа деятельности – саморазвития, которую человек направляет на самого себя и целью которой являются положительные самоизменения личности в направлении своего идеального Я, а также результат этой деятельности. На первый план выходит процесс опредмечивания сущностных сил человека.

В ходе осуществления деятельности саморазвития человек становится обладателем ряда важных психологических характеристик: вера в свои способности выполнить поставленные задачи – то, что является одним из важнейших конструкторов, обеспечивающих ориентацию человека на достижения (в отличие от ориентации на избегание неудач); интернальный локус контроля, проявляющийся в способности принимать ответственность за свои действия, взгляды, за события собственной жизни, за себя. Сензитивным периодом для развития этой деятельности является этап перехода от подросткового к юношескому возрасту.

Самоактуализация. Этот процесс в чем-то схож с самоидентификацией, но, в отличие от нее, здесь идет поиск ответов на вопросы не просто «Кто Я?», «Какой Я?», «Почему Я такой?», а «Зачем Я?», «Для чего Я?», «В чем смысл Меня?», «Что Я должен делать, чтобы воплотить этот смысл?». Содержанием деятельности самоактуализации является не только выявление человеком субъективных представлений о собственном предназначении, формирование жизненного смысла как высшего интегративного образования (имеющего свою специфику на каждом этапе жизненного пути), но и умение человека составлять программу достижения этих смыслов, воплощения предназначения, на основе умения делать осознанный, ответственный выбор, который на следующем этапе будет выступать регулятором его активности. Впервые в ходе онтогенетического развития эти вопросы становятся для человека актуальными в период юношеского возраста.

Самореализация – специально организованная субъектом деятельность, целью которой является воплощение им своего субъективно ощущаемого предназначения, а также результат этой деятельности. Инструментальной стороной деятельности, ее механизмом является опредмечивание человеком его сущностных сил.

Мотивом этой деятельности выступает стремление продолжить свое бытие как личности в других людях, транслируя свою индивидуальность через создаваемые произведения (культурализация), а также через непосредственно производимые изменения в других людях (персонализация). Возможности для включения в эту деятельность имеются только у взрослого человека, но для того, чтобы эти потенциальные возможности стали реальностью, необходимо, чтобы, начиная с подросткового возраста, человек был включен в соответствующие виды деятельности. Таким образом, выстроив их «хронологическую» последовательность, мы можем проанализировать процесс становления самореализующейся личности (с выделением условий, способствующих ее эффективности, критериев достижения целей) – то, что еще А. Маслоу обозначил как одну из самых серьезных проблем, требующих специального рассмотрения и проработки.

Литература

1. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Экон. Грамотность, 2005. – 291 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2009. – 315 с.
3. *Бахтин М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
4. *Ведин И.Ф.* Бытие человека: Деятельность и смысл. Рига: изд-во «Зинатне», 1987. – 212 с.
5. *Гуревич П.С.* Философия. М.: Проект, 2003. – 170 с.
6. *Исаев А.К.* Самореализация личности как проблема социальной философии // Автореф. дис. канд. фил. Наук. М., 1993. – 19 с.
7. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко // Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. – 431с.
8. *Мартынюк И.О.* Самореализация личности как способ формирования ее жизненных целей // Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования. Киев: Наукова думка, 1990. С. 86-89.
9. *Роджерс К.* К науке о личности / В кн.: История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 200-230
10. *Рубинштейн С.Л.* О смысле жизни. М.; Л., – 1927.
11. *Фромм Э.* Душа человека. М.: АСТ, 1998.

А.В. Корнилова

Полисистемная концепция самореализации личности

В последние годы исследовательский интерес к проблеме самореализации личности резко возрос как в отечественной, так и зарубежной психологии. Усиление внимания к этой проблеме связано с пониманием ее определяющей роли в развитии личности, предъявлением более высоких требований к таким качествам человека, как способность к саморазвитию и самосовершенствованию, что продиктовано в России социально-экономическими условиями, обострившими конкурентоспособность на профессиональном рынке труда. Растущий интерес отечественной науки к самореализации личности как к проблеме можно проследить в увеличивающемся числе диссертационных исследований и публикаций (Л.А. Анцыферова, Д.А. Леонтьев, Л.А. Коростылева, Э. В. Галажинский, О.В. Питерская и др.)

Изучением самореализации личности занимались представители различных психологических школ. Однако до сих пор не существует единой концепции самореализации. Методологическая сторона проблемы изучения самореализации личности состоит в недостаточной определенности этого понятия. На современном этапе развития представлений о самореализации представляется невозможным даже классифицировать это понятие по форме – является ли это

явлением, процессом, потребностью, свойством или чем-то иным. Сложность изучения самореализации состоит в том, что она не может наблюдаться непосредственно и объективно, мы можем наблюдать лишь ее эффекты и результаты, отраженные в психике субъекта. Самореализацию трудно измерить в силу ее высокой субъективности, трудно контролировать в ходе эксперимента в силу влияния огромного количества факторов, что затрудняет применение измерительных и экспериментальных методов исследования.

В целом, теоретические проблемы исследования самореализации заключаются в том, что при огромном многообразии теоретических подходов к ее пониманию на сегодняшний день в науке не существует не только теории самореализации, но и сколько-нибудь единого подхода к определению этого понятия. Большинство психологических теорий стремятся к объяснению самореализации или сходного понятия такого же уровня, например, самоактуализация в теории А. Маслоу, идентичность в теории Э. Эриксона, стратегия жизни в отечественной психологической теории (К.А. Абульханова-Славская) и др. Теоретические разночтения просматриваются не только в концептуальных вопросах, касаемых природы самореализации и механизмов ее осуществления, но и условий и факторов, оказывающих влияние на ее успешность.

Так, например, в диссертационном исследовании, посвященном проблеме самореализации личности, Л.А. Коростылева [2005] отмечает, что Р.А. Зобов и В.Н. Келасьев выявили две группы факторов, оказывающих влияние на самореализацию: 1) зависящие от человека (ценностные ориентиры, готовность к самостроительству, гибкость мышления, воля и др.); 2) не зависящие от человека (социальная ситуация, уровень жизни, материальная обеспеченность, влияние на человека средств массовой информации, состояние экологической среды).

Итак, в исследовании самореализации личности преобладают односторонние аналитические стратегии, где доминирует какая-либо одна психологическая позиция, рассматривающая данный феномен с точки зрения мотивации, или установки, или процесса и т.д. Анализ теоретических и эмпирических исследований указанной проблемы свидетельствует о том, что при рассмотрении самореализации авторы не фиксируют формы проявления, виды и структурные характеристики, а также не выделяют вполне однозначно условия и факторы ее оптимизации. Вышеуказанное послужило основанием для построения и обоснования полисистемной концепции исследования самореализации личности [Кудинов, 1999].

Основными постулатами в построении полисистемной модели самореализации личности могут служить следующие основания: а) комплекс разноразрядных систем, обеспечивающих успешность самореализации личности; б) исследование самореализации как функциональной системы, раскрывающей связи и соотношения между различными ее уровнями и характеристиками; в) возможность изучения как горизонтальных, так и вертикальных связей между различными системами и признаками самореализации; г) обоснование системообразующих, интегративных образований самореализации; д) направленность

на изучение системы и индивидуальных характеристик самореализации личности [Кулик, 1992].

Исходя из вышеперечисленных принципов и анализа литературных данных, можно попробовать построить полисистемную модель самореализации личности. Базовыми условиями самореализации личности будут выступать: психоэкологические, психофизиологические, психологические, педагогические и социальные факторы [Мартынюк, 1990]. В пользу психоэкологической системы воздействия на успешность либо неуспешность самореализации субъекта говорят результаты исследований Р.А. Зобова и В.И. Панова, С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина, где отмечается влияние экологических факторов (повышенный фон радиации, загрязнение воздуха, некачественная питьевая вода, неблагоприятный температурный режим ит.д.) на психику человека, вследствие чего может проявляться повышение агрессивного поведения, снижение жизненного тонуса, психологической активности, проявление депрессии и других негативных факторов, отрицательно влияющих на самореализацию личности. С другой стороны, специальным образом организованный контакт индивида с окружающим миром может иметь значительный развивающий потенциал.

Роль психофизиологических факторов в самореализации личности широко представлена в научной печати. Наибольшую значимость представляют анатомо-физиологические особенности, являющиеся предпосылкой для успешной самореализации человека в какой-либо сфере, а также особенности свойств нервной системы и свойства темперамента. К психологическим условиям, способствующим степени успешности самореализации личности, относятся психические познавательные процессы, свойства личности и психоэмоциональные состояния. Следующую систему составляют социальные детерминанты. В нее входят различного рода институты социализации, обеспечивающие социально-ролевые позиции участникам, способствующие или препятствующие самореализации личности.

Что касается педагогических условий, то они концентрируются в системе обучения и воспитания, которые сами по себе являются системообразующими основами самореализации. Среди форм самореализации личности можно выделить внешнюю и внутреннюю. Внешняя направлена на самовыражение индивида в различных сферах жизнедеятельности: профессии, творчестве, спорте, искусстве, учебе, политической и общественной деятельности и др. В то время как внутренняя обеспечивает самосовершенствование человека в физическом, интеллектуальном, эстетическом, нравственном и духовном аспектах. И, наконец, среди видов проявления самореализации личности необходимо выделить деятельностьную, социальную и личностную. Деятельностная самореализация субъекта характеризуется самовыражением в различных видах деятельности и обеспечивает высокий уровень профессиональной компетенции. Причем деятельность не всегда и не обязательно может быть связана с официальной профессией субъекта, это может быть любительский спорт, художественное творчество, учеба и т.д.

Социальная самореализация связана с выполнением гуманитарной миссии, общественно-хозяйственной, общественно-политической, общественно-педагогической либо любой иной общественно-полезной деятельностью.

Личностная самореализация способствует духовному росту человека, обеспечивая на первых этапах развитие личностного потенциала: ответственности, любознательности, общительности, трудолюбия, настойчивости, инициативности, эрудиции, креативности, нравственности и т.д.

Таким образом, представленная модель самореализации личности может служить опорой для обоснования единиц анализа самореализации, которые могли бы отражать ее целостное содержание в конкретных проявлениях. Системная структура позволит анализировать индивидуальное своеобразие самореализации личности в единстве ее ценностно-смысловых, мотивационно-потребностных, инструментальных, эмоционально-волевых и рефлексивно-оценочных характеристик. Единство и взаимосвязь этих характеристик поможет представить самореализацию как системное психологическое образование и раскрыть различные межуровневые связи. Более того, психологическое своеобразие каждого уровня может рассматриваться как система индивидуально-психологических особенностей самореализации личности, раскрывающих ее специфику и уникальность.

Мы согласны с Л.А. Цыревой, что **самореализация** – это совокупность инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза [Цырева, 1992].

Исходным в данной системе является установочно-целевой компонент, в котором интегрируются конкретные цели, установки, намерения и общая программа инструментально-смыслового обеспечения, и реализация того или иного отношения в конкретных условиях поведения и деятельности.

Мотивационно-смысловой аспект представлен когнитивными, мотивационными и организационными характеристиками. Он осуществляет селекцию и приоритет тех или иных смыслов предметных отношений и побуждений. Глубину и точность когнитивных значений и их роль в поведении субъекта (креативность-консервативность). Выбор доминирующих побуждений, ориентированных на других людей (социоцентричность) или на себя (эгоцентричность). Определение приоритетной зоны приложения и эффективность самореализации личности в соответствии с поставленной целью и предполагаемым результатом в различных сферах жизнедеятельности: предметно-деятельностной, социально-коммуникативной или субъектно-личностной, конструктивность или деструктивность.

Инструментально-стилевая подсистема представляет собой единство динамических, эмоциональных и организационных переменных. При этом большинство из них состоит из биполярных, внутренне противоположных признаков. В связи с этим данный аспект самореализации имеет достаточно четко очерченные полюса. Основная роль этой подсистемы связана с обеспечением регуляторно-энергетической функции саморегуляции [см. Кулик, 1992].

Более того, между отмеченными подсистемами данного психологического образования существуют специфические связи и отношения, указывающие на индивидуальные особенности самореализации индивида.

Перспективность и продуктивность полисистемного подхода связана с тем, что, он

1. способствует решению фундаментальной проблемы преодоления разрыва между динамическими, результативными, эмоциональными, регуляторными, мотивационными, когнитивными и установочно-целевыми характеристиками, при изучении самореализации, которые по своей природе являются целостными;

2. открывает возможность познания психологической структуры самореализации и внутренних механизмов взаимодействия ее различных характеристик;

3. создает предпосылки для разработки научно-обоснованных технологий оптимизации и коррекции самореализации;

4. позволяет учитывать природу различных подсистем самореализации (инструментально-стилевую и мотивационно-смысловую);

5. дает возможность выявить психологические особенности самореализации личности в зависимости от пола, возраста, социокультурного окружения, национально-этнических и индивидуально-типологических особенностей.

Итак, полисистемный подход в исследовании самореализации предполагает изучение следующих основных аспектов исследуемого объекта: системно-признаковый (направленный на выявление элементов самореализации), системно-структурный (отражающий способы взаимосвязи, взаимодействия элементов), системно-функциональный (предполагающий раскрытие функций целого, выявление причинных отношений, функциональных связей), системно-интегративный (включающий механизмы выявления новых образований на основе изучения взаимосвязей частей), системно-развивающий (позволяющий развивать отдельные признаки и характеристики в структуре самореализации) [Кулик, 1992].

Полисистемный подход позволяет выявить место и роль исследуемого явления, в макроцелостности и микроцелостности, что дает возможность увидеть проблему во взаимосвязи с другими. Он способствует всестороннему, более глубокому рассмотрению объекта исследования, проникновению в сущность процесса, выявлению существенных и несущественных связей. Исследованию внутренних и внешних факторов, противоречий, различий и т.д., что поможет исследователю под иным углом зрения рассматривать самореализацию, вскрывать ее существенные стороны. В многообразии конкретного выделяются общие стороны, закономерности, интегральные свойства, которые представляют собой элементы более общей взаимосвязи. Полисистемный подход предполагает изучение объекта с позиций более сложного целого, как органического элемента, а не изолированного от других, связанных с ним объектов. Для этого необходимо знать, что происходит в смежных областях, в других системах.

Литература

1. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
2. *Кудинов С.И.* Целостно-функциональный подход в психолого-педагогических исследованиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию БИГПИ. Культура. Образование. Духовность // Бийск: НИЦ БИГПИ, 1999. С. 193-200.
3. *Кулик Н.Л.* Самореализация личности как философская проблема // Дис. канд. филос. наук. Киев, 1992. – 178 с.
4. *Мартынюк И.О.* Самореализация личности как способ формирования ее жизненных целей // Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования. Киев: Наукова думка, 1990. С. 86-89.
5. *Цырева Л.А.* Самореализация личности как предмет философского исследования // Автореф. канд. дне. М., 1992. – 33 с.

Я.С. Рослякова, Н.Ю. Самыкина

Особенности структурирования автобиографических текстов у подростков и взрослых

Необходимость структурирования собственной жизненной истории появляется у человека с формированием самосознания и представлений о себе как о целостной личности. На разных этапах формирования самоотношения, самооценки и Я-концепции в целом человек выражает в истории своего жизнеописания разные стороны своей личности, внешнего окружения и своего внутреннего мира.

Актуальность исследования, представленного в данной публикации, состоит в том, что особенности структурирования автобиографий в различные возрастные периоды, а также проблемы отражения в автобиографических текстах Я-концепции подростков и взрослых не являлись предметом специального исследования.

Автобиография – это представление себя и истории своей жизни миру. Первые автобиографии, которые сохранились и были изучены лингвистами, были написаны уже в античные времена. Автобиографические тексты все чаще становятся предметом психологического исследования. Самоописание жизни личности тесно связано с ее взаимодействием с окружающим миром, механизмом освоения внешнего мира, переживанием его как части самого себя, собственного жизненного опыта.

Под автобиографическим текстом мы понимаем структурированное смысловое содержание, отражающее процессы самовыражения, самореализа-

ции и самоактуализации личности, через описание личностно значимых событий [Шлыкова, 2013].

Анализ публикаций, посвященных теме автобиографии, в гуманитарных и общественных науках, показал, что:

1. Историю жизни отдельной личности следует рассматривать в социокультурном контексте. В процессе социализации человек овладевает некоторыми культурными паттернами, на основе которых строится история жизни личности [Варламова, 2001].

2. Личность является субъектом конструирования и изменения собственной истории жизни. Личность имеет возможность выбора жизненного пути и несет ответственность за сделанный выбор [Байметов, 2001].

3. Рассказ человека о собственной жизни не только отражает особенности системы личностных смыслов, но и является необходимым для изменения имеющейся смысловой системы и приобретения новых смыслов [Тульчинский, 2005].

4. Конструирование автобиографии, истории жизни включает процессы осознания, рефлексии, с одной стороны, и неосознаваемые процессы – с другой. При конструировании автобиографии возможен взаимопереход сознательных и неосознаваемых компонентов субъективного опыта.

5. Единицей анализа автобиографии личности является событие.

Соответственно, автобиографию можно рассматривать как целенаправленный процесс описания личностью собственной жизни при переживании личной истории и значимых составляющих внутреннего мира, представляемых через события и комментарии к ним. Автобиография является отражением собственного образа человека. Рассказывая историю о себе, человек экстраполирует особенности своей личности в конструируемый текст, и тем самым в автобиографии становится представлена Я-концепция человека. Автобиография выражается в тексте и обладает всеми его лингвистическими характеристиками.

В нашем исследовании, проведенном в марте-мае 2014 года, участвовали школьники – 51 человек в возрасте 13-16 лет (27 девушек, 24 юношей) и взрослые люди – 35 человек в возрасте 26-43 года (28 женщин, 7 мужчин). Исследование проходило в несколько этапов.

На первом этапе производился типологический и лингвистический анализ автобиографических текстов. Выделяют следующие типы автобиографий:

1. Деятельностный тип. Описывает большую часть событий с точки зрения собственной активности, основной темой автобиографии является тема собственных достижений или неудач;

2. Социальный тип. Ведущей является ценность отношений, основной темой автобиографии являются отношения с другими людьми;

3. Экзистенциально-чувственный тип. События оцениваются с точки зрения их экзистенциальной ценности в структуре жизненного опыта, основной темой является осмысление собственной жизни [Шлыкова, 2006].

Лингвистический анализ автобиографических текстов включает в себя определение следующих критериев:

- а) композиция текста – выявление количества смысловых частей и микро-тем автобиографии;
- б) динамичность (активность, напряженность) и статичность (описательность событий);
- с) преобладание в тексте внешнего или внутреннего содержания;
- д) реалистичность и условность (над реальным описанием преобладают гротеск, алогизм, гипербола);
- е) номинативность (используется прямое значение слов, точное отображение деталей) и риторичность (используются средства выразительности для создания образов);
- ф) монологизм (написание текста в единой речевой манере) и разноречие (изменение стилистики, жанра текста);
- г) экспрессивность – поиск усиления выразительности текста, эмоциональности, оценочности и образности. Оценивается по критериям: ненормативное произношение слов, особенности словообразования (суффиксы -ечк-, -еньк-; каламбуры), специфический подбор лексики (не соответствующий стилевой составляющей текста), особенности синтаксиса (например, инверсия слов, обилие вводных слов, уточнений и др.), повтор и удвоение слов [Булюбаш, 2008];
- h) рефлексивность – оценивается по наличию или отсутствию осмысления, анализа собственных чувств, мыслей, поведения и личности в целом;
- і) лексические средства выразительности (считались использованные в автобиографии тропы: эпитет, сравнение, метафора, метонимия, синекдоха, аллегория, ирония, олицетворение, гипербола, литота, перифраз, синонимы и антонимы, архаизм, диалектизм, жаргонизм, неологизм, афоризм, фразеологизм);
- ј) стилистические фигуры (считались следующие стилистические конструкции: анафора, эпифора, лексический повтор, антитеза, градация, оксюморон, инверсия, параллелизм, парцелляция, полисиндетон и асиндетон, риторическое восклицание, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, парадокс, оценочная и экспрессивная лексика).

На втором этапе исследования нами оценивались результаты опросника М.Куна и Т.Мак-Партланда «Кто я?» по четырем группам: 1) Физические проявления Я-концепции – описание себя индивидом как биологического существа. 2) Социальные проявления Я-концепции – описание себя в контексте социальных отношений. 3) Психологические проявления Я-концепции – описание индивидом интрапсихического пространства. 4) Духовные проявления Я-концепции – описание индивидом себя как личности, обладающей духовными ценностями, моралью и нормами поведения.

Далее полученные проявления Я-концепции сопоставлялись с автобиографическими текстами, и в каждом случае фиксировалось количество ролей, о которых испытуемые упоминали в своих автобиографиях. Таким образом, мы выявили, какие стороны Я-концепции подростки и взрослые отражают в автобиографических текстах.

По результатам проведенного исследования мы получили типологические и лингвистические особенности структурирования автобиографий в группе

подростков и в группе взрослых, а также количество и типологию отраженных в автобиографических текстах проявлений Я-концепции. Обработав результаты с помощью методов математической статистики, мы сделали вывод о качественных различиях этих характеристик в первой и второй группе.

Полученные результаты по типологии автобиографических текстов свидетельствуют о том, что в обеих группах в каждом случае взрослые и подростки писали автобиографии, которые по своим характеристикам относятся к деятельностному типу. В незначительном количестве случаев в автобиографические тексты были включены элементы других типов автобиографий, однако ни в одном случае эти элементы нельзя назвать преобладающими. Данный факт позволяет предположить наличие в сознании подростков и взрослых некоторого клише, в соответствии с которым испытуемые структурировали свои автобиографические тексты.

Данную гипотезу подтверждает тот факт, что в схожих смысловых блоках испытуемые использовали созвучные фразы: в начале автобиографии многие испытуемые употребляли конструкцию «Я, Ф.И.О., родился ... (дата рождения) в ... (место рождения)»; в описании конкретных фактов жизненного пути наблюдается частое использование неполных предложений с отсутствием подлежащего: «Учился в ... (место обучения или год обучения)», «Женился/вышла замуж в ... (время заключения брака)». Последняя часть автобиографии часто посвящалась описанию жизни в данный момент: «Сейчас моей главной задачей является ... », «В данный момент занимаюсь ... ». Если присутствует компонент перспективы и планирования, подростки использовали следующие конструкции: «В будущем планирую ... », «В будущем я хочу стать ... », «Я хочу ... ». У взрослых завершением автобиографии являлся смысловой блок, резюмирующий их отношение к собственной жизни, однако речевых клише в нем не выявлено.

Также результаты исследования позволяют добавить к устойчивым клише написания автобиографий статичность, реалистичность, номинативность и монологизм автобиографических текстов.

Абсолютно все испытуемые придерживаются описательности текста, исключая его динамичность и возможную напряженность событий, а также прямого, недвусмысленного употребления слов, однозначной трактовки описываемых событий и единой речевой манеры. Это говорит о наличии ещё одного клише в сознании подростков и взрослых. По всей видимости, испытуемые стремятся предельно ясно передать значимые события их жизни, стремясь избежать двойных смыслов и неверных трактовок историй их жизни.

Наиболее заметны различия таких показателей, как средства лексической выразительности и стилистические фигуры. Менее заметны – экспрессивность и рефлексивность. Это можно объяснить тем, что в сознании подростков и взрослых автобиография предполагает наличие формальной структуры, некоего образца, в который в первую очередь входит информация обобщенной истории жизни человека.

Экспрессивность значительно чаще проявляется в устной речи, экспрессивность обусловлена неподготовленностью текста и эмоциональной значимостью описываемых событий, также причиной часто выступают ситуационные факторы.

Такая характеристика, как склонность к рефлексии, определяется скорее личностными, а не возрастными особенностями.

Не подтвердились различия по параметрам композиции автобиографического текста и преобладания внешнего или внутреннего содержания. Это можно объяснить тем, что и подростки, и взрослые при описании собственной жизни выделяют одинаковое количество значимых смысловых блоков и пишут текст в схожей типологической и стилистической манере.

Автобиографические тексты взрослых в большей степени отражают Я-концепцию личности, в отличие от автобиографий подростков. В подростковом возрасте Я-концепция личности начинает своё интенсивное формирование, а в период взрослости Я-концепция уже сформирована, соответственно, у взрослых можно наблюдать значительно больше проявлений Я-концепции в их текстах.

Также взрослые обладают более-менее сложной системой духовных ценностей, моралью и нормами поведения, в то время как в подростковом возрасте эти характеристики еще не сформированы окончательно. Не подтвердились различия в параметрах проявления в Я-концепции физических, социальных и психологических ролей. Это обусловлено тем, что важность этих ролей одинакова и для подростков, и для взрослых, поэтому в Я-концепции обеих групп они занимают одинаковое пространство.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие **выводы**.

Структура автобиографического текста находится в тесной взаимосвязи с Я-концепцией человека. Образ себя является отражением собственного жизнеописания личности. Подростки и взрослые по-разному конструируют свои автобиографические тексты, поскольку в подростковом возрасте Я-концепция только начинает свое формирование и к периоду взрослости ее содержание значительно меняется.

В структуре автобиографических текстов выявлены композиционные клише, характерные и для подростков, и для взрослых. К ним относятся устойчивые фразы в синонимичных смысловых блоках, а также статичность, реалистичность, номинативность и монологизм автобиографических текстов. Данные характеристики присущи именно письменным автобиографиям, выраженным в тексте.

Автобиографические тексты взрослых отличаются от автобиографий подростков более выраженной экспрессивностью и рефлексивностью текста. Также в автобиографических текстах взрослых значительно чаще употребляются лексические средства выразительности и стилистические фигуры речи.

Автобиографические тексты взрослых в большей степени отражают структурные особенности Я-концепции, в отличие от автобиографий подрост-

ков, в частности, через представление духовной составляющей образа Я (метафоры, сравнения).

Литература

1. *Байметов В.А.* Психология жизненного пути: от топографии событий к построению смысла // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: матер. сообщений / Под ред. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланд. М.: Смысл, 2001. С.30.

2. *Булюбаши И.Д.* Я тебя слышу. Феномены языка и речи в практике гештальт-терапевта. Самара: Бахрах-М, 2008. – 272с.

3. *Варламова Е.* Модель творческой уникальности человека в рефлексивной судьбологии // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: матер. сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда. – М.: Смысл, 2001. С. 30-31.

4. *Тульчинский Г.Л.* Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): матер. междунар. конф. М.: Смысл, 2005. – С. 7-26.

5. *Шлыкова Ю.Б.* Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. Вып. 3. С. 34-42.

6. *Шлыкова Ю.Б.* Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста // Дис... канд. психол. наук. Краснодар, 2006. – 168 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

С.В. Березин

Расстановка как кино

Прежде всего необходимо ответить на вопрос о том, какой вообще смысл в том, чтобы как-то сравнить расстановку и кино.

Расстановка является многоцелевым методом, разрабатываемым в контексте системно-феноменологического подхода в психотерапии.

Кино – это вид искусства.

Не является ли сравнение кино и расстановки попыткой соотнести несопоставимое? И какая в этом польза?

Предлагаемое исследование является попыткой решить две задачи одновременно. Во-первых, речь идет о том, чтобы понять природу психотерапевтических эффектов расстановочного метода и ответить на вопрос о сущности феноменологического поля.

Вторая задача заключается в определении психотерапевтического потенциала кино и механизмов его воздействия на зрителя. Вопрос этот, несмотря на значительную историю его изучения, продолжает оставаться дискуссионным.

Развитие темы требует предварительных уточнений, которые в большей степени будут касаться понятия *кино*. Представляется, что его необходимо дополнить семантически связанными с ним, но не тождественными ему понятиями кинопроизводство и кинозрелище. Концепт *кинопроизводство* будет обозначать в последующих рассуждениях процесс создания кино съемочной группой, включающей режиссера, сценариста, оператора, художника, композитора и актеров. Концепт *кинозрелище* в тексте будет использоваться для обозначения процесса восприятия кино зрителем. Необходимость вводимой дифференциации обусловлена принципиальными психологическими различиями между кинопроизводством и кинозрелищем. При такой дифференциации тема «Расстановка как кино» становится не только раскрываемой, но и эвристичной.

Второе уточнение касается понятия *расстановка*. Системные расстановки представляют собой метод работы с социальными системами, дисфункции которых проявляются в виде симптома на уровне индивидуальных подсистем. Системные расстановки (далее – расстановки) обращены ко внутреннему миру клиента, который является многоуровневым, сложным, эмоциональным, субъективным. Возникнув изначально как метод, расстановки постепенно превращаются в практику, осмыслить которую невозможно вне теоретических по-

строений и допущений. Так, теория расстановок предполагает значительную роль трансгенерационной трансляции поведенческих, психологических и эмоциональных паттернов, связанных с травмой и выживанием. Таким образом, расстановки интегрируют существующие в различных направлениях психологии представления об идентичности индивида и включают в нее индивидуальное, системное и трансперсональное.

третье уточнение касается союза *как*, фигурирующего в теме и выступающего в качестве логического оператора, задающего операцию сравнения. Раскрыть тему «Расстановка как кино» означает сравнить расстановку с кинопроизводством и кинозрелищем. Очевидно, что для такого сравнения необходимо основание.

Мне представляется, что таким основанием является трансперсональный характер процессов, определяющих сущность и эффекты расстановки и кино.

Кино является продуктом коллективного сознания и коллективного бессознательного. Каким бы директивным и требующим полного подчинения не был режиссер, каждый участник съемочного процесса вносит в происходящее на площадке и на экране свой вклад, отражающий его персональный опыт. Часть этого опыта осознается, часть – находится за пределами осознания. В фильме «Горькая луна» Р.Поланского один из героев произносит фразу: «Страсть убивает, исцеляет любовь». И эта фраза, и весь фильм – результат осознанной деятельности съемочного коллектива, однако, вряд ли сам Р.Поланский осознавал, насколько важной (и терапевтической!) могла быть эта фраза для него самого. Анализ биографии этого режиссера не оставляет сомнений в том, что его творчество есть ни что иное как «отработка» собственных сексуальных комплексов. Фильм как результат творческого процесса многих людей, никогда не совпадает с исходным замыслом создателей. В нем есть нечто большее. И это большее – результат трансперсональных процессов в съемочной группе.

В расстановках мы наблюдаем не менее сложный процесс взаимодействия участников расстановки на сознательном и бессознательном уровне. Каждый участник расстановки действует, исходя из своего персонального опыта. Расстановщик, как режиссер, знающий технологию создания кино, опирается на знания, отрефлексированный опыт, структуру метода и последовательность действий, однако выбор гипотезы и общей стратегии расстановки не всегда находят логическое обоснование. В этом, как я полагаю, проявляется бессознательное расстановщика. Еще более рельефно в расстановках присутствует бессознательный опыт заместителей. Например, фразы-решения, произносимые расстановщиком, могут воспроизводиться заместителем с искажениями, порой весьма значительными. Я предполагаю, что эти искажения обусловлены проективным процессом заместителей и их сопротивлением.

Рассмотрение расстановки и кинопроизводства как результирующих сознательных и бессознательных динамик их авторов-участников (коллектив создателей кино и участников расстановки), на мой взгляд, снимает налет мистицизма с понятия феноменологическое поле. Пространство совместной деятель-

ности съемочного коллектива и поле расстановки – суть одно и то же. Это пространство взаимодействия сознательных и бессознательных динамик участников кинопроизводства и расстановки.

Я полагаю, что многоуровневое, многовекторное и многомерное взаимодействие персональных опытов и трансперсональных процессов в кинопроизводстве и расстановке и создают ощущение мистического у зрителя в процессе кинозрелища и у клиента, наблюдающего свою расстановку. Несмотря на то, что кинопроизводство и расстановка моделируют жизнь, и кинозрелище, и расстановка переживаются как реальность, как настоящее.

Ощущение реальности и настоящности происходящего, переживаемое зрителем в процессе кинозрелища и участником расстановки, в значительной степени возникает и поддерживается благодаря тому, что в фокусе расстановки и кино всегда находятся базовые конфликты бытия человека в мире. Проясним тезис более подробно.

Большинство людей выросли в семьях или в сообществах, в которых по отношению к ним кто-то из взрослых выполнял родительские функции. Следовательно, у большинства людей есть опыт драматических переживаний и отношений с теми, кто их воспитывал (обиды, чувство отвергнутости, вина, стыд, гнев, холодность в отношениях, переживание утраты, потери, ревность и др.). Пытаясь разобраться со своими проблемами, большинство людей вольно или невольно обращаются к событиям своего детства. Коль скоро люди рождаются мужчинами или женщинами, у большинства из них есть драматический опыт отношений с противоположным полом (стеснительность, застенчивость, робость, тревога, ревность, демонстративность, отторжение, враждебность, страх неразделенности и др.). Поскольку жизнь большинства людей протекает в тесном контакте с другими людьми, мы не можем не сталкиваться с проблемами построения отношений (чувство одиночества, боязнь других людей, неумение дружить, любить и быть любимым, заботиться и принимать заботу, чувство вины, доминирование или подчинение и др.). Почти каждый человек совершал какие-либо ошибки, следовательно, многим знакомы неуверенность, страх показаться некомпетентным или никчемным. Как правило, люди зрелого возраста имеют детей, а это значит, что у многих из них есть какие-то сложности в воспитании детей, которые иногда приводят к переживаниям бессилия и отсутствия перспективы. Наконец, многим знакомы боль потерь и чувство утраты близкого человека.

Базовые конфликты бытия человека в мире с разной степенью остроты проявляются в жизни любого человека. Эти конфликты порождают универсальные проблемы Жизни, которые в сознании конкретного человека предстают как *проблемы его собственной жизни*. Когда такая проблема заявляется клиентом в расстановочной группе, в пространство взаимодействия проецируется опыт участников расстановки. Так, как мне кажется, возникает феноменологическое поле. Именно это объясняет терапевтические эффекты расстановок, которые возникают не только у клиента, но и у заместителей. В расстановках опыт участников проецируется на проблему, заявленную клиентом. В кино мы

наблюдаем сходные процессы. Правда, здесь уникальный опыт жизни зрителя проецируется на экран, где разворачивается универсальное, представленное в конкретном. Опыт проживания/переживания этих конфликтов может быть и драматическим, и травматическим. Нередко, начиная работать с запросом клиента, расстановщик обнаруживает в его истории (или истории его рода) ситуацию, которая носила травматический характер и которая была вытеснена клиентом, или вообще могла быть ему неизвестной. В ходе работы кинотерапевтической группы часто обнаруживается, что в процессе кинозрелища кто-либо из участников «не увидел» или «забыл» какой-либо (иногда весьма значительный) эпизод фильма. Групповая дискуссия в кинотерапии способна обнаружить для клиента его собственную травму через анализ искажений в восприятии фильма. Мы полагаем, что клиент, наблюдающий свою расстановку, и клиент кинотерапевтической группы, проецирующий свой опыт на экран и/или подавляющий эмоциональные реакции, вызванные фильмом, и теперь, в ходе дискуссии, обнаруживающий свои проекции, проживают сходные психические процессы.

В кинопроизводстве используются два специфических приема, порождающих в процессе кинозрелища психологические феномены, обладающие значительным психотерапевтическим потенциалом. Прежде всего, речь идет о таком кинематографическом приеме как монтаж. «Жизнь – это кино», сказал когда-то Ж.Ренуар. Мне представляется, что гораздо ближе к истине оказался А.Хичкок, заявивший: «Кино – это жизнь, из которой вырезано все скучное». Представим себе, что вся жизнь человека отснята на пленку, из которой вырезано «все скучное». Собранные благодаря монтажу оставшиеся кадры показаны этому человеку. Какие эффекты мы могли бы наблюдать? Несомненно, инсайты, связанные с осознанием причинно-следственных связей между событиями, которые могут быть отставлены в жизни на десятилетия. В обыденной жизни понять такие связи, не прибегая к методам психотерапии, практически невозможно. Осознание взаимосвязи между значимыми событиями жизни поставило бы человека перед неизбежным принятием ответственности за свою жизнь, осознанием своего места в ней. Не исключено, что могли бы произойти переоценка ценностей и переосмысление событий, связей, отношений. Монтаж – это трансцендирование времени. Если не ту же, то типологически схожую функцию выполняет расстановка по отношению к клиенту: здесь и сейчас клиент может осознать смысл случившегося там тогда и проявляющегося в его жизни везде и всегда.

Вторым значимым приемом кинопроизводства является *крупный план*, выделяющий из текста фильма наиболее значимые фразы, переживания, события. Крупный план помещает в фокус сознания зрителя то, что могло бы остаться не замеченным, пропущенным, не оцененным. Этот прием позволяет зрителю увидеть событие, которое в реальной жизни могло бы оказаться незамеченным из-за незначительности своего масштаба. Так, в фильме «Географ глобус пропил...» камера крупным планом показывает лицо главного героя в тот момент, когда он произносит фразу, являющуюся, по сути, девизом его жизни: «Жить надо так, чтобы не быть залогом счастья другого». Прием *крупного пла-*

на позволяет режиссеру, реализующему свою стратегию, произвольно менять масштаб событий. Можно предположить, что расстановка в жизни клиента выполняет ту же функцию, что и крупный план в кино.

Еще одно важное, на мой взгляд, обстоятельство заключается в том, что кино может содержать в себе сообщение, имеющее в кинозрелище тот же эффект, что и фразы-решения в расстановках. Будучи выделенными из кинотекста специальными средствами (крупный план, цвет, музыка и др.) такие фразы побуждают зрителя к изменениям способа и стратегии жизни. Вот несколько примеров:

- «...удивить себя, чтобы понять на что ты способен» («Красота по-американски»);

- «никогда не поздно измениться» («Красота по-американски»);

- «надо уметь прощать» («Невинность»);

- «я больше не могу спасти тебя» («Две жизни»);

- «моя жена умерла» («Умница Уилл Хантинг»);

- «брат есть брат» («Простая история»).

Как и фразы-решения в расстановках, фразы из кинотекста направлены на «признание того, что есть» (Б.Хеллингер).

Я рассмотрел расстановку как кинопроизводство и как кинозрелище. Некоторые важные вопросы (расстановщик как режиссер, заместители как актеры, драматургия расстановки, сценарии расстановки) остались вне моего анализа. Это интересные вопросы, но сейчас для меня важнее другое.

1. Изучение кино, кинопроизводства и кинозрелища содержит в себе возможность открытия еще не известных психологии и психотерапии феноменов. Так, переплетения, замещения, исключения нашли свое кинематографическое воплощение задолго до того, как эти феномены были описаны в системно-феноменологическом подходе.

2. Изучение кино расширяет представление о феноменологии переплетений: судьбы реальных людей могут переплетаться с судьбами киногероев. Например, актер М.Глузский, сыгравший роль белогвардейского офицера в фильме «Бег», снятом по произведениям М.Булгакова, рассказывал, что в детстве, в разоренной гражданской войной Украине он мог умереть от болезни, но был спасен молодым врачом ... Им и был М.Булгаков.

Но может быть еще более ярким примером таких переплетений является фильм Р.Быкова «Чучело» и судьбы некоторых занятых в нем актеров. Имея десятилетний опыт работы в школе и будучи социальным психологом, я хорошо знал этот фильм и понимал, что в нем происходит. На переплетения в этом фильме обратил мое внимание А.Мережко в своей экзаменационной работе.

История начинается с того, что в 1981 году Владимир Железняков пишет повесть «Чучело» на основе реального случая со своей внучкой (она взяла на себя чужую вину и ей объявляют бойкот). В 1982 году Ролан Быков начинает снимать кино по повести В.Железнякова. Позднее он скажет, что решил поставить «Чучело», потому что его приемный сын, Павел Санаев, зачитывался этой

книжкой. Со школьной травлей Р.Быков был хорошо знаком, потому что Павел в младших классах был изгоем.

Бабушка (Зинаида Одегова) приводит на кинопробы внучку Кристину Орбакайте. Мама Кристины, Алла Пугачева, в тот момент находится в разводе со своим вторым мужем Александром Стефановичем. В фильме внучка приезжает жить к дедушке. В начале первой серии, в момент ссоры с ним, она кричит: «Я уезжаю, дедушка, к маме» - явное указание на то, что родители ее в данный момент живут раздельно.

Павел Санаев значительно позже напишет автобиографическую повесть «Похороните меня за плинтусом» о своем восьмилетнем возрасте, когда он живет у бабушки, потому что мама в данный момент занята обустройством своих новых отношений с Быковым, и бабушка не доверяет ей воспитание внука. Быков снимает в кино не только Павла Санаева в роли Васильева, но и свою жену в роли Маргариты, старшего приемного сына Олега в роли Петьки, себя в роли дирижера.

Совмещенные позиции реальной семьи Быковых/Санаевых, ролей в фильме «Чучело» и персонажей книги «Похороните меня за плинтусом» в условной генограмме не оставляют сомнений в том, что совпадения не случайны.

3. Феноменологическое поле расстановки может быть осмыслено как пространство взаимодействия личностных и трансперсональных динамик ее участников. Это дает основания предположить, что поведенческие проявления участников расстановки – это индикаторы взаимодействия их личностных и трансперсональных динамик, а сама расстановка – медиатор, обеспечивающий взаимодействие разноуровневых динамик участников расстановки. Тогда о кино можно сказать так: кино, то есть собственно фильм, - это медиатор, обеспечивающий взаимодействие личностных и трансперсональных динамик создателей фильма и разноуровневых динамик зрителя. Различные феномены кинозрелища (подавление, проекция, вытеснение и др.) являются индикаторами такого взаимодействия.

С.В. Березин, Л.В. Иванова

Динамика личности в психотерапевтической группе (на материале кинотерапии)

Развитие практической психологии в России привело к появлению большого многообразия психотерапевтических методов. Заметно выросла активность и заинтересованность населения в получении психотерапевтической помощи. Особую актуальность приобретает проблема динамики личности в условиях психотерапии. Продолжает оставаться открытым вопрос о том, что и как происходит с человеком в психотерапевтической группе. Предлагаемая работа направлена на углубление представлений о динамике личности в психотерапев-

тической группе. Исследование проводилось на материале кинотерапевтической группы.

Кинотерапия успешно применяется в работе с людьми различного возраста, испытывающими широкий спектр проблем [1; 2; 4; 6; 7]. Эффективность кинотерапии, как метода групповой работы, была подтверждена в ходе многочисленных эмпирических исследований [2; 3; 5; 8]. Эти обстоятельства позволяют рассматривать динамику личности в условиях кинотерапии в более широком теоретическом контексте.

В нашей работе мы исходим из предположения о том, что основными факторами, обеспечивающими личностную динамику участников кинотерапии, являются: активность в групповой дискуссии, акты самораскрытия и перенесение навыка понимания кино в реальную жизнь. Отсутствие у участников кинотерапевтической группы активности при работе с фильмом, самораскрытия и перенесения навыка понимания объективного содержания кинофильма в свою жизнь приводит к усилению внутриличностного конфликта.

Анализ литературы, посвященной изучению различных сторон групповой психотерапии [15; 16; 17; 23; 25; 32; 33], показал, что личностная динамика в психотерапевтической группе является результатом осознанных действий, направленных на выход за пределы стереотипного поведения. Свободная и ответственная активность индивида за пределами хорошо освоенных им стереотипных форм взаимодействия с собой (например, чувство вины), с другими (например, игры), преобразуют не только его, но и группу в целом. Важную роль в обеспечении эффективности психотерапии также играют личностные качества и профессиональные навыки самого психотерапевта, главной задачей которого является создание условий для наиболее полного раскрытия психотерапевтической силы группы.

Изучение восприятия кино и его воздействия на зрителя дает основания утверждать, что фильм только возбуждает определенный индивидуальный комплекс, вызывая эмоциональный отклик, а для реальных изменений в сознании и поведении индивидов, необходима работа с содержанием фильма, вскрывающая личностные смыслы фрагментов кинофильма, вызвавших эмоциональную реакцию [4; 19].

Необходимость специальной работы с индивидуальным пониманием фильма, эмоциональным откликом на фильм и впечатлением от него обусловлена проявлением во время обсуждения и просмотра кинофильма феноменов психологической защиты, таких как идентификация, рационализация, проекция, ассоциация, смещение, подавление [14; 22; 30]. Проработка субъективных искажений содержания фильма развивает у участников способность адекватного понимания происходящего в кинофильме. Если описывать эффекты кинотерапии в терминах транзактного анализа, то групповая дискуссия позволяет освободить Взрослую часть Я от предубеждений Родителя и иллюзий Дитя. Это позволяет индивиду жить «настоящим» и взять ответственность за свою жизнь на себя самого [9; 10; 11; 12; 24; 29].

Исследование кинотерапевтических групп показало, что важными условиями их эффективности являются: мотивация к участию в группе, групповая сплоченность, универсальность проблем, интерперсональное влияние, имитационное поведение. Динамика личности и группы в условиях психотерапии может быть осмыслена как эффекты отраженной субъектности, отраженной intersубъектности, intersубъектной отраженности.

Активность в групповой дискуссии является, по нашему мнению, одним из основных факторов, способствующих личностной динамике в условиях кинотерапии. Проявляя активность, индивид высказывается, тем самым увеличивается вероятность обнаружения его проекций, т.е. искажений восприятия объективного содержания фильма. Эти искажения и оказываются в фокусе групповой работы. Эмпирическими референтами активности в групповой работе являются частота высказываний участника группы, спонтанное включение в обсуждение, продолжительность высказывания.

Самораскрытие и искренность являются основными механизмами, способствующими развитию как личностной, так и групповой динамики [33]. Активное участие в групповой дискуссии создает максимальные предпосылки для актов самораскрытия. Обсуждая эпизоды фильма, оказавшие сильное эмоциональное воздействие, участники группы постепенно переходят к рассказам о себе, своей жизненной ситуации, подвигая себя к более адекватному пониманию своей реальной жизни и стимулируя своей активностью и открытостью других участников к самораскрытию. Индивид, совершивший акт самораскрытия, отражается как субъект в себе самом и других участниках группы [21], в результате чего он становится более искренним в межличностных отношениях, у него возрастает доверие к себе. Эмпирическими референтами самораскрытия являются высказывания участника о своих переживаниях, межличностных проблемах, о разных сторонах своей личности, эмоциональные реакции, отражающие принятие чувств и позиций другого участника группы.

Способность использовать понимание для изменения поведения (использование навыка понимания объективного содержания фильма в реальной жизни) является для участника группы своеобразным «подвигом» [4]. Здесь под словом «подвиг» мы подразумеваем спонтанные, свободные и ответственные действия индивида, совершаемые им вопреки типичных для него и хорошо освоенных им схем поведения. Человек подвигает себя за границу себя актуального к себе возможному, включая свое возможное в свое актуальное. Такие события влияют не только на самого индивида, но и на группу в целом, тем самым становясь предпосылкой для дальнейших изменений как самого индивида, совершившего подвиг, так и для группы в целом. Способность использовать понимание для изменения поведения можно обнаружить, например, в следующих высказываниях участников: «После обсуждения фильма я поняла, что мало времени уделяла своему ребенку, из-за этого и были наши конфликты. Мы поговорили с ним и договорились, что каждую субботу проводим вместе» и т.п.

Мотивация к участию в группе, на наш взгляд, оказывает существенное влияние на групповую динамику. Опоздание или отсутствие участника влияет на групповую сплоченность. Кроме этого, пропуски снижают интенсивность личностной динамики. Чем больше занятий участник группы посетит, тем сильнее его мотивация к участию в группе, а, следовательно, и к изменениям, способствующим личностному росту.

Групповая сплоченность влияет на принятие участниками группы друг друга, способствует увеличению доверия [32]. Рост доверия в группе повышает «плотность актов самораскрытия в единицу времени». Участники сплоченной группы оказывают поддержку друг другу. В таких условиях индивиды более склонны исследовать и выражать себя, относиться к окружающим с большим пониманием. Рост групповой сплоченности, на наш взгляд, можно наблюдать по увеличению высказываний участников о своей жизни и своих переживаниях, по появлению совместных групповых действий, по высказываниям участников: «В промежутке между занятиями я вспоминал нашу группу и понял, что скучаю» или «Очень не хочется, чтобы занятия по кинотерапии заканчивались», по сопереживанию членов группы друг другу, по проявлению заботы друг о друге и т.п.

Универсальность проблем позволяет обнаружить участникам, что они не одиноки в своих страданиях и жизненных ситуациях. Обнаружение общности проблем с другими участниками является источником уверенности и оптимизма в преодолении трудностей, позволяет разделить с ними переживания, получить от них поддержку. Универсальность проблем проявляется в следующих фразах участников: «Я думал, что я один такой» или «Оказывается, у многих такие же проблемы» и т.п.

Интерперсональное влияние. Г.С. Салливан утверждает, что личность практически полностью является продуктом взаимодействия с другими людьми. Индивид формирует образ самого себя, исходя из оценок, которые ему транслируют другие индивиды [26]. Эмпирическим референтом интерперсонального влияния является изменение поведения индивида, после получения оценки от значимого человека. Например, активные высказывания участника, ранее занимавшего в групповой дискуссии пассивную позицию, поддерживаются ведущим, вследствие чего, индивид еще больше включается в работу.

Имитационное поведение выражается в «примеривании» на себя поведения другого индивида. В процессе обсуждения фильма поведение или действие кого-то из персонажей фильма может быть определено группой как «здоровое» или высоко эффективное. Обнаруживая такое поведение и оценивая его как возможное для себя, член группы может пытаться вести себя в соответствии с увиденным в кино и «достроенным» в групповой дискуссии. Участник может сказать: «Поведение героини помогло мне понять... , и я теперь поступаю так же».

Отраженная субъектность. Это понятие введено В.А. Петровским для обозначения идеальной представленности субъекта в жизни других [21]. В работе кинотерапевтической группы отраженная субъектность проявляется, как

мысленный спор индивида с каким-либо другим участником группы или воспоминания чьих-либо слов, которые влияют на его эмоциональное состояние. Эмпирическими референтами отраженной субъектности являются высказывания следующего содержания: «Я всю неделю мысленно спорил с тем, что Вы сказали...» или «Я постоянно вспоминал, что Вы говорили прошлый раз и только сейчас понял, что это очень похоже на мою ситуацию...».

Отраженная интерсубъектность [31] – влияние на индивида определенных ситуаций взаимодействия других людей, в которые он не был включен непосредственно, но присутствовал при их «развертывании». Эмпирическим референтами отраженной интерсубъектности являются высказывания участников следующего содержания: «Когда у меня на работе возникла конфликтная ситуация, я вспомнила, как у нас аналогичная ситуация разрешилась в группе, и я неожиданно для себя поступила по-другому, более спокойно и без взаимных оскорблений. И все разрешилась благополучно для всех!» или «В прошлый вторник я обиделась на мужа и надулась, но, вспомнив, как один из участников группы попросил прощения у другого, и они спокойно обсудили сложившуюся ситуацию, я тоже также поступила...и теперь, у меня ощущение, что мы стали ближе друг к другу».

Интерсубъектная отраженность [31] – влияние индивида на взаимодействия других людей, в которые он не включен непосредственно. Сущность интерсубъектной отраженности заключается в актуализации в сознании взаимодействующих людей значимого для них индивида. При этом именно параметры взаимодействия выступают как условие актуализации образа значимого индивида в сознании тех, кто взаимодействует. Например, ссора между супругами может прекратиться как только они услышат голос своего ребенка. Человек в идеальной форме присутствует в ситуациях других – это и есть интерсубъектная отраженность. В кинотерапевтической группе этот феномен обнаруживается фразами типа: «Ваш рассказ о себе сделал группу теплее. Когда у ведущего зазвонил телефон и он сказал, что звоните Вы, группа потеплела, как будто Вы в группе».

Методика. *Испытуемые:* тридцать пять человек (четыре кинотерапевтические группы). Возраст от двадцати пяти до пятидесяти лет. Из них: восемь мужчин, двадцать семь женщин. Контрольная группа - восемь человек.

Периодичность кинотерапевтической работы и количество занятий: среднее количество занятий в каждой группе – десять занятий с периодичностью раз в неделю.

Для проверки гипотезы мы использовали тестирование (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири – методику «Диагностика межличностных отношений» Л.Н. Собчик) и метод наблюдения. Методика ДМО позволяет определить стиль межличностного поведения индивида в его социальном окружении, позволяет сравнивать самооценку человека с тем идеалом, к которому он стремится. В психотерапии актуальным является сравнение между показателями реального и идеального Я: высокая степень их рассогласования указывает на наличие внутреннего конфликта и является почвой для

невротического развития. Критерием успешности проведенной психотерапии является сближение этих показателей при повторном исследовании [27].

Использование метода наблюдения необходимо было для регистрации личностной и групповой динамики, а также для оценки групповой сплоченности. Единицами наблюдения были указанные выше эмпирические референты.

Для проверки предположения о том, что сам по себе фильм не оказывает терапевтического воздействия, мы исследовали реакции и динамику в контрольной группе. Участники контрольной группы смотрели те же фильмы, что и в кинотерапевтической группе, но работа с содержанием кинофильма не велась.

Этапы исследования: 1) испытуемым предлагалось ответить на вопросы ДМО до работы в кинотерапевтической группе; 2) во время работы кинотерапевтической группы использовался метод наблюдения за личностной динамикой членов группы и групповой динамикой в целом; 3) после завершения сеансов кинотерапевтической группы проводилась повторная диагностика методом ДМО для выявления эффектов терапии.

Аналогичные исследования проводились и в контрольной группе.

По мнению В.Н. Дружинина, это достаточная схема для диагностики терапевтических эффектов психотерапевтических групп [13].

Статистическая обработка данных: метод *T-критерий Вилкоксона* для определения интенсивности сдвигов разницы между образами Я-реальное и Я-идеальное после кинотерапии. Для выявления различий в уровнях положительных и отрицательных сдвигов разницы между образами Я в двух выборках участников кинотерапии использовался *критерий U Манна-Уитни* [20; 28].

Результаты исследования и их обсуждение. Наблюдая за поведением участников группы во время работы, мы обнаружили воздействие групповой динамики на личностную и личностной на групповую динамику. Так развитие групповой сплоченности приводило к росту доверия, и, как следствие, учащались акты самораскрытия. Взаимовлияние групповой и личностной динамики проявлялось за счет универсальности проблем, отраженной субъектности и интерсубъектности, интересубъектной отраженности, интерперсонального влияния, имитационного поведения. В ходе наблюдения предполагаемые нами факторы проявлялись в рассмотренных выше их эмпирических референтах.

В ходе наблюдения было замечено, что индивиды, у которых проявлялись активность в групповой дискуссии, частые акты самораскрытия и перенесение навыка понимания кинофильма в реальную жизнь становились более уверенными, открытыми, доброжелательными. Они субъективно оценивали результаты своей работы в группе, как высокие, соответствующие исходному запросу.

ДМО позволяет мы определить характерную модель поведения для каждого участника, наличие конфликтов, способы компенсации неадаптивного поведения, а также образ, к которому каждый участник стремится. После сеансов кинотерапии было проведено повторное тестирование, результаты которого показали положительные изменения в поведении участников, а также сближение образов реального и идеального Я индивидов. Для проверки достоверности из-

менений (эффективности коррекционного воздействия кинотерапии на примере первой кинотерапевтической группы) мы воспользовались статистическим методом *T-критерий Вилкоксона*, который подтвердил данные изменения по VII октанте ($p \leq 0,05$).

Таким образом, можно уверенно утверждать, что у участников кинотерапевтических групп увеличивается склонность к сотрудничеству, теплота, дружелюбие и инициативность в общении, а также гибкость в решении жизненных ситуаций (подтверждается результатами наблюдения за личностной динамикой участников).

Интересным оказалось сопоставление различий по октантам между образами Я-реальное и Я-идеальное у участников после кинотерапии с результатами наблюдения.

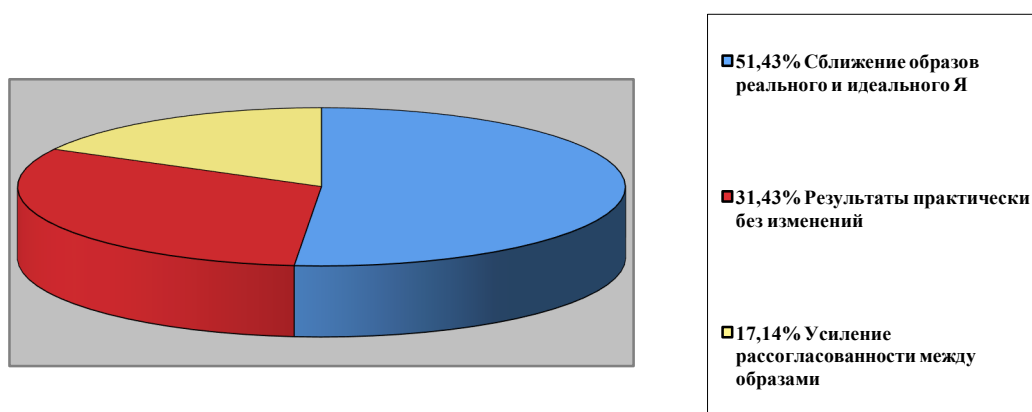
Таблица 1. Результаты теста ДМО после кинотерапии и особенности поведения участников кинотерапевтической группы (на примере одной группы)

№	Участники	Абсолютные суммарные значения сдвигов («+»-положительный сдвиг разницы между образами Я после кинотерапии, «-»-отрицательный сдвиг)	Суммарные данные наблюдения (А-активность, С-самораскрытие, О-перенос в опыт, И-итога сумма индивидуальных проявлений активности)	Поведение участника в группе
1	Участник № 1	«+» 23 «-» 1	А=18, С=7, О=3 И=28	Посетил 11 занятий, активен в работе группы, с 4 занятия - акты самораскрытия, перенесение полученного навыка понимания кино в реальную жизнь, искренность.
2	Участник № 2	«+» 2 «-» 11	А=2, С=1, О=0 И=3	Посетил 8 занятий, пассивен в работе группы, закрыт, о себе заговорил один раз на 6-ом занятии.
3	Участник №3	«+» 11 «-» 5	А=13, С=1, О=0 И=14	Посетил 11 занятий, активен в работе группы, закрыт (основной защитный механизм-рационализация), с 4-го занятия меньше защищается. Наблюдается единичный акт самораскрытия.
4	Участник №4	«+» 15 «-» 4	А=19, С=7, О=2 И=28	Посетил 11 занятий, очень активен в работе группы, искренен, открыт, рассказывает о своей жизни и событиях со 2-го занятия, перенесение полученного

				навыка понимания кино в реальную жизнь.
5	Участник №5	«+» 7 «-» 8	A=15, C=7, O=2 И=24	Посетил 10 занятий, активен в групповой работе, наблюдаются частые акты самораскрытия, перенесение полученного навыка понимания кино в реальную жизнь,
6	Участник №6	«+» 9 «-» 7	A=13, C=6, O=2 И=21	Посетил 10 занятий, активное поведение в групповой работе, акты самораскрытия, перенесение полученного навыка понимания кино в реальную жизнь
7	Участник №7	«+» 4 «-» 3	A=6, C=0, O=0 И=6	Посетил 11 занятий, активное поведение сменяется пассивным в групповой работе.
8	Участник №8	«+» 0 «-» 3	A=3, C=2, O=0 И=5	Посетил 11 занятий, пассивен в групповой работе, закрыт, актов самораскрытия наблюдалось два раза за всю работу в группе
9	Участник №9	«+» 17 «-» 2	A=16, C=7, O=2 И=25	Посетил 11 занятий, активен в групповой работе, о себе рассказывает с 4 занятия, проявляются феномены отраженной субъектности и интерсубъектности, перенесение полученного навыка понимания кино в реальную жизнь.

Изменения по октантам между образами Я-реальное и Я-идеальное у участников кинотерапии представлены на рис. 1.

Рис. 1. Соотношение образов реального и идеального Я по данным ДМО после кинотерапии

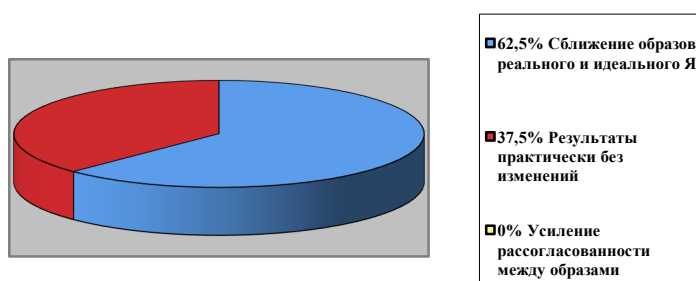
В контрольной группе мы получили следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2. Результаты теста ДМО в контрольной группе после просмотра кинофильмов и поведение участников во время обсуждения фильмов

Участники	Абсолютные суммарные значения сдвигов («+»-положительный сдвиг разницы между образами Я после просмотра фильмов, «-»-отрицательный сдвиг)	Суммарные данные наблюдения (А-активность, С-самораскрытие, О-перенос в опыт, И-итога, сумма индивидуальных проявлений активности)	Психологические факторы, проявляющиеся в поведении участников в контрольной группе
Участник № 1	«+» 10 «-» 0	A=15, C=0, O=0 И=15	В работе группы активен. О себе не рассказывает.
Участник № 2	«+» 6 «-» 1	A=7, C=1, O=1 И=9	Пассивное поведение сменяется активным участием в групповой работе, о своей жизни говорил один раз.
Участник №3	«+» 5 «-» 6	A=15, C=0, O=0 И=15	Активен в работе группы, о себе и своей жизни не рассказывает.
Участник №4	«+» 2 «-» 0	A=6, C=0, O=0 И=6	Пассивное поведение сменяется активным участием в групповой работе, о себе и своей жизни не рассказывает.
Участник №5	«+» 3 «-» 3	A=18, C=4, O=1 И=23	Очень активен в работе группы, рассказывает о себе и своих переживаниях, связанных с жизненной ситуацией.
Участник №6	«+» 2 «-» 0	A=19, C=1, O=0 И=20	Очень активен в работе группы, один раз рассказывал о себе и своих переживаниях, связанных с жизненной ситуацией.
Участник №7	«+» 0 «-» 0	A=6, C=0, O=0 И=6	Активное поведение сменяется пассивным поведением, о себе не рассказывает.
Участник №8	«+» 12 «-» 6	A=4, C=0, O=0 И=4	В основном пассивное поведение, иногда включается в дискуссию, о себе не рассказывает.

Изменения по октантам между образами Я-реальное и Я-идеальное участников контрольной группы представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Соотношение образов реального и идеального Я у участников контрольной группы

Сопоставляя различия по октантам между образами Я-реальное и Я-идеальное с данными, полученными с помощью наблюдения участников кинотерапии, мы видим, что основными психологическими факторами, способствующими личностной динамике в кинотерапевтической группе, являются: активность в группе, акты самораскрытия и перенесение полученного навыка понимания фильма в реальную жизнь. В контрольной группе зависимости между поведением участников и результатами тестирования не обнаружено. Уменьшение рассогласований между образами Я, на наш взгляд, происходит, как сказал бы А. Менегетти, «за счет эмоционального выброса», вызванного просмотром и высказыванием своего видения субъективно значимого фрагмента кинофильма. При этом происходит снижение уровня психической энергии. Подавляющее большинство высказываний в такой ситуации лишь «обслуживает» стереотипный способ восприятия мира, искажающий реальность (А. Менегетти).

Для проверки предположения о психологических факторах эффективности кинотерапии мы разделили участников на две группы: первая – участники, у которых наблюдалось поведение, способствующее личностной динамике в группе. Дифференциация участников осуществлялась на основании суммарных данных каждого участника по результатам наблюдений за весь период работы кинотерапевтической группы. Суммарные данные **И** подсчитывались как простая сумма проявлений активности **А**, самораскрытия **С** и сообщения о переносе полученного в группе опыта в жизнь – **О**. **И=А+С+О**. В качестве дискриминанта была выбрана **И=19,5** – эмпирически установленная величина суммарных данных клиента, при которой он сообщает о субъективной полезности своей работы в группе. Таким образом, участники кинотерапии (N=35) были разделены на две группы: первая группа $I \geq 19,5$; вторая группа $I < 19,5$.

Для сопоставления полученных таким образом групп и проверки достоверности нашего предположения мы воспользовались *критерием U Манна-Уитни* (таблица 3).

Таблица 3. Различия в сдвигах разницы между образами Я (критерий U Манна-Уитни)

Сопоставление групп	Средняя величина положительных сдвигов разницы между образами Я после кинотерапии в груп-	Средняя величина положительных сдвигов разницы между образами Я	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 1 (И ср)	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 2	Значение критерия U Манна-Уитни	Уровень значимости различия

	пе 1 ($I \geq 19,5$)	после кино-терапии в группе 2 ($I < 19,5$)		(Иср)		
Группа 1 > Группа 2	11, 39	6	23,8	7,4	65	$p \leq 0,01$

Полученный результат подтверждает предположение о том, что основными психологическими факторами, способствующими динамике личности в группе являются: активность в групповом обсуждении содержания фильма, акты самораскрытия и перенесения навыка понимания кино в свою жизнь. Таким образом, индивид, проявляя активность в групповой работе, увеличивает вероятность обнаружения искажений своего восприятия объективного содержания фильма, которые затем прорабатываются в группе.

Обсуждая эпизоды фильма, вызвавшие эмоциональную реакцию, зритель постепенно может перейти к рассказам о своей жизненной ситуации, подвигая себя к пониманию уже своей жизни. Способность использовать понимание кино для изменения своей жизни является для участника группы своеобразным выходом за стереотипы своего поведения, что является важным с точки зрения личностного роста, осознания себя и окружающей действительности.

Для проверки гипотезы о неслучайности (закономерности) терапевтических эффектов у участников кинотерапии сопоставим две группы: первая – участники кинотерапевтической группы, у которых наблюдалось поведение, способствующее личностной динамике ($I \geq 19,5$) и вторая – контрольная группа. Напомним, что в контрольной группе обсуждение никак не организовывалось и, по сути, это скорее кино клуб, чем кинотерапия.

Для сопоставления двух выборок мы воспользовались *критерием U Манна-Уитни* (таблица 4).

Таблица 4. Различия в величине положительных сдвигов разницы между образами Я (критерий U Манна-Уитни)

Сопоставление групп	Средняя величина положительных сдвигов разницы между образами Я после кинотерапии в группе 1	Средняя величина положительных сдвигов разницы между образами Я после кинотерапии в группе 2	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 1 ($I \geq 19,5$)	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 2 (контрольная группа)	Значение критерия U Манна-Уитни	Уровень значимости различия
Группа 1 > Группа 2	11, 39	5,7	23,8	12,25	29	$p \leq 0,05$

Полученный результат подтверждает наше предположение о том, что положительные изменения (сближение образов Я), характерные для участников группы кинотерапии, у которых наблюдались активность в групповой работе, акты самораскрытия и перенесение навыка понимания кино в свою жизнь не случайны. Таким образом, для получения терапевтического эффекта необходимы: работа с кинофильмом и проявление участниками активности, способствующей личностной динамике.

В процессе нашей работы мы обнаружили, что у «пассивных» участников кинотерапии ($I < 19,5$) происходит усиление рассогласования между образами Я (обнаружение либо усиление внутриличностных конфликтов без работы с ними на группе).

Определим достоверность различия величин отрицательных сдвигов (усиление рассогласования) разницы между образами Я после кинотерапии.

Для сопоставления двух выборок мы воспользовались *критерием U Манна-Уитни* (таблица 5).

Таблица 5. Различия в величине отрицательных сдвигов разницы между образами Я с помощью критерия U Манна-Уитни

Сопоставление групп	Средняя величина отрицательных сдвигов разницы между образами Я после кинотерапии в группе 1 ($I \geq 19,5$)	Средняя величина отрицательных сдвигов разницы между образами Я после кинотерапии в группе 2 ($I < 19,5$)	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 1 ($I \geq 19,5$)	Средняя сумма индивидуальных проявлений активности участников группы 2 ($I < 19,5$)	Значение критерия U Манна-Уитни	Уровень значимости различия
Группа 2 > Группа 1	4,2	6,5	23,8	7,4	69,5	$p \leq 0,01$

Полученный результат подтверждает предположение о том, что отсутствие в поведении индивидов при работе с субъективно значимым материалом фильма активности, самораскрытия, перенесения навыков понимания кино в свою жизнь приводит к усилению внутриличностного конфликта. Мы полагаем, что это фильм возбуждает определенный индивидуальный комплекс зрителя, вызывая эмоциональный отклик, который не прорабатывается, при этом усиливается действие защитных механизмов, которые помогают сохранить Я-концепцию индивида неизменной, и следовательно, закрепить стереотипное поведение, уменьшить способность личности к адаптации [18], препятствовать личностному росту [23].

Выводы. Основными условиями, способствующими личностной динамике в условиях кинотерапии, являются: активность в группе, акты самораскрытия и перенесение навыка понимания фильма в реальную жизнь. Пассивность

участника группы во время работы с субъективно значимым для него материалом фильма приводит к усилению внутриличностного конфликта .

Литература

1. Альтернатива зависимости // Под общ. ред. С.В. Березина, О.А. Ушмундиной. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2009.
2. *Березин С.В.* Кинотерапия как метод вторичной профилактики наркомании в семье / Под ред. А.Ф. Галузина, В.В. Лошкарева. Самара: Изд-во СамГЭУ, 2008.
3. *Березин С.В.* Кинотерапия как метод коррекционно-воспитательной работы с осужденными в учреждениях исполнения наказаний. Самара: Изд-во Самарского юридического института ФСИН России, 2005.
4. *Березин С.В.* Кинотерапия: практическое пособие для психологов и социальных работников. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012.
5. *Березин С.В.* Кинотерапия. Рабочая программа дисциплины. Самара: Изд-во «СамГУ» 2001.
6. *Березин С.В.* Психология созависимой личности. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2008.
7. *Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А.* Психология наркотической зависимости и созависимости. М.: МПА, 2001.
8. *Березин С.В., Иванова Л.В.* Психологические и социально-психологические факторы эффективности кинотерапии // Психологические исследования: Сб. науч. трудов. Вып. 10. / Под ред. К.С. Лисецкого, В.В. Шпунтовой. Самара: Самарский университет, 2013. с. 206-223.
9. *Берн Э.* Групповая психотерапия. М.: Академический проект, 2004.
10. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М.: Изд-во Эксмо, 2004.
11. *Берн Э.* Люди, которые играют в игры. М.: Изд-во ЭКСМО, 2008.
12. *Берн Э.* Транзактный анализ в группе. М.: Лабиринт, 1994.
13. *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
14. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2000.
15. *Коттлер Дж.* Совершенный психотерапевт. Работа с трудными клиентами. СПб.: Питер, 2002.
16. *Кочюнас Р.* Психологическое консультирование и групповая психотерапия. М.: Академический Проект; Трикста, 2008.
17. *Кочюнас Р.* Психотерапевтические группы: теория и практика. М.: Академический Проект, 2000.
18. *Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995.
19. *Менегетти А.* Кино, театр, бессознательное М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001.
20. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. СПб.: Речь, 2004.

21. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс»1996.
22. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Краткий психологический словарь. М., 1985.
23. *Перлз Ф.* Практика гештальт-терапии М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005.
24. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс.-М.:Прогресс Универс, 1994.
25. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. СПб.: Питер Ком. 1998.
26. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория психиатрии. СПб «Ювента» 1999 .
27. *Собчик Л.Н.* Диагностика межличностных отношений. М.: ООО «Компания БОРГЕС», 2010.
28. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2000.
29. *Стюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. СПб.: «Социально-психологический центр», 1996.
30. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика, 1993.
31. *Шапатуна О.В.* Согласование родительских позиций как условие развития личности ребенка в семье // Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2001
32. *Ялом И.* Групповая психотерапия: Теория и практика. М.: Апрель Пресс. Психотерапия, 2010.
33. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2005.

С.В. Крюков

К вопросу о дифференциации проявлений феномена психологической зависимости

Всем нам приходилось испытывать мгновения,
когда мы ощущали не удары безымянных сил,
а контроль над своими действиями,
господство над собственной судьбой.

В эти редкие минуты мы чувствуем воодушевление,
особую радость. Эти чувства надолго остаются
в нашем сердце и служат ориентиром в нашей жизни.
М. Чиксентмихайи

В современной литературе термин «психологическая зависимость» используется, как правило, в негативном контексте и определяет собой систематическое осуществление зависимого поведения, которое направлено на

уход от реальности посредством изменения своего психического состояния. Известность и широкое распространение этот термин имеет по отношению к пагубным привычкам употребления химических веществ, изменяющих состояние сознания и постепенно ведущих к разрушению здоровья, деградации личности, нарушению социальных отношений. Наряду с химическими зависимостями описаны зависимости от азартных игр, еды, интернет-зависимость и т.д. По отношению к зависимостям в литературе используется термин «аддикция», *addiction* переводится с английского как склонность, пагубная привычка. Так или иначе, толкование термина задает определенно негативный контекст. Если в случае с химическими зависимостями негативность данного феномена не подлежит сомнению, то в случае с другими видами психологических зависимостей говорить только о негативной стороне подобных явлений не всегда уместно.

Корни явления психологической зависимости можно наблюдать и в нормальной психической деятельности человека, т.е. при отсутствии патологических проявлений. Например, в случае увлечений или хобби. Получается, что есть много замечательных зависимостей: от еды, воды, людей, любимого дела и т.д. Таким образом, аддикция – это не всегда признак патологической слабости, это и проявление «фонтанирующей жизненной силы» [2]. О негативной зависимости можно говорить, когда всем (и самому человеку, и окружающим) становится от нее хуже. В случае с трудоголизмом, это не когда человек любит работать, а когда работа становится для него единственным способом сбежать от конфликтов дома, от внутренних конфликтов и напряжений. При этом качество работы, как правило, страдает. То же самое с увлечениями: прекрасно, если человек собирает спичечные коробки, плохо, когда это единственное, чем он занимается (М.С. Серебрякова).

М. Чиксентмихайи предостерегает от увлечения потоковыми переживаниями: «Потоковая деятельность таит в себе опасность зависимости, заслоняющей от человека все прочие возможности самосовершенствования. Нужно использовать поток для управления собственными переживаниями, *не давая ему захватывать себя целиком*, и тогда он станет средством, несущим бесконечную и утонченнейшую радость» [3]. Таким образом, автор разделяет зависимость от увлеченности, устремленности к деятельности, представляя зависимость как поток, который «захватил человека целиком». Согласно М.Чиксентмихайи представляется некий континуум, на котором переход определенной точки или диапазона величин знаменует собой попадание в зависимость, в тот самый «захват потоком целиком». Что это могут быть за величины, и, позволю себе, какова «цена деления» континуума?

Б.Д. Карвасарский отмечает, что в случае прогрессирования зависимости человек постепенно самоустраивается от других видов деятельности и увлечений, таким образом, сужается круг интересов и увлечений, но в то же время это способствует поддержанию интенсивных эмоций. Это приводит к «конвергенции эмоционального комфорта», т.е. фиксации на каком-нибудь

одном способе достижения психологического комфорта, исключая все другие или отодвигая их на второй план и используя всё реже. Согласно Карвасарскому, чем шире поле личностных интересов и увлечений, чем больше социальных проявлений и ролей приносящих удовольствие и радость от деятельности тем выше степень защиты от возникновения психологической зависимости.

Во взглядах разных авторов на психологические зависимости просматривается схожая линия позиций и взглядов на возникновение и проявление этого феномена. Переходя некоторую черту, «красную линию», человек всё больше отдается «потoku», начинает хуже контролировать себя, фиксируется на определенном способе достижения психологически комфортного состояния (та самая конвергенция), таким образом «убегает от реальности» избегая трудностей, напряжения, борьбы за выживание, необходимости адаптации к постоянно изменяющимся условиям существования. «Легче избегать трудностей и ответственности за себя, чем справляться с этим» (Г.В. Старшенбаум). На языке трансперсональной психологии человек, попадая во вторую матрицу С. Грофа «выхода нет», осуществляет действия направленные на возвращение в первую матрицу «блаженства», оказывается неготовым к преодолению. Психологическую зависимость определяют как «болезнь, живой организм, поселившийся в человеке. Постепенно из гостя она превращается в хозяина положения, и тогда сам человек перестает жить своей жизнью, т.к. командуем им болезнь» [1, 146].

Вышеизложенные описания зависимости отражают своего рода внешнюю сторону дела. Опытный наблюдатель может всё это фиксировать в поведении и поступках. Но очевидно у подобного поведения и поступков есть причины. В работах различных авторов предприняты попытки определения и описания личностных детерминант, создающих предпосылки для возникновения психологической зависимости.

Учитывая данное определение можно говорить об уязвимости систем саморегуляции человека с психологической зависимостью, которые базируются на личностных качествах и свойствах, а так же о первопричинности определенного личностного профиля, склонного к таким формам поведения как компульсивность, непреодолимость влечения и др. Компульсивность можно определить как ненасытность, автоматичность и бесконечная повторяемость.

Развивая мысль М. Чиксентмихайи необходимо осуществлять попытки определения, нахождения критериев, «измеряя» которые можно будет говорить о состоянии потока, либо о «захвате человека потоком целиком» на определенном временном этапе. Поскольку утрата самоконтроля происходит «в какой-то момент», в определенный период, то этот важный этап дестабилизации личности необходимо уметь определять и для этого жизненно важно иметь некую «систему координат» с системой критериев и значений. Это будет способствовать лучшему пониманию феномена психологической зависимости, увеличит возможности для более тщательного анализа личности и систем саморегуляции при работе с зависимым поведением.

Литература

1. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости. СПб.: Издательство «Речь», 2003. – 120 с.
2. Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 240 с.
3. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

С.О. Кузнецов

Возрастное психологическое консультирование в практике семейной психотерапии

Научный руководитель О.В. Шапатина

Возрастное психологическое консультирование является видом психологического консультирования, где в основе гипотезы о причине нарушения лежат возрастные особенности клиента [1].

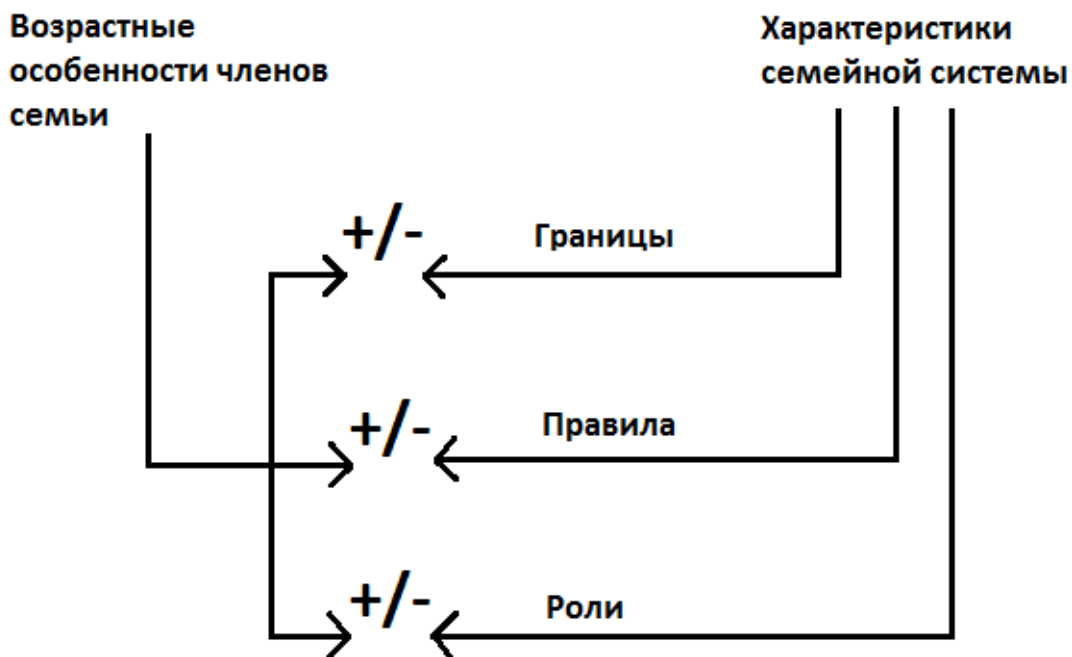
Семейная психотерапия и семейное психологическое консультирование рассматривают семью с точки зрения взаимодействия ее элементов (членов семьи). Нарушение данного взаимодействия приводят к субъективному переживанию членами семьи состояния неблагополучия, повышению конфликтности в семейной системе или заболеванию ее отдельных представителей [2].

Психологу или психотерапевту, работающему с семьей, изначально приходится сталкиваться с задачей обнаружения сферы нарушения семейного взаимодействия. Одной из таких сфер является возрастные особенности не только отдельных представителей семьи, но и всей семейной системы в целом. Отметим, что в данном тексте понятия «возрастные особенности» и «возрастные характеристики» равнозначны по смыслу.

Каждого отдельного члена семьи можно охарактеризовать с точки зрения его возрастных особенностей, которые могут дать общее представление о его потребностях, возможностях и поведении в рамках семьи.

Нуклеарная семья, как единый живой организм также имеет свой возраст. Рождением или точкой отсчета семейного возраста можно считать начало совместного проживания пары (с ребенком или без) и решение общих задач и проблем. Возрастные характеристики семьи дают представление о потребностях, возможностях и особенностях семьи, как социальной группы.

Рассмотрим то, как взаимодействуют возрастные характеристики семьи и возрастные характеристики отдельных ее представителей:

Мы рассматриваем возрастные особенности семьи и ее членов, через характеристики, используемые в семейной системной психологии, такие как – границы, правила, роли, которые могут согласовываться или нет (+/-). Каждый отдельный представитель семьи имеет свои границы в отношении с другими членами семьи, выстраивает взаимодействия с ними по определенным гласным или негласным правилам в контексте какой-либо роли. Определенные требования к этим же трем понятиям предъявляет и семейная система в отношении каждого своего члена. Специфика границ, правил и ролей во взаимодействии членов семьи друг с другом меняется в зависимости от возраста семьи и ее отдельных представителей. И в случаях, когда их возрастные особенности не совпадают, происходит нарушение взаимодействия семейной системы [3].

Рассмотрим следующие примеры того, как может происходить рассогласование возрастных особенностей семейной системы и ее отдельных членов:

1. Границы. Появление младенца в семье молодых родителей может вызвать рассогласование потребностей в установлении границ в этой семье. Уход за ребенком будет требовать меньшей проницаемости внешних границ семьи, сближения дистанции между родителями. При этом потребности молодых родителей в общении со сверстниками, увлечение работой или каким-то хобби требуют большую проницаемость внешних семейных границ, а сближение воспринимается как ограничение личного пространства.

2. Правила. Устоявшееся за многие годы семейное правило ужинать всей семьей, служащее для организации пространства с целью обсуждения прошедшего дня, переживаний членов семьи, предстоящих дел, может не соответствовать представлению ребенка подросткового возраста о том, как он сам хочет проводить вечернее время, считаясь с собственной потребностью проводить больше времени вне дома или доверять переживания и планы сверстникам, а не родителям.

3. Роли. Ребенку в возрасте трех-четырех лет для развития навыков коммуникации и освоения новых социальных ролей во взаимодействие со сверстниками и взрослыми вне семьи требуется расширение социального пространства, которое предоставляет посещение детского сада. При этом родители ребенка испытывают тревогу перед освоением новых ролей в отношениях с воспитателями, администрацией детского сада или испытывают сложности в формирование нового представления о своем уже более самостоятельном, менее зависимом от них ребенке.

В приведенных выше примерах мы наблюдаем ситуации, когда потребности семейной системы в установлении определенных границ, правил, ролей соответствуют одному возрасту, а потребности одного или нескольких ее членов другому. Подобное рассогласование возраста семьи и возраста ее представителей может приводить к конфликтам.

Конфликтность такого рассогласования ярко проявляется в нормативных и ненормативных кризисах семьи. Общим, по нашему мнению, в них является то, что происходит разрыв между психофизиологическими особенностями человека и семейной ситуацией – семейная ситуация начинает требовать более зрелого поведения и отношения со стороны индивида. Разница же между нормативными и ненормативными кризисами, на наш взгляд, заключается в том, что при ненормативном кризисе эта разница значительно больше и она возникает резко, а не постепенно, как при нормативном кризисе. Из-за чего справиться с ненормативным кризисом самостоятельно членам семьи становится сложнее, а порой невозможно без посторонней помощи специалистов.

Так, например, при нормативном семейном кризисе, связанным с воспитанием подростка, семейная ситуация начинает требовать более гибкого, зрелого отношения родителей к ребенку, где им придется научиться новым способам воздействия на него. Таким образом, подросший ребенок воздействует своими индивидуальными возрастными особенностями на семью и мотивирует ее на собственное взросление. При этом, данная ситуация развивается постепенно в процессе взросления ребенка из-за чего разница в возрастных потребностях семьи и подростка не велика и может быть преодолена самостоятельно.

В случаи ненормативного семейного кризиса, связанным, к примеру, со смертью одного из родителей, семейная ситуация предъявляет значительные требования к родителю и ребенку, где они оба зачастую должны, не смотря на потрясение и горе, начать проявлять большую самостоятельность в собственной жизни, распределяя между собой функции погибшего родителя. Такая ситуация происходит неожиданно и порождает значительное рассогласование между потребностями семейной ситуации и членами семьи, вследствие чего вызывает сложности в ее преодолении.

Рассмотрим пример семьи, в которой сочетание нормативных и ненормативных кризисов позволит увидеть рассогласование возрастных особенностей семьи и возрастных особенностей ее членов. Семья состоит из трех человек: отец, долгое время один воспитывающий дочь после смерти супруги и матери ребенка, дочь 14 лет и новая жена отца, беременная их совместным ребенком.

Рассматривая данную семейную систему с точки зрения границ, правил и ролей мы можем отметить следующие моменты:

1. Молодой возраст семьи, относительно начала отношений отца и его второй супруги, а так же ожидание совместного ребенка требует от семьи сплочения, большей погруженности во внутрисемейные дела с сужением численности внешних контактов. Но возраст дочери-подростка делает ее склонной к расширению семейных и личностных границ за счет общения вне семьи. В связи с чем, должны быть пересмотрены представления о дистанции в общении между членами семьи и границах семьи с другими людьми.

2. То же касается и семейных правил, где возрастные особенности ребенка расходятся с возрастными особенностями семейной системы и, несмотря на непродолжительный срок существования семьи, есть необходимость выработки правил взаимодействия и воспитания обоими родителями подростка.

3. Что же касается ролей в данной семье, то здесь новая жена отца, претендуя на родительское отношение к подростку, может наталкиваться на отрицание ее родительского статуса из-за непродолжительного периода совместной жизни семьи, в связи с чем ребенок не воспринимает мачеху в роли своего второго родителя. То есть возрастные потребности мачехи расходятся с возрастными потребностями семейной системы, которой необходимо время на адаптацию к новому составу семьи.

Таким образом, для специалиста, работающего с семьями, важным является анализ соответствия семейного возраста и индивидуального возраста членов семьи, который может осуществляться через такие характеристики, как границы, правила и роли семейного взаимодействия, с последующим поиском способов учета особенностей и потребностей семейного и индивидуального возраста.

Литература

1. *Богданович Н.Г., Кедярова Е.А.* Психологическое обследование ребенка в практике возрастного-психологического консультирования. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – 100 с.

2. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. – 144 с.

3. Практикум по семейной психотерапии. Современные модели и методы / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб.: Изд. Речь, 2010. – 425 с.

Е.В. Литягина

Психологическое сопровождение женщин с репродуктивными проблемами

Для современного этапа развития медицинской и психологической науки характерен взгляд на человека как интегрированную живую единицу, в которой тело и психика работают как единое целое. Поэтому и лечение необходимо проводить комплексно, учитывая значение и соматических и психологических компонент здоровья/болезни. Такое представление соответствует холистическому взгляду на природу человека, который представляется не набором разрозненных частей организма и целостной телесной и духовной сущностью, в которой заключена способность к самоисцелению.

В науке существует понятие «психологического бесплодия», обусловленное «нарушениями» в психологическом функционировании женщины. По некоторым данным порядка 30% пар, обратившимся за медицинской помощью по поводу бесплодия, страдают именно психологическим бесплодием. Известно, что 14-20% (по некоторым данным до 25%, т.е каждая четвертая беременность) клинически диагностированных беременностей заканчиваются спонтанными абортами. Видимо, на практике этот процент оказывается выше, за счет так называемых «неучтенных» беременностей, когда женщины даже не знают, что были беременны. Как правило, это происходит на очень ранних сроках. Если говорить о первом триместре беременности, то критическими, по мнению гинекологов, считаются 4-6 недель и 8-9 недель.

Бывают случаи, когда гинекологи не могут сказать, по какой причине замерла в развитии та или иная беременность, если не обнаружено никаких органических причин (например, хромосомных отклонений в развитии плода; инфекций на ранних сроках беременности, изменений шейки матки или самой матки). Однако, по мнению психоаналитиков, в частности, Д. Пайнз, существуют бессознательные причины для выкидыша. Соматические симптомы можно рассматривать как проявления бессознательных страхов, внутренних конфликтов, диадных нарушений, активизации семейной истории и др. Бесплодие может возникнуть от того, что подсознательно женщина не хочет, не готова, родить и вырастить ребенка [Линде, 2007; Малкина-Пых, 2008]. Как это не парадоксально звучит, но беременность не всегда имеет целью рождение ребенка.

Причины невынашиваемости беременности. Невозможно определить какую-то одну или несколько причин невынашиваемости беременности. В каждом конкретном случае имеется уникальной сплав особенностей индивидуального развития, травматических событий, приобретенного опыта взаимодействия с близким окружением, сформированной потребностно-мотивационной сферы и ценностей женщины. Однако, выделяют определенные сферы психологического развития и функционирования личности, нарушения в которых могут осложнять процесс зачатия и вынашивания ребенка.

Беременность может быть средством подтверждения женской сексуальной идентичности или взрослости, физической зрелости. Беременность является основой формирования женской идентичности. Состоявшаяся беременность и рождение ребенка выступает объективной психологической задачей взросления женщины. Но встречаются случаи, когда женщина может быть вполне

взрослой по возрасту, но абсолютно незрелой в психологическом плане, инфантильной. Результаты решения задач взросления предыдущих стадий в период беременности актуализируются, пересматриваются или обостряются, если связанные с ними конфликты не были разрешены (отношение к собственному телу, полоролевая идентичность, взаимоотношения с родителями, особенно с матерью, отношения с противоположным полом и др.).

Трудности вынашивания, а в последующем воспитания могут быть связаны с неадекватной мотивацией рождения ребенка: предписывание особой психологической задачи ребенку – связывание с его рождением надежды на решение каких-либо внутрисемейных проблем. Беременность может рассматриваться как средство сплочения семьи, супруги в которой имеют проблемные отношения друг с другом. С помощью ребенка женщина может попытаться «вернуть» мужа в семью и др. Бывают случаи, когда женщина подсознательно выбирает себе партнера, от которого не может забеременеть. В благоприятный для зачатия период партнеры начинают ссориться, избегать секса, уезжать в командировки, заболеть, в общем, делать все, чтобы исключить возможность зачатия [Артамонова, Екжанова, Зырянова, 2002]. Некоторые супружеские пары могут выбрать для собственных взаимоотношений в семье психологическую игру – «бесплодие». Внешне они делают все возможное, чтобы долгожданная беременность наступила, но на деле конечной и неосознаваемой целью является доказать себе, что это невозможно и получить право жить, страдая от бесплодия, получая от этого и вторичные выгоды.

К неадекватной мотивации рождения ребенка можно отнести и попытки восполнения эмоционального дефицита – вакуума чувств, образовавшегося у женщины. Рождение «ребенка для себя», когда женщина по разным причинам не находит себе «достойного» партнера.

Посредством беременности и материнства женщина может желать достичь определенного социального статуса, обрести важные социальные роли – «рожавшей» зрелой женщины, матери [Филлипова, 2002]. В этом случае сам по себе ребенок отходит на второй план.

Главным психологическим новообразованием благополучно протекающей беременности является возникновение у будущей матери интрацептивного сенсорного опыта взаимодействия с плодом, чувства «мой ребенок», развитие позитивного образа ребенка. При неадекватной мотивации рождения ребенка «чувственная ткань беременности» и внутренний образ ребенка специфически искажается, происходит блокировка развития привязанности, формируется инфантицидный комплекс (стремление «уничтожить этого ребенка» и одновременно защитное отрицание этого побуждения). В этом случае женщина, например, может игнорировать беременность, совершенно не изменяя привычного поведения.

Еще одним из существенных новообразований периода беременности является формирующаяся родительская (материнская) позиция. Родительские чувства (и установки) начинают складываться задолго до рождения ребенка. Можно говорить о том, что их предпосылки закладываются еще в детстве само-

го потенциального родителя на основе взаимоотношений с родителями, далее развиваются на протяжении всей жизни, включая эротический опыт, характер супружеских отношений, уровня образованности и сознательно принятый решений и пр. Неосознаваемые конфликты, фрустрации, другие нарушения в этих сферах могут влиять на психологическое самочувствие беременной женщины и существенно осложнять процесс протекания беременности.

Кроме выше названных сфер, в период беременности у женщины могут «обостряться», актуализироваться конфликты раннего детства и травматический опыт собственного перинатального этапа развития. Согласно взглядам представителей современной трансперсональной психологии в период внутриутробного развития плода закладываются не только все физические и умственные, а также эмоциональные и поведенческие структуры человека. Жизнь до рождения, коренным образом влияет на все наше дальнейшее существование. По словам микропсихоаналитика С. Фанти: «плод является ультра чувствительным рецептором материнской психосоматики и окружающей среды» [Фанти, 2003, С. 458]. Ребенок бессознательно запоминает травмы, полученные до рождения, и впоследствии этот бессознательный опыт оказывает влияние на жизнь человека.

Необходимо отметить также, что сам процесс беременности психологически очень выгодный период, когда женщина чувствует внимание, особое отношение к себе близких и совершенно посторонних людей. Роды и материнство, это другое удовольствие, и не каждая женщина, психологически к этому готова. Таким образом, существует различие между желанием женщины забеременеть и желанием родить ребенка и быть ему матерью.

Кроме вышеперечисленных могут быть и другие причины бесплодия: насилие в детстве, смерть близких, разводы, а так же личностные особенности женщины: повышенная тревожность, боязнь, что ее не поддержат близкие, не окажут помощь, предыдущий неудачный опыт беременности, родов. В современном мире все чаще встречается и другая причина психологического бесплодия: желание сделать карьеру, состояться в профессиональном плане. Таким образом, можно говорить о том, что психологическое бесплодие «мультипричинно». У каждой женщины накапливаются свои собственные «причины», вернее осложнения процессу зачатия, нормальной беременности. Внешне, сознательно, женщина действительно очень хочет забеременеть, посещает врачей, страдает от своей неполноценности, для нее беременность и рождение ребенка становится смыслом жизни, а внутренние установки делают свое.

Осознание этих причин и их психологическая «проработка» в совокупности с хорошим медицинским сопровождением беременности могут существенно увеличить шансы женщины на зачатие, вынашивание и рождение здорового ребенка.

Условия проведения психологического консультирования. Психологическую работу по профилактике невынашивания беременности рекомендуется проводить до момента ее наступления, т.к. в период беременности многие

психологические приемы и техники, эффективные при проработке психологической проблематики, применять нельзя.

В период беременности показана исключительно поддерживающая психологическая работа, которая сглаживает определенные психологические конфликты, но не позволяет разрешать их.

Женщина, желающая участвовать в программе по профилактике невынашивания беременности, может выбрать наиболее приемлемую для себя форму психологического сопровождения: индивидуальные консультации психолога, либо участие в специализированных тренинговых группах.

Наибольшая эффективность в разрешении психологических трудностей достигается при сочетании индивидуальной работы с психологом и посещении тренинговых занятий.

Подходы и методы работы. При коррекции репродуктивной сферы у женщин психологи, как правило, имеют дело с неосознаваемым материалом, а зачастую с глубинно бессознательным материалом. Рациональные методы терапии оказываются в этом случае малоэффективными. Здесь необходимы техники, позволяющие работать с чувственно-телесным компонентом, бессознательными страхами и иррациональными установками, родительскими предписаниями, защитными механизмами, образами и пр. При работе с проблематикой невынашиваемости эффективными оказываются методы арт-терапии, психосинтеза, психодрамы, гештальт-терапии, телесно-ориентированной терапии, танцедвигательной терапии.

Данная программа представляет собой преимущественно направление арт-терапии и психосинтеза, с использованием элементов символдрамы и расчитана.

Перед началом группы каждому участнику рекомендуется пройти психологическую диагностику с целью выявления ведущей мотивации беременности, общего психоэмоционального состояния и основных особенностей психо-социального развития.

1. *Проведение психологического интервью.* Сбор первичного психологического анамнеза. Установление контакта.

2. *Проективная методика «Материнский ТАТ» (по Копылову).* Определяются доминирующие переживания, характерные особенности образа ребенка, образ материнства, личностный смысл рождения ребенка, образ реальной домашней ситуации после родов.

3. Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Вассермана (модификация Бойко).

Желательно проводить два диагностических замера «до» и «после» проведения тренинга психологической профилактики невынашивания беременности, либо по окончании индивидуальных сессий.

Программа психологического сопровождения женщин с репродуктивными проблемами. В программу включены основные сферы возможных психологических нарушений в развитии личности, которые могут обуславливать неблагоприятное протекание беременности, являться прямыми или кос-

венными причинами выкидышей. Это такие сферы как: отношение с матерью; ведущие мотивы беременности; образ себя, ребенка и внутренняя картина беременности; соотношение разума, тела и чувств; взаимодействие мужской и женской составляющих личности. Также на занятиях предлагаются некоторые методы релаксации и способы стабилизации эмоционального состояния.

Каждое занятие состоит из нескольких блоков: 1) введение, нахождение актуального состояния и релаксация; 2) основной блок: постановка и работа с конкретной психологической сферой возможных нарушений; 3) заключительный блок: шеринг.

Характеристика помещения: тренинговая комната, оборудованная стульями и столами, с местом, где участники могут свободно перемещаться.

Необходимые материалы и оборудование: бумага формата А4, А3; цветные карандаши, восковые или масляные мелки; гуашь/ акварель, кисти; ножницы, малярная лента, клей ПВА; пластилин для детского творчества и скульптурный пластилин; журналы различной тематики (для составления коллажа); оборудование для песочной терапии; символические (кататимные) фигурки.

Тематическое содержание тренинговых занятий, применяемые техники и методики.

Занятие 1. *Диагностическое вводное занятие.* Проведение проективного рисуночного теста «Я и мой ребенок», «Путешествие в страну Беременность». Прояснение целей беременности. Обсуждение ответственности. Актуализация настоящего состояния (Что происходит на сегодняшний день?).

Занятие 2. *Мотивация беременности. Психосоциальная ситуация развития ребенка.* Обсуждение вопроса: Зачем женщина рождает ребенка? Выход на индивидуальную мотивацию (Зачем я хочу родить ребенка?). Социальная ситуация развития ребенка: жизнь до рождения. Рисуночная техника «Моя семья».

Занятие 3. *Работа с ранним детским опытом и образом собственной матери.* Психосинтетическая техника «Путешествие в детство» (актуализация мультимодальных образов, связанных с ранними детскими воспоминаниями и отношениями с матерью). Прорисовка темы близости, обиды.

Занятие 4. *Представление о себе.* Использование техники «Мандала». Проработка темы «образ Я», актуального состояния, осознанных и неосознаваемых целей, моделей взаимоотношений с окружающими, возможных страхов и травм. Еще один из возможным сценариев проведения занятия: составление и индивидуальной песочницы с использованием символических фигур.

Занятие 5. *Я – мир. Взаимодействие с окружающими.* Актуализация ведущих стратегий поведения построения отношений с окружающими. Осознание роли разума, чувств и тела в организации и проживании взаимодействий с другими людьми. Возможные варианты техник: «групповая песочница», фактальное рисование, групповая скульптура.

Занятие 6. *Мужское и женское внутри и вокруг меня.* Актуализация и выражение чувств, связанных с разными периодами жизни, их осознание и интеграция. Выявление дезадаптивных паттернов поведения и мышления, связан-

ных с заявленной или предполагаемой психологической, в том числе и гендерной проблематикой. Укрепление образа «Я» и гендерной идентичности. Исследование системы гендерных отношений, выявление внутриличностных конфликтов. Актуализация и осознание внутренних и внешних ресурсов, а также латентных ролей и свойств личности. Занятие организовано в технике фотоколлажа, при создании которого используются как личные фотографии, так и вырезки из журналов.

Занятие 7. Я и мое тело. Работа с телесными зажимами, актуализация эмоций, «блокированных» в теле. Проработка темы «Мой мир, когда я беременна». Выявление и осознание потребностей, установок и ценностей. Актуализация и осознание внутренних и внешних ресурсов. Исследование и укрепление границ «Я». Осознание динамики изменений. Используются техники телесно-ориентированной терапии (свободное движение), рисуночные и драматические техники.

Занятие 8. Завершающий этап – интеграция. Актуализация внутренних и внешних ресурсов, укрепление границ «Я» и интеграция образа себя. Занятие проводится с применением техник фольклорной арт-терапии, используются природные материалы и различные семена. Такой подход позволяет использовать ресурсы природных материалов для психологического оздоровления и социальной адаптации. Участникам может быть предложено создать амулет, растительное панно (например, «мой мир»), автопортрет «Я-целитель» и пр.

Авторская программа психологического сопровождения женщин с репродуктивными проблемами была апробирована в 2009-2010 году на базе ЗАО «Медицинская компания ИДК». В настоящее время программа реализуется в двух женских консультациях, а также в центре «Психологические Мастерские» г.Самары.

Литература

1. Артамонова Е.И., Екжанова Е.В., Зырянова Е.В. и др. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
2. Линде Н.Д. Телесность в эмоционально-образной терапии // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М.: АСТ, 2007.
3. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2008.
4. Фанти С. Утробная война // Психология и психоанализ беременности. Хрестоматия / Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2003.
5. Филлипова Г.Г. Психология материнства. М.: Издательство Института Психотерапии, 2002.

А.В. Романенко, С.Ш. Романенко

Психологические особенности возникновения «Стокгольмского синдрома»

Терроризм на протяжении всей истории является одним из самых тяжелых преступлений против человечества. С конца XX века и по настоящее время такие понятия, как «террорист», «террористический акт», «заложник», «захват заложников» и т.д. стали неотъемлемой частью нашей жизни.

В большинстве случаев жертвами террористов становятся люди, которые по воле случая оказались в руках террористов в качестве заложников и служат гарантией выполнения их требований.

Ситуация заложничества – максимально психотравматична. При ней максимальных значений достигает реальная перспектива смерти, максимально выражена фрустрация потребностей самосохранения (противодействовать невозможно) и фрустрация потребностей самоопределения (отрицается самооценочность жизни и личности заложника). Заложничество отличается от непосредственной террористической атаки (взрывов, выстрелов) тем, что сразу заставляет человека переживать вероятность скорой смерти. Этого переживания нет при непосредственной атаке — там оно появится спустя время. В ситуации заложничества, напротив, ожидание смерти появляется сразу. Здесь нет паузы, которая обычно дает облегчение эмоциональному состоянию. Более того, в психологическом плане в ситуации заложничества один страх (отсроченный, в виде запоздалых переживаний уже происшедшего захвата заложников) постепенно накладывается на другой страх ожидания смерти), как бы удваивая переживания. На самом деле они даже не удваиваются, а как бы возводятся в степень: так и возникает максимальный ужас – как страх, умноженный на страх, как страх «в квадрате».

Известно, что в основе террора лежит страх. Страх – это временное эмоциональное состояние, которое возникает под воздействием стрессовых факторов и определенным образом влияет на все психические процессы человека [Подопригора, Подопригора, 2012]. Среди важнейших функций страха отмечают сигнальную (О. Маурер, Ф. Риман, С. Холл, К. Изард), приспособительно-адаптивную (У. Джеймс, В. Кэннон, К. Ланге), когнитивную (С. Холл), и функцию следообразования (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия). Среди социальных функций страха выделяют его воспитательное предназначение: страх используют для подчинения индивида, для формирования у него определенных стереотипов поведения (Д.К. Ушинский).

В отличие от боли и других видов страдания, вызываемых реальным действием опасных для существования факторов, страх возникает при их предвосхищении. В зависимости от характера угрозы, интенсивность и специфика переживания страха варьируется в широком диапазоне оттенков (опасение, боязнь, испуг, ужас). Если источник опасности оказывается неопределенным или

неосознанным, возникающее состояние может определяться как тревога. Функционально страх служит предупреждением субъекта о предстоящей опасности.

Мы согласны с К. Изардом, что страх нельзя отождествлять с тревогой. Страх – это определенная, специфичная эмоция, заслуживающая выделения в отдельную категорию... Тревога – это комбинация, или паттерн эмоций, и эмоция страха — лишь одна из них [Изард, 2000].

Резюмируем: страх складывается из определенных физиологических изменений, экспрессивного поведения и переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности». Первичными и наиболее глубинными причинами, вызывающими страх, являются опасение личного физического повреждения и боязнь собственной смерти, в контексте рассматриваемого вопроса данное явление проявляется в процессе террористического акта с участием заложников.

Индивид, оказавшийся в роли заложника, ощущает свою беспомощность и беззащитность, ему не на кого надеяться, ни кто не знает о том, что с ним произошло, нет возможности сообщить о случившемся кому бы то ни было. Глубинный страх за свою жизнь или боязнь физического повреждения просыпаются у каждого человека, тогда восприятие террора становится массовым.

Страх оказывает влияние на перцептивно-когнитивные процессы и в целом на все поведение человека. Страх вызывает эффект «туннельного восприятия» и сужает выбор стратегий поведения. Вместе с тем он несет в себе и адаптивную функцию, заставляя человека искать способы защиты от возможного вреда.

Страх никогда не возникает мгновенно. После появления угрожающего стимула определенное время действует инерция прежнего состояния: человек стремится включить стимул в контекст предшествующей деятельности. Если это рабочая реакция, то все его реакции будут направлены на скорейший и, по возможности, оптимальный выход из пугающей ситуации. Если это ситуация отдыха, то человек пытается свести пугающую ситуацию к шутке, найти в ней что-то веселое, расслабляющее. И только спустя некоторое время приходит настоящий страх. Естественно, что это происходит после того, как преодолевается инерция предыдущего состояния и осуществляется рефлексия (не важно, осознанно или неосознанно, на биологическом уровне) новой ситуации и ее возможных последствий. Это и есть главный, серьезный отсроченный страх — в отличие, скажем, от конкретно-ситуативного испуга. Именно на вызов стойкого, длительного «отсроченного страха» обычно направлены действия террористов. Собственно говоря, психологически «террор» и есть тот страх, ужас не возникает непосредственно в момент угрозы, но сопровождает людей после террористического акта в течение длительного времени, побуждая их к действиям, выгодным террористам. Из самоотчетов людей, побывавших в заложниках у террористов, не следует, что они все время переживали непосредственный страх. Первые реакции заложников обычно связаны с испугом, сильным удивлением, злостью и, в разной степени, с попытками освобождения.

Итак, страх, во-первых, мобилизует силы человека для активной деятельности, что зачастую бывает необходимо в критической ситуации. Это происхо-

дит за счет выброса адреналина в кровь, и приводит к лучшему снабжению мышц кислородом и питательными веществами.

Во-вторых, страх способствует лучшему запоминанию опасных или неприятных событий. Впервые это было доказано Н. Миллером (Miller, 1948). Даже один раз пережитое состояние страха закрепляется в виде мотивации и, соответственно, в последующем будет оказывать влияние на поведение человека.

Третье важное значение страха – возможность действовать в условиях недостатка информации: когда ее не хватает для принятия всесторонне продуманного решения стратегию поведения диктует страх.

Попав по «случаю» в критическую ситуацию, люди реагируют эмоционально, используя защитные механизмы. Рассмотрим базовый защитный механизм хорошо известен под названием 5 стадий реагирования на изменения по Э. Кюблер-Росс: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие.

Рассмотрим более детально, указанные стадии применительно к людям, попавшим в заложники.

1. Отрицание. Люди, оказавшиеся в роли заложников, боятся, что они первыми могут стать жертвой террористов. Отрицание может проявляться в том, что заложник пытается «раствориться» в общей массе захваченных, он ничего не требует, равнодушен ко всем и ко всему происходящему.

2. Гнев возникает как реакция не изменения сами по себе, а на те потери, которые они несут за собой. Все планируемые мероприятия сорваны, а могут и не осуществиться ни когда, боязнь за близких людей и за последующие события и т.д. Люди находятся в подавленном состоянии, могут обвинять себя за то, что оказались в такой ситуации, пессимизм может перейти в раздражение и даже в агрессию.

3. Торг – попытка отложить неизбежное. Люди пытаются «заключить сделку» с террористами, чтобы отдалить наихудший финал или найти выход из ситуации. Вместе с тем, торг – это признак того, что люди начинают смотреть в сторону будущего. Они еще не расстались со своими страхами, но уже ищут новые возможности выхода из сложившейся ситуации.

4. Депрессия (здесь под депрессией понимается защитная реакция) – если человеку не удастся разжалобить, «вымолить» у террориста какие либо «бонусы» по отношению к себе (например, поход по нужде отдельно от всех), он будет находиться в состоянии подавленности, неуверенности в будущем и отсутствием мотивов для «борьбы»: «К чему попытки? Всё равно это ни к чему хорошему не приведет». Человека может охватить чувство безразличия к ситуации переходящее в апатию.

5. Принятие. Человек начинает понимать, что «сопротивление» ситуации бессмысленно, и начинает переоценивать ее убеждая себя, что террористы оказывается, действуют во благо человечества и их требования действительно справедливы. Возможно, чтобы сохранить жизнь нужно просто принять их сторону. Так может возникнуть ситуация, которая получила название – «стокгольмский синдром».

Стокгольмский синдром – это психологическое состояние, возникающее при захвате заложников, когда заложники начинают симпатизировать захватчикам или отождествлять себя с ними.

Данное состояние было впервые описано Анной Фрейд в 1936 году. Позже оно получило название «стокгольмский синдром». Авторство термина «стокгольмский синдром» приписывают криминалисту Нильсу Биджероту (Nils Bejerot), который анализировал ситуацию, возникшую в августе 1973 г. в Стокгольме во время захвата заложников. Два рецидивиста в финансовом банке захватили четырех заложников — мужчину и трех женщин. В течение шести дней бандиты угрожали их жизни, но время от времени давали кое-какие побрякушки. В результате жертвы захвата стали оказывать сопротивление попыткам правительства освободить их и защищать своих захватчиков. Впоследствии во время суда над бандитами освобожденные заложники выступали в роли защитников бандитов, а две женщины обручились с бывшими похитителями. Такая привязанность жертв к террористам возникает при условии, когда заложникам не причиняется физического вреда, но на них оказывается моральное давление.

Характерный набор признаков «Стокгольмского синдрома» следующий:

- Заложники начинают отождествлять себя с террористами. Это защитный механизм, зачастую основанный на идее, что преступник не будет вредить жертве, если действия будут совместными и положительно восприниматься. Заложник искренне старается заполучить покровительство захватчика, но это старание все равно является ложным по отношению к террористу, так как цель заложника в сложившейся ситуации – применить все умения и навыки воспользоваться любым шансом, чтобы выжить.

- Жертва часто понимает, что меры, принятые её потенциальными спасателями, вероятно, нанесут ей вред. Попытки спасения могут перевернуть ситуацию, и она станет смертельно опасной. Если заложник не получит пулю от освободителей, возможно, ему достанется от захвативших его террористов.

- Долгое пребывание в заложниках приводит к тому, что жертва узнаёт преступника, как человека. Ей становятся известны его проблемы и устремления. Это особенно хорошо срабатывает в политических или идеологических ситуациях, когда заложник узнаёт точку зрения террориста, его обиды на власть и т.д. Тогда жертва может подумать, что позиция террориста – единственно верная.

- Заложник эмоционально дистанцируется от ситуации, думает, что с ним этого не могло произойти, что всё это сон. Он может попытаться забыть ситуацию, принимая участие в бесполезной, но занимающей время "тяжёлой работе". В зависимости от степени отождествления себя с захватчиком жертва может посчитать, что потенциальные спасатели и их настойчивость действительно виноваты в том, что происходит.

Специалисты считают, что стокгольмский синдром – это не психологический парадокс, а особая реакция жертвы на событие, травмирующее психику. Причем синдром может проявляться не только при захвате заложников террористами, но и при военных операциях (взятие военнопленных), лишении сво-

боды (в тюрьмах), отправлении судебных процедур, внутри политических групп и религиозных сект, при проведении национальных обрядов (например, похищение невесты), похищении людей (с целью получения выкупа) и т.д.

Стокгольмский синдром чаще всего возникает, когда заложники находятся с террористами в контакте длительное время: жертва узнает преступника и в условиях полной физической зависимости от него трактует его действия в свою пользу.

Люди, ставшие заложниками, испытывают серьезную трансформацию психики. Попробуем разобраться, почему так происходит.

Практически у всех заложников возникает ощущение нереальности ситуации. Они не могут поверить, что оказались в таком безвыходном положении, не имеют возможности распоряжаться своей судьбой, действиями, поведением. Также у заложника возникает протест против заточения, который проявляется в открытой или скрытой форме. Часто не выдержав стресса, люди пытаются бежать, даже если это бессмысленно, так как побег одного или нескольких заложников может вызвать агрессивные действия со стороны террористов в отношении оставшихся. Взбунтовавшийся заложник может броситься на террориста, попытаться вырвать у него оружие. Подобные действия, как правило, не бывают успешными, так как одиночное сопротивление террористам неэффективно [Пуховский, 2000].

В основном, заложники реагируют на стрессовую ситуацию трояким образом:

1. Они морально подавлены, переживаемые страдания заглушают все остальные чувства, познавательные ориентации минимизированы.
2. Среди заложников могут выделиться лидеры – уравновешенные, стойкие, выдержанные люди, помогающие другим выжить и выстоять в этой ситуации.
3. Отчаяние, истерические припадки и безрассудное поведение, провоцирующее остальных заложников на эмоционально неуравновешенные реакции.

В целом, у большинства людей, оказавшихся на месте заложников, присутствуют депрессивные чувства: тоска, страдание, чувство внутреннего напряжения, ожидание беды; частые самообвинения и снижение интереса к окружающему; нарушения сна, изменения аппетита боли и разнообразные неприятные ощущения в теле (например, в сердце, в области желудка, в мышцах); пассивность, избегание контактов и склонность к уединению, утрата интереса к происходящему; трудности сосредоточения, концентрации внимания, трудности принятия решений и пр.

Каждая жертва имеет сильное желание выжить. Преодоление стресса может выражаться желанием постоянно спать и считать. Заложники подавляют чувство страха, надеясь, что проснувшись эта ситуация окажется позади. Если освобождение немедленно не устраняет стрессовую ситуацию, многие заложники начинают заниматься какой-либо работой, которая, как они полагают частично снимает напряжение. Одни читают, другие считают и пересчитывают

окна или же других заложников, некоторые предаются воспоминаниям о своей прошлой жизни. Брукс Маклар пишет: «В результате продолжительных разговоров с жертвами насилия я пришёл к заключению, что общей реакцией этих людей была психологическая реакция, аналогичная той, которая наблюдается при неожиданных потерях. Потери любого вида, в особенности если они происходят быстро и неожиданно, вызывают у всех определённую последовательность реакций. Первая реакция – это потрясение и отрицание». Человек, являющийся заложником строит планы, он надеется на «чудо» и положительное решение ситуации в которую он попал. Но когда по тем или иным причинам его ожидания становятся ложными, ситуация не меняется к лучшему, а «чуда» не происходит – многие испытывают ярко выраженные отрицательные чувства: напряжение, тревожность, страх, обиду, разочарование и т.д. [Ольшанский, 2002].

При стокгольмском синдроме жертва солидаризируется с террористами. В своей работе «Эго и механизмы его защиты» Анна Фрейд обсуждает феномен солидаризации с агрессором. Этот процесс вызывается самозащитой эго от насильственной власти и даёт возможность уклониться от ярости и возможного наказания врага. Заложник солидаризируется от страха. Создаётся впечатление, что эго оценивает ситуацию и выбирает из арсенала защиты тот механизм, который лучше всего подходит к подобным ситуациям.

Термин «идентификация с агрессором» впервые был введён Шандором Ференци в 1932 г. Он описывал три процесса, которые происходят одновременно:

1. человек мысленно подчиняется нападающему.
2. подчинение позволяет отгадывать желания агрессора, проникать в его мысли и узнавать, о чём он думает и что чувствует, с точностью предугадывать его будущие действия и таким образом обеспечивать выживание.
3. человек делает то, что может его спасти: заставляет себя исчезнуть, раствориться в процессе подчинения и точно выверенной гратификации агрессора, всё время находясь с ним «на одной волне».

Подавляющее большинство заложников проходят через следующую последовательность эмоциональных событий: отрицание, иллюзии или отсрочка, активная работа и планы об изменении жизни. Союз между заложником и преступником устанавливается позже.

Многие заложники ищут психологического убежища в отрицании. Мнение Анны Фрейд: «В тех случаях, когда мы находим отрицание, нам следует знать, что это реакция на внутреннюю опасность, и эго борется с инстинктивными стимулами, когда происходит подавление личности».

Хотя солидаризация с агрессором является привлекательным объяснением «стокгольмского синдрома», в действительности полное объяснение этого явления отсутствует. «Стокгольмский синдром» рассматривается как возвращение к более примитивному уровню развития: заложник находится в состоянии полной зависимости и испуга, окружающий мир пугает его, как ребёнка,

который учится ходить и отрывается от физической поддержки родителя раньше, чем эмоционально был готов сделать это.

В рамках данной статьи мы далеко не исчерпали всей сложной проблемы психологических особенностей Стокгольмского синдрома и лишь сформулировали некоторые перспективы в постановке данного вопроса.

Литература

1. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000.
2. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С.72-73.
3. *Подопригора С.Я., Подопригора А.С.* Краткий психологический словарь. Ростов н/Дб Феникс, 2012. С.260
4. *Пуховский Н.Н.* Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. М.: Академический проект, 2000.

О.В. Шапатина

Возможности ко-терапевтического взаимодействия в работе с семьей

Прежде всего, рассмотрим само понятие *ко-терапия*. Ко-терапия – это одновременное участие в работе с клиентами двух или более психотерапевтов. При таком подходе становится возможным более объективный взгляд на ситуацию клиента, взаимная поддержка терапевтами друг друга, содержательный диалог при дальнейшем обсуждении работы. Вследствие этого предполагается большая эффективность психотерапии, как индивидуальной, так и семейной. Кроме того, сторонники этого подхода подчеркивают важность возможности моделирования в процессе терапевтической сессии большего количества вариантов выхода из трудных ситуаций, так как внимание каждого терапевта в отдельности может быть сосредоточено на разных аспектах функционирования семьи.

Часто сторонники командного подхода (а ко-терапия, это часть такого подхода) в семейной психотерапии указывают на еще одно бесспорное преимущество такой работы – она позволяет избежать потери нейтральности, что является одной из важных задач особенно для начинающих семейных терапевтов. Нейтральность, по точному определению А.С. Варги, это «пребывание в профессиональной позиции, независимо от того, что происходит на приеме». Это означает, что терапевт контролирует все, что происходит на сессии, и одновременно отслеживает возникающие у себя по этому поводу чувства, чтобы избежать втягивания в дисфункциональную семейную систему.

Варианты организации работы при использовании ко-терапии могут выглядеть по-разному. Первоначально психологи работали в разных помещениях, соединенных односторонним зеркалом. Работавшие за зеркалом не вмешива-

лись в процесс консультирования, однако в дальнейшем они принимали участие в обсуждении работы, давали советы, направляли и корректировали работу терапевта. Вскоре эта модель работа стала популярной в процессе обучения семейной психотерапии. Особенно известен опыт работы в таком формате Миланского центра исследования семьи (60-70-е годы XX века).

Впоследствии, команда за зеркалом даже знакомилась с клиентами и в процессе работы могла прерывать «основного» терапевта, давая ему советы или предлагая задания для семьи. Оставаясь недостижимой для семьи (в отличие от терапевта), команда прежде всего помогала терапевту контролировать процесс терапии, побеждать семью в борьбе за власть, преодолевать ее сопротивление, формировать ситуацию двойного послания.

В своей статье «Об использовании командной работы в системной семейной психотерапии» И. Хамитова и Т. Драбкина отмечают, что «благодаря использованию команды:

- 1) семейная система может быть воспринята более детально, точно, богато;
- 2) облегчается сохранение нейтральности терапевтами;
- 3) облегчается формулирование гипотез;
- 4) поведение семьи на сессии, возможно, более разнообразно и в большей мере отражает ее «естественные» процессы;
- 5) вместо диады терапевт-семья формируется терапевтический треугольник – система, как известно, более стабильная и управляемая;
- б) ведущий беседу терапевт может позволить себе быть более спонтанным, чем если бы он работал в одиночестве: команда не даст ему утратить нейтральность, да и вообще ответственность разделена».

Забегая вперед, все это можно смело отнести и к работе в формате ко-терапии. Но вернемся к истории.

Если судить по воспоминаниям современников, выход на «сцену» рефлексировающей команды произошел случайно, приватность обсуждения семьи была нарушена, но последствия этого оказались скорее позитивными. Теперь клиенты имели доступ ко всему многообразию высказываемых идей и выбор подходящего способа поведения оставался за ними. Терапевты начали исходить из того, что не могут вместо клиентов выбрать наиболее подходящее для них решение.

«Беседующий с клиентом терапевт из проводника идей команды за зеркалом и/или интервьюера превращается в «фасилитатора», помогающего клиенту рефлексировать командные идеи. Соответственно, члены семьи и терапевт могут выражать несогласие с мнениями команды или просить пояснений. С другой стороны, члены команды, когда они находятся в том же помещении, менее склонны думать, что они «знают больше». Они не обязаны приходить к единому мнению или искать «правильный» ответ. Клиент получает (и принимает) больше ответственности за направленность и содержание терапевтической беседы» [2].

Именно такая модель работы превратилась впоследствии в ко-терапевтическое взаимодействие в том виде, в котором оно существует в современной семейной психологической практике.

В настоящее время выделяют дополняющий и симметричный типы ко-терапии. Примером дополняющего типа ко-терапии является совместная работа в группе опытного и начинающего терапевта, например, учителя и студента. В ко-терапии симметричного типа оба партнера равны, однако возникают вопросы, связанные с мотивами совместной работы двух терапевтов и их совместимостью.

Достаточно рано в ко-терапевтической практике возникла идея о том, что идеальные партнеры в такой работе – это мужчина и женщина. Работающая совместно пара «воссоздает» структуру первичной семьи, когда у клиентской семьи есть свои «отец» и «мать». Для большинства семей это повышает эмоциональный заряд в процессе работы. Совместная работа мужчины и женщины может быть незаменимой моделью равноправного сотрудничества с обоюдным уважением, без эксплуатации или сексуализации отношений. Есть мнение, что члены семьи склонны отождествляться с терапевтом того же пола, но проблемами более охотно делятся с терапевтом противоположного пола.

Но, как и во всех остальных случаях, совместная работа с семьей требует от ее ведущих множества дополнительных усилий по согласованию собственных профессиональных позиций и этических принципов работы с семьей, времени на подготовку к работе и предварительное обсуждение ее плана и завершающий анализ проведенной сессии. Однако все это в свою очередь гарантирует рискнувшим попробовать себя в ко-терапии совершенствование в профессиональной деятельности, снижение риска эмоционального выгорания, выявление и анализ собственных ограничений или ресурсов в работе с семьей (например, контр-перенос). Ко-терапия создает оптимальный уровень свободы и зависимости, прав и обязанностей, дисциплины и анархии.

В настоящее время нечасто в реальной психотерапевтической практике встречаются стабильные ко-терапевтические союзы, хотя вышеперечисленные преимущества такой работы очевидны для многих практикующих психологов. Дело и в трудностях согласования графика работы двух специалистов в любом учреждении, и в отсутствии позитивного и проработанного опыта ко-терапевтической работы у части психологов, и в неизбежном повышении стоимости психотерапевтических услуг. Но для тех, кто настойчиво пробует новые формы работы, кто стремится к более полному осознанию собственной позиции в психотерапии, кто заботится о повышении эффективности и качества своей работы – ко-терапия является привлекательным вариантом решения всех этих задач.

Мой собственный опыт обучения и практики в ко-терапии многократно подтверждает все преодолимые сложности и многочисленные преимущества командной работы. Полезными оказываются как работа со случайным коллегой, которая принесет много раздумий о собственных ощущениях, так и ни с чем не сравнимый комфорт и удовольствие от работы в стабильной, предска-

емой, надежной атмосфере поддержки и взаимопомощи с проверенным годами партнером. Мой постоянный партнер в ко-терапии – мужчина, поэтому в дальнейшем я описываю преимущества такого партнерского взаимодействия.

Особенно эффективной оказывается данная модель в работе с супружескими проблемами, причем даже в том случае, когда на прием приходит только один из супругов. Именно когда один из супругов рассказывает о происходящем в семье, трудно представить объективную картину: в состоянии конфликта и открытого противостояния клиент дает много эмоциональных оценок действиям партнера, активно привлекает терапевта (особенно своего пола) на свою сторону, часто не готов услышать альтернативное мнение по поводу возникающих в семье трудностей. Иногда такого клиента даже трудно остановить, он готов «выкладывать» все новые и новые подробности «безобразного» поведения в семье мужа, жены, ребенка и т.д. В этом случае на помощь приходит возможность вернуть клиенту свои чувства от услышанного в виде диалога между ко-терапевтами. Мы можем поделиться (как будто друг с другом) личными историями, перекликающимися с историей клиента, описать образы или метафоры, интегрирующие услышанное от него. Мы знаем, что клиенту помогает не только готовое и четко сформулированное решение, а как раз возможность понять, что точек зрения на проблему и решений может быть множество, также как множественными являются картины ситуации в семье, отраженные в наших головах.

Если на приеме супружеская пара, ко-терапевтическая модель работы избавляет от лишних тревог супругов разного пола, связанных с возможным предвзятым отношением к ним терапевта-мужчины или терапевта-женщины. Часто именно эти тревоги лежат в основе отказа от совместной работы супруга или супруги. Предложение работать с парой психотерапевтов разного пола снимает лишние негативные ожидания и сокращает время установления позитивного контакта с парой. Кроме того, в процессе работы у каждого из членов семьи появляется реальный шанс избавиться от стереотипов в восприятии «всех мужчин» или «все женщин». Свои версии о том, как ведут себя и чего хотят мужчины и женщины, каждый может проверить в ситуации доверительного, уважительного и любознательного общения с ко-терапевтами.

В работе с семьей, пришедшей на консультацию с детьми, помощь партнера тем более очевидна. Иногда нужно, не прерывая сессии для родителей, занять детей, дать им и проконтролировать специальное задание. Наблюдение за всеми членами семьи на сессии также сопряжено с особыми сложностями, если их больше одного. Во всех этих случаях удастся быстро и легко решить возникающие задачи, используя помощь ко-терапевта.

В нашем случае, клиенты, имеющие опыт работы с нами именно в формате ко-терапии, достаточно часто впоследствии делают акцент на том, что хотят продолжать работу именно в таком составе.

Литература

1. *Арефьев И.* "Плюсы" и "минусы" работы в ко-терапии. [Электронный ресурс] URL: http://www.familyland.ru/library/diplom/diplom_45.html
2. *Хамитова И., Дробкина Т.* Об использовании командной работы в системной семейной психотерапии. [Электронный ресурс] URL: <http://supporter.ru/ru/kollegam/biblioteka-semejnego-psikhoterapevta/21-biblioteka/101-ob-ispolzovanii-komandnoj-raboty-v-sistemnoj-semejnoj-psikhoterapii>

НАПРАВЛЕНИЕ 7. СПОРТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С.В. Крюков

Влияние идеомоторной тренировки на повышение эффективности психомоторных действий

Двигательная функция – одна из основных функций, обеспечивающих адекватность жизни организма. Двигательные навыки человека задействованы во всех видах человеческой деятельности. Проблема эффективного формирования двигательных способностей человека всегда актуальна в учебной, трудовой и спортивной деятельности.

В совершенствовании системы образования необходим целостный подход к психической и двигательной деятельности. Н.А. Бернштейн говорил о тренировке мозга, а не конечностей при обучении двигательным навыкам [1]. Формирование психомоторных и двигательных способностей будет значительно эффективней, если использовать психологические закономерности этих процессов. Также, возможно ускоренное формирование вышеназванных способностей за счет специально разработанных методик, которые обеспечат опережающее психомоторное развитие в овладении двигательными навыками, по сравнению с традиционными методами.

Выдвинутый И.М. Сеченовым принцип единства познавательного процесса и двигательного акта обусловил понимание рефлекторной природы психического, и психомоторики в частности [4]. С.Л. Рубинштейн справедливо отмечал, что рефлекторная теория И.М. Сеченова не сводит психическую деятельность к физиологической нервной деятельности, а распространяет рефлекторную теорию на психическую деятельность [3].

Психомоторные возможности человека зависят от особенностей развития ряда психических функций: мышечно-двигательных ощущений и восприятий, сенсомоторных процессов, памяти, мышления и внимания. В монографии Н.А. Бернштейна «О построении движений» впервые движение было представлено как психическое действие [1]. Его работы содержат психологические понятия – образ, смысловая структура, действие, значение, навык, активность. Бернштейн противопоставил перенесению принципа условного замыкания нервных связей И.П. Павлова на всю высшую нервную деятельность физиологию активности, психологию живого движения, где царствует не механический детерминизм рассудка, а неопределенность и свобода разумного действия.

Общая динамика формирования двигательного навыка такова. Осваивая

двигательное действие, в первую очередь формируются сенсорный и интеллектуальный компоненты навыка, то есть зрительный образ и понятие об упражнении. Затем эти компоненты развиваются, обогащаются и в совокупности с другими ощущениями (слуховыми, тактильными, вестибулярными, мышечно – суставными) образуют полимодальный образ – программу двигательной деятельности человека [2].

Роль представления в управлении движением связана с исполнением намеченного плана, контролем и регуляцией параметров действий. Важным моментом является сосредоточение, как психический этап подготовки. В сосредоточении можно выделить две фазы: воспроизведение образа действия и определение момента готовности к началу действия. Каждый опытный спортсмен перед стартом старается еще и еще раз повторить элементы упражнения мысленно. При этом возникает «идеомоторный акт», то есть изменение возбудимости нервных центров и мышц в точном соответствии с программой предстоящего действия.

Представление действий активизирует центры, регулирующие выполнение этого упражнения. Возбужденные центры посылают редкие импульсы в те мышцы, которые обеспечивают необходимое движение. В результате на периферии, в мышечной системе, увеличиваются тонус и возбудимость мышц в точном соответствии с программой упражнения, которое представляет себе человек. Это изменение мышечного тонуса при представлении движений является идеомоторным актом. Идеомоторная тренировка характеризуется тем, что при представлении (точнее оживлении), системы механизмов произвольных движений возникают микро-реакции нервно-мышечной, вегетативной и других функциональных систем организма. Эти процессы идентичны реальным, которые возникают при практическом выполнении движений. В результате идеомоторной тренировки (многократного мысленного повторения) происходит закрепление структуры тренируемого произвольного действия.

В эксперименте проверялась *гипотеза* влияния идеомоторной тренировки на повышение эффективности психомоторных действий. Мы предположили, что влияние должно выразиться в увеличении результативности действий группы испытуемых, занимающихся идеомоторной тренировкой, при сравнении с группой не занимающихся идеомоторной тренировкой.

Испытуемые: юноши и девушки 18-27 лет, занимающиеся фитнесом. Экспериментальная группа: 25 человек, контрольная – 27 человек.

Двигательный навык, который необходимо сформировать, – бросок дротика в дартс (освоение данной техники приведет к увеличению количества набираемых очков). Тренировки проводились 3 раза в неделю, всего 14 тренировок, на протяжении одного месяца (по 60 бросков за тренировку, 6 серий по 10 бросков).

С испытуемыми экспериментальной группы, дополнительно, перед каждой тренировкой проводилась идеомоторная тренировка. Каждый участник выполнял следующее задание:

- занять позицию на линии броска, стоя перед мишенью;
- сконцентрироваться на «мышечном чувстве», ощущениях в теле, равновесии;
- произвести мысленно 3 серии по 10 бросков, глядя на мишень, представляя точное попадание в цель, доводя представление броска до «мышечно-суставного чувства», с перерывом между сериями 2 минуты;
- закрыть глаза, произвести мысленно 3 серии по 10 бросков, представляя точное попадание в цель, с перерывом между сериями 2 минуты.

Каждый участник экспериментальной группы в идеальном плане выполнял по 60 бросков, а затем переходил к реальной тренировке, с реальными бросками.

За весь период обучающего эксперимента каждым участником из двух групп было произведено по 840 бросков. С участниками экспериментальной группы, дополнительно проводилась идеомоторная тренировка.

Сравнение двух выборок по признаку, измеренному в метрической шкале, предполагает сравнение средних значений с использованием параметрического критерия t-Стьюдента. Для контроля различий в динамике формирования навыка сравнение результатов проводилось дважды – результат первого занятия и завершающего.

Результаты. Полученное эмпирическое значение сравнения результатов первого занятия $t(0,3)$ находилось в зоне незначимости. Это говорит об отсутствии различий в степени владения навыком двух созданных групп испытуемых на момент проведения первого занятия.

По результатам последнего занятия, отмечается увеличение результативности в группах, по сравнению с результатами первого занятия, по среднему результату в каждой группе. В целом, результат контрольной группы улучшился на 9,4%, экспериментальной – на 12,6%. Улучшение результатов экспериментальной группы на 34% больше, чем контрольной.

Расчет критерия t-Стьюдента по результатам последнего занятия выявил, что имеющееся различие во владении навыком двух групп статистически достоверно.

Таким образом, различие во владении двигательным навыком у двух групп испытуемых появилось в период проведения эксперимента, в период обучения. В результате различий в программах тренировки появилось различие во владении навыком. Применение идеомоторной тренировки оказало влияние на повышение уровня владения двигательным навыком.

Полученные экспериментальные данные использования идеомоторной тренировки в процессе обучения двигательному навыку свидетельствуют о ее влиянии на повышении эффективности психомоторных действий.

Считаем, что метод идеомоторной тренировки можно использовать в процессе обучения двигательным навыкам в целях повышения эффективности психомоторных действий в образовательной, трудовой и спортивной деятельности. Мы согласны с Н.А. Бернштейном, что единство психического и физического развития должно стать главным принципом обучения в

образовательной, спортивной и трудовой деятельности. С помощью специально разработанных методических приемов и комплексов психомоторных упражнений с применением идеомоторной тренировки возможно более эффективное формирование психомоторных способностей.

Также стоит отметить, что применение идеомоторной тренировки в обучении не требует создания специальных технических условий, не влечет за собой расходов на усовершенствование материально-технической базы для обучения. Ознакомившись с принципами проведения идеомоторной тренировки можно самостоятельно заниматься в свободное от обучения время.

В дальнейших исследованиях, в целях поиска новых закономерностей, при проведении экспериментов, мы планируем изменить программу проведения идеомоторной тренировки, осуществляя поиск новых факторов влияния психических закономерностей на повышение эффективности психомоторных действий.

Литература

1. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
2. *Ильин Е.П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2008.
3. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: 1959.
4. *Сеченов И.М.* Элементы мысли. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947.

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

О.В. Алексеева

Влияние системы организационных отношений на особенности эмоционального реагирования сотрудников

В повседневности мы постоянно сталкиваемся с эмоциональными проявлениями человека как реакцией на все с ним и вокруг него происходящее. Это явление называется эмоциональным реагированием. Им сопровождается вся жизнь человека. В данной статье эмоциональное реагирование будет рассматриваться в рамках производственного пространства, в котором на сотрудника также постоянно влияют стрессовые факторы и формируют специфические формы адаптации. В результате неразрешенного стресса у сотрудника может наступить состояние эмоционального, психического и физического истощения. В медицине такое состояние человека называют «синдромом эмоционального выгорания». Выгорание представляет собой совокупность симптомов, негативно сказывающихся на работоспособности и самочувствии человека. Сотрудник начинает ограничивать время взаимодействия с субъектом профессиональной деятельности, чтобы сэкономить эмоциональные ресурсы, пытается эмоционально и личностно отстраниться от ситуации [3]. Дальнейшее развитие эмоционального выгорания постепенно приводит к необратимым изменениям в личности и к проблемам со здоровьем специалиста, после чего он уже не в состоянии успешно осуществлять свою профессиональную деятельность. «Выгоревший» сотрудник просто не может адекватно общаться с коллегами, партнерами, клиентами и эффективно выполнять свою работу. При этом эмоциональное выгорание может затронуть не только отдельного сотрудника, но и организацию в целом, поэтому исследование этого феномена является сегодня важным и необходимым [4].

За более чем 40 лет изучения эмоционального выгорания зарубежными и отечественными исследователями были выявлено более 100 видов его признаков и множество факторов, влияющих на развитие этого феномена.

Впервые это явление было описано Х. Фройденбергером, этой проблеме были посвящены многочисленные работы зарубежных исследователей К. Маслач, Б. Перлман, Э. Хартман, Э. Морроу, А. Пайнез, Е. Аронсон, Д. Дирендонк, М. Буриш, Дж. Гринберг, А. Лэнгле. В отечественной психологии эта проблема изучалась В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, В.Е. Орлом, О.С.

Старченковой, Т.В. Форманюк, И.И. Галецкой, Н.Н. Скугаревской, С.А. Бабановым, Д.Г. Труновым, Н.Н. Чуксиной и многими другими исследователями.

Но тема остается по-прежнему актуальной, поскольку, как установлено многочисленными исследованиями в этой области [6], ей подвержены в той или иной степени сотрудники любых типов профессий, независимо от пола, возраста и личных качеств.

Одним из факторов выгорания исследователи называют организационные отношения, в частности доминирующий стиль руководства в организации.

Стиль руководства не только характеризует деятельность руководителя, он сказывается на всех процессах, происходящих в организации и особенно на подчиненных. Принятый стиль руководителя постоянно анализируется и оценивается сотрудниками и на его основании формируется вся система отношений в организации на всех уровнях иерархии. В зависимости от доминирующего стиля руководства у сотрудников могут сформироваться определенные симптомы эмоционального выгорания. Эти особенности формирования выгорания важны для профилактики и лечения синдрома, поэтому проблема исследования влияния стиля руководства на формирование эмоционального выгорания является востребованной и необходимой для изучения [5].

Целью настоящей работы является изучение влияния системы организационных отношений на особенности эмоционального реагирования сотрудников. Для этого нам потребуется обосновать и экспериментально проверить закономерности проявления у сотрудников определенных симптомов эмоционального выгорания в зависимости от стиля руководства в организации.

В процессе исследования стояли следующие задачи: 1) Проанализировать научную литературу по проблематике исследования. 2) Рассмотреть подходы к изучению феномена эмоционального выгорания. 3) Разработать макет эмпирического исследования. 4) Подобрать методы диагностики стиля руководства и эмоционального выгорания. 5) Провести эмпирическое исследование, обработать результаты, сделать выводы.

Нами была выдвинута следующая **гипотеза**: стиль управления трудовым коллективом влияет на уровень сформированности синдрома эмоционального выгорания: а) доминирующий авторитарный стиль управления формирует симптом «неудовлетворенности собой», расширяет «сферу экономии эмоций», повышает уровень деперсонализации и количество психосоматических расстройств; б) доминирующий демократический стиль управления способствует усилению редукции профессиональных обязанностей; в) доминирующий либеральный стиль управления трудовым коллективом приводит к формированию синдрома эмоционального выгорания за счет неадекватного избирательного реагирования.

Для проверки гипотезы и решения поставленных задач были использованы следующие **методы** и **методики**: анкетирование, тестирование с использованием методик, позволяющих определить наличие симптомов

синдрома эмоционального выгорания (опросник В.В. Бойко) и выявить доминирующий стиль руководства в организации (диагностика стилей руководства А.Л. Журавлева). Статистическая обработка полученных результатов проводилась при помощи программы Excel. Для подтверждения гипотезы о влиянии различных стилей руководства на уровень сформированности у сотрудников определенных симптомов эмоционального выгорания и выявления значимых различий по симптомам использовались математические статистические методы – однофазный дисперсионный анализ и U-критерий Манна-Уитни.

Предметом исследования явились симптомы эмоционального выгорания у сотрудников организаций с различными стилями руководства, **объектом** изучения – группы людей разного пола и возраста – сотрудники организаций с различными стилями руководства.

Испытуемые. В исследовании участвовали 38 человек. Среди них 76% женщин (29 чел.) и 24% мужчин (9 чел.) в возрасте от 25 до 45 лет с высшим и средним образованием со стажем работы в организации от 2 до 17 лет.

Тестирование проводилось индивидуально.

Испытуемым было предложено заполнить анкету и опросники.

Для определения доминирующего стиля руководства в организациях испытуемых была использована методика «Диагностика стилей руководства А. Л. Журавлева», направленная на оценку преобладающего стиля руководства: авторитарного, демократического или либерального. Испытуемым предлагалось 27 характеристик деятельности руководителя и к каждой характеристике – по 5 вариантов ее проявления. После обработки подсчитывалась сумма баллов по каждому из трех стилей руководства. На основании полученных результатов испытуемые были разделены на 3 группы: с доминирующим либеральным стилем руководства – 15 испытуемых (40%); демократическим – 10 испытуемых (26%); авторитарным – 13 испытуемых (34%).

Для исследования уровня эмоционального выгорания у испытуемых использовалась «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко. Эта методика позволяет выявить наличие синдрома эмоционального выгорания и увидеть его ведущие симптомы. Интерпретация результатов проводится по трем фазам: напряжение, сопротивление (или резистенция) и истощение, содержащим 12 субшкал – симптомов выгорания (4 симптома для каждой фазы). Методика представляет собой опросник, состоящий из 84 суждений, каждое из которых обследуемый должен подтвердить или опровергнуть. Обработка результатов осуществляется в соответствии с ключом.

В ходе диагностики уровня эмоционального выгорания были получены следующие результаты: из 38 испытуемых у 13 (34% от общего числа испытуемых) была выявлена хотя бы одна сформировавшаяся фаза эмоционального выгорания. Средние показатели синдрома эмоционального выгорания составили: в либеральной группе – 82 балла, в демократической – 116 баллов и авторитарной – 162 балла. Таким образом, средний показатель

выгорания при авторитарном стиле руководства превысил соответствующий показатель при демократическом стиле руководства на 40%, при либеральном – на 98%.

Аналогичную ситуацию мы получили и по фазам. Фазы напряжение, резистенция и истощение при авторитарном стиле руководства находятся в стадии формирования и превышают соответствующие показатели при демократическом и либеральном стилях руководства (фаза напряжение на 33 и 53%, резистенции – на 33 и 83%, истощение – на 36 и 88% соответственно). При либеральном и демократическом стиле в стадии формирования находится только одна фаза – резистенции.

Чтобы ответить на вопрос, оказал ли фактор существенное влияние на разброс выборочных средних или разброс является следствием случайностей, вызванных небольшими объемами выборок, использовался метод однофазного дисперсионного анализа. Результаты исследования с применением однофазного дисперсионного анализа свидетельствует о том, что полученные различия имеют статистически значимое значение.

Наиболее выраженным симптомом в группах с либеральным и авторитарным стилем руководства оказался симптом «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование». У «либеральной группы» он сформирован или находится в стадии формирования у 75% испытуемых этой группы. У «директивной группы» у 100% испытуемых. В группе с демократическим стилем руководства доминирующим симптомом стал симптом «редукция профессиональных обязанностей», сформированный или находящийся в стадии формирования у 80% испытуемых этой группы.

Были выявлены симптомы, которым сотрудники при определенном стиле руководства подвержены менее всего. При авторитарном стиле руководства это симптом «тревога и депрессия», тем не менее, сформированный или находящийся в стадии формирования у 54% испытуемых группы. При либеральном стиле руководства – симптомы «неудовлетворенность собой», находящиеся в стадии формирования у 20% испытуемых группы и «психосоматические и психовегетативные нарушения» (в стадии формирования у 15%). При демократическом стиле руководства – это симптом «личная отстраненность (деперсонализация)», находящийся в стадии формирования у 20% испытуемых группы.

Для оценки различий между выборками и определения значимых данных, полученные по методике определения эмоционального выгорания Бойко, были обработаны с помощью однофазного дисперсионного анализа и U-критерия Манна-Уитни. Статистически значимыми получились различия по 6 симптомам выгорания, а именно по симптомам: переживание психотравматических обстоятельств; неудовлетворенность собой; неадекватное избирательное реагирование; расширение сферы экономии эмоций; личная отстраненность (деперсонализация); психосоматические и психовегетативные нарушения.

Все вышеназванные симптомы выгорания в большей степени выражены в группе испытуемых с доминирующим авторитарным стилем руководства. Причем средние показатели в авторитарной группе говорят о уже сложившихся

симптомах «неадекватное избирательное реагирование», «расширение сферы экономии эмоций» и «переживание психотравматических обстоятельств», а симптомы «личная отстраненность», «неудовлетворенность собой» и «психосоматические и психовегетативные нарушения» находятся в стадии формирования.

Нами были сделаны следующие **выводы**:

1. Стиль руководства в компании влияет на формирование эмоционального выгорания у ее сотрудников. При доминирующем авторитарном стиле руководства степень выраженности синдрома эмоционального выгорания и всех его 3 фаз (напряжение, резистенция и истощение) у сотрудников значительно выше, чем при других стилях руководства, что подтверждается математическими статистическими методами.

2. Результаты исследования, полученные по методике В.В. Бойко свидетельствуют о том, что при доминирующем авторитарном стиле руководства у сотрудников значительнее, чем у сотрудников организаций с другими доминирующими стилями руководства, выражены 6 симптомов эмоционального выгорания, а именно: переживание психотравматических обстоятельств; неудовлетворенность собой; неадекватное избирательное реагирование; расширение сферы экономии эмоций; личная отстраненность (деперсонализация); психосоматические и психовегетативные нарушения [1, 2].

Формированию этих симптомов способствуют такие факторы, присущие авторитарному стилю руководства, как высокая централизация руководства, единоначалие, строгий детальный контроль, жесткая регламентация, отсутствие обратной связи, низкая информативность, система наказаний и низкая стимулированность, сверхурочная работа, отсутствие поддержки.

3. Доминирующим симптомом в группах и с либеральным и с авторитарным стилем руководства является симптом «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование». Возможно, у сотрудников организации с авторитарным стилем руководства в качестве защитного механизма этот симптом формируется в результате тех жестких рамок, в которые они поставлены. Тогда как у сотрудников организаций с либеральным стилем руководства этот симптом может сформироваться в результате недостаточного контроля за действиями специалиста, нечеткой постановки задач, хаотичного распределения обязанностей, свойственных либеральному стилю руководства.

В группе с демократическим стилем руководства доминирующим симптомом является редукция профессиональных обязанностей. Однако, математические методы показали, что полученные различия по данному симптому не являются статистически значимыми и на выраженность данного симптома могут влиять и другие факторы, кроме стиля руководства.

4. Наименее выраженным симптомом эмоционального выгорания при доминирующем авторитарном стиле руководства является симптом «тревога и депрессия». Что объясняется тем, что присущие таким организациям стабильность, определенность, четкость и ясность облегчают жизни людей, а

авторитарный лидер дает им уверенность в завтрашнем дне и ему же отдается ответственность за все происходящее.

При доминирующем либеральном стиле руководства, где отсутствует какие-либо жесткие рамки, контроль и давление со стороны руководства, наименее выражены симптомы «неудовлетворенность собой» и «психосоматические и психовегетативные нарушения».

При доминирующем демократическом стиле руководства – «личная отстраненность (деперсонализация), поскольку при подобном стиле управления сотрудник, как правило, хорошо информирован о целях и задачах, организации, как минимум, принимает участие в принятии решений, осознает связи между качеством работы и вознаграждением. Все это позволяет сотруднику не допустить неадекватного отношения к субъекту своей профессиональной деятельности.

Понимание всех этих особенностей формирования симптомов эмоционального выгорания позволит разработать методы профилактики и борьбы с этим явлением и поможет предотвратить развитие синдрома.

Литература

5. *Бойко В.В.* Психоэнергетика. Краткий справочник. СПб, 2008.
6. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М., 1996.
7. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб, 2005
8. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб, 2011.
9. *Лэнгле А.* Синдром эмоционального выгорания у сотрудников и борьба с ним [Электронный ресурс] URL: <http://www.cfin.ru/management/people/motivation/burn-out.shtml>, 2011 (дата обращения 12.05.2014).
10. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс] URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2901> (дата обращения: 24.04.2014).

Я.А. Будник, Н.Ю. Самыкина

Особенности мотивации студентов-волонтеров в системе МЧС

Один из наиболее ярко проявляющихся признаков развития гражданского общества – это наличие в нем сформированного движения волонтеров, когда определенные группы активных граждан направляют свои усилия на беско-

рыстную помощь нуждающимся. В России в последние годы волонтерство также набирает обороты, особенно за счет социально активных студентов, испытывающих потребность быть причастным различным процессам, происходящим в обществе.

Волонтерская деятельность (от лат. voluntarius – добровольно) – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение. Добровольцы, с формальной точки зрения, это физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности).

Мотивы участия граждан в различных волонтерских организациях могут быть самыми разными. У некоторых это моральные или религиозные убеждения, у некоторых – потребность в активности и общении. Кто-то хочет добиться большего совершенства в функционировании какой-либо социально значимой структуры, кто-то – приобрести новые знания и овладеть новой, интересной профессией. Большая часть представителей волонтерских организаций жертвует своим свободным временем ради помощи ближним, но, некоторые занимаются этой деятельностью и с целью удовлетворить личные интересы [3].

Российские психологи О. Фетисова, Е. Буглак и О. Кликунова приводят свое определение добровольчества, также приводится ряд основных характеристик присущих этому явлению: «Добровольчество (волонтерство) является добровольным выбором, который, в свою очередь является объективным отражением жизненных взглядов и позиций; это активное участие человека – гражданина в общественных процессах. Добровольчеству присущи характеристики, которые отличают его от прочих форм помощи людям. В первую очередь это касается вознаграждений. Волонтер не может и не должен заниматься своей общественной деятельностью ради получения вознаграждения или прибыли. Ценность деятельности должна быть для него выше. Однако, стоит отметить, что многие волонтеры (в том числе и в системе МЧС) занимаются деятельностью, именно ради некоторых социальных бонусов, получаемых от государства и организаций или же они заинтересованы в построении карьеры на государственной службе» [5].

Е. Шекова в своей статье, касающейся добровольческих трудовых отношений, она подчеркивает, что добровольчество основывается на добровольном труде, не требующем оплаты. «Следовательно, – пишет она, – его мотивы не в материальном поощрении, а в удовлетворении социальных и духовных потребностей. Труд волонтеров обычно сводится к различным видам общественных работ, организация общественно полезных мероприятий благотворительных концертов, сбора средств в поддержку нуждающихся), индивидуальной нематериальной помощи отдельным лицам, или организациям (инвалидам, детям – сиротам, ветеранам войны, некоммерческим структурам), и так далее» [5]. Далее Е. Шекова подчеркивает, что добровольность труда отнюдь не предполагает

хаотичного характера работы. Отношения между волонтером и нанимающей организацией регулируются, как правило, договорами, строго определяющими объем работ. «Также, не смотря на добровольность, волонтерство не исключает ответственности, например, за выполнение норм и требований, сохранность материальных ценностей, деятельность, подрывающую репутацию организации» [5].

Итак, когда мы говорим о волонтерстве, то проявление альтруистического поведения и служения людям выступает здесь как ценностная ориентация.

Е. Шекова также отмечает, что волонтеры проявляют себя через: а) активное участие в жизни общества; б) организованное движение внутри ассоциации. «Исходя из данных принципов, в обязанности волонтера входит: поощрять индивидуальное участие в жизни общества; участвовать в обучении вновь прибывших членов, указывая на ту ответственность, которая на них возлагается, в зависимости от их способностей, того времени, которым они располагают, а также того, что их интересует; координировать свою работу со всеми членами коллектива в духе взаимопонимания и взаимоуважения» [5].

И. Левдер отмечает следующее: «Добровольчество – это деятельность, столь же выгодная для людей, ищущих помощь, сколь и для самих добровольцев, потому что, добровольчество – это способ строить социальные отношения, применять свои моральные и религиозные принципы, получить новые навыки, найти поддержку и друзей, почувствовать себя способным что-то совершить, а также почувствовать себя нужным и полезным» [3].

М. Дарли, К.Д. Бэтсон дают характеристику причинам альтруизма, свойственного для членов волонтерских организаций: «Находясь в коллективе, состоящем из единомышленников, люди проявляют большую склонность к безвозмездной помощи друг другу. Часто бывает, что большую часть состава волонтерских организаций представляют студенты или молодые специалисты, которые приходят к выводам, что им проще начать карьеру в организации, где их будут оценивать не только по их степени владения профессией, где можно на практике обучиться необходимым приемам, где присутствует дружественная и комфортная атмосфера взаимной поддержки» [6]. Также авторы выделяют наличие свободного времени, стремление восстановить Я-образ. [6].

М. Олчман и П. Джордан говорят о том, что очень часто в качестве мотива для волонтерской работы выступает потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества.

Анализ литературы позволил нам определить волонтеров на несколько групп, имеющих разные мотивы для занятия волонтерской деятельностью.

Например, Н.А. Потапова приводит несколько таких категорий. Первая категория – это пенсионеры, домохозяйки, бывшие заключенные, которые стремятся через занятия волонтерской деятельностью восстановить самоуважение и уважение к себе со стороны других членов общества. Для них велика потребность в самопомощи. Для этой категории свойственно пониженное настроение, наличие личностных проблем, требование внимания руководства волонтерских организаций. Ко второй категории можно отнести тех, кто при

наличии большого количества свободного времени, желает как-то самореализоваться и ценит, при этом, собственную независимость. К данной категории можно отнести студентов. Третья категория, это люди стремящиеся к профессиональному росту и использующие занятия волонтерской деятельностью как стартовую площадку для хорошей карьеры. Эту группу также составляют студенты или недавние выпускники.

Среди множества волонтерских организаций, существующих на данный момент в нашей стране, особое место занимают общества, и отряды, деятельность которых направлена на помощь МЧС в поисково-спасательных операциях и ликвидации последствий ЧС. Все больше молодых людей стремится вступить в организации этой направленности и принять участие в этой деятельности. Возможно, в скором времени возникнет необходимость создать некий фильтр, профотбор для волонтеров, аналогичный профессиональному отбору профессиональных сотрудников органов МЧС, но со своей спецификой. В связи с этим становится актуальным вопрос исследования мотивационных оснований деятельности волонтеров для дальнейшего планирования взаимодействия с ними в актуальных чрезвычайных ситуациях.

Работа волонтеров в МЧС имеет ряд существенных отличий от работы в других волонтерских организациях социальной направленности. В МЧС волонтеры практически наравне со штатными, профессиональными сотрудниками участвуют в ликвидации последствий ЧС и подвергаются равным рискам. При этом волонтеры не получают за такую работу денежного вознаграждения и при ее выполнении руководствуются альтруистическими принципами. Отсюда возникает предположение, что волонтеры и штатные сотрудники МЧС руководствуются разными ценностями и при выборе деятельности ведущую роль у этих групп занимают разные мотивы.

Для проверки нашего предположения в 2013-2014 гг. было проведено исследование. В исследовании принимало участие 100 человек. Среди них: 50 человек – волонтеры, 50 человек – штатные сотрудники. В исследовании участвовали: волонтеры Студенческого Корпуса Спасателей Самарской области, студенческого отряда «СОВА», добровольческого отряда ФКУ ЦЭПП МЧС РФ, сотрудники ФПС МЧС РФ.

Исследование проводилось с помощью следующих методов: опросник для измерения мотивации достижения А. Мехрабиана (модификация М.Ш. Магомед-Эминова), методика «Выявление осознанности различных компонентов мотива», 12-факторный опросник мотивации профессиональной деятельности Е.А. Климова.

По итогам исследования было обнаружено следующее.

У 36% испытуемых (18 человек) отмечается достаточно высокий уровень мотивации достижения успеха. Эта группа исследуемых не боится сложностей в работе, воспринимает её позитивно. В целом более оптимистична. У 28% испытуемых (14 человек) проявляется явно низкая мотивация к достижению успеха. Как отмечалось в процессе обработки результатов им более свойственно стремление к избеганию неудач. Мотив избегания неудач, как оказалось в

дальнейшем в большей степени свойственен группе волонтеров. Это объясняется рядом возрастных и социокультурных особенностей. Мотив избегания неудач является основанием для проявления альтруистических побуждений, которые в свою очередь и являются основой субкультурного мировосприятия волонтеров. У некоторых испытуемых из числа волонтеров был выявлен уровень мотивации без ярко выраженной ориентации, на какую либо из сфер. Возможно, такое положение можно объяснить маргинальным положением тех, кто давал такие ответы. Как показал анализ результатов, среди волонтеров было больше единодушия в ответах, чем среди штатных сотрудников МЧС.

Данные, полученные от респондентов, демонстрируют имеющиеся различия среди испытуемых в мотивации достижения успеха или избегания неудач. Так, на достижение успеха ориентированы в основном штатные сотрудники МЧС. Для сотрудников важно выполнять большой объем заданий. Основными мотивационными факторами у сотрудников служат ожидание больших зарплат и премий, получение дополнительных льгот за более сложную и опасную выполняемую работу. Так же большое значение имеют ведомственные награды, нематериальные поощрения со стороны руководства, возможность профессионально совершенствоваться и получать дополнительное образование.

По сравнению со штатными сотрудниками, у студентов-волонтеров в большей степени выражено стремление к избеганию неудач. В качестве основных стимулов для волонтеров выступает боязнь не оправдать возложенные на них надежды или получить порицание за собственную «бесполезность». Ярко выраженное стремление к успеху было отмечено у крайне незначительного числа волонтеров.

Было так же отмечено, что существует прямая связь: чем выше статус (статус сотрудника МЧС по сравнению со статусом волонтера), тем сильнее выражена мотивация достижения успеха.

В дальнейшем было произведено исследование мотивации испытуемых по методике «Выявление осознанности различных компонентов мотива». На данном этапе исследования выполнялся контент-анализ анкет участников и было отмечено, что структура мотивации волонтеров больше сосредотачивает в себе внешние мотивы. Наиболее часто указывались мотивы, связанные с материальными и нематериальными бонусами, а так же окружающими их условиями. Достаточно велик процент мотивов потребностного блока, при этом отмечается преобладание мотивов долженствования. Исходя из результатов обработки анкет участников исследования, можно сделать вывод, что высокий процент мотивов блока потребностей предположительно свидетельствует об удовлетворении и стремлении большинства участников исследования удовлетворить модель «полноценной жизни». Мотивы целевого блока были выражены в несколько меньшей степени.

Мотивы блока внутреннего фильтра выражены у участников исследования в наименьшей степени. Среди этой группы мотивов испытуемыми отмечались следующие: «нравственный контроль»; «выражение предпочтения по внешним признакам»; «нравится помогать людям и заниматься нужным де-

лом»; «оценка собственных возможностей»; «оценка условий» и «оценка эмоциональных состояний».

Стоит отметить, что у абсолютно всех испытуемых в ходе анализа исследования был отмечен «перекос» различной степени в сторону одного из мотивов. Учитывая этот факт, мы можем утверждать, что среди испытуемых во всех случаях проявляется фрагментарная представленность мотивов трудовой деятельности. В процессе исследования был выявлен ряд условий, которые создавали помехи осознанию всего компонентного состава мотива: неспособность или нежелание индивида по определенным причинам (возможно и нравственным) заниматься анализом собственной личности; «обслуживание» одной и той же целью сразу нескольких потребностей или с помощью удовлетворения одной потребности достижение сразу ряда целей. По причине этого, испытуемый, отвечая на поставленные вопросы, направленные на объяснение причин действий и поступков, в некоторых случаях мог ограничиться объяснением лишь одного мотива.

Теперь необходимо отметить, то, какие факторы определяют эту фрагментарность. В целом, анализируя данные по штатным сотрудникам, можно отметить большее число мотивов. Также фрагментарность отраженности в сознании индивида структуры мотива в данной выборке выражена в сравнительно меньшей степени, чем у группы испытуемых из числа волонтеров.

Можно видеть, что существует видимое различие в степени выраженности у испытуемых блока внешних мотиваций, потребностного и блока внутреннего фильтра в структуре мотива.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что в составе данной группы испытуемых большинство – студенты, в том числе, и на коммерческой основе, заинтересованные в построении карьеры. То есть, потребность в материальных ресурсах и признании повышена, отсюда рост актуальности данного фактора. Отметим, что количество баллов по этому фактору доминирует со значительным преимуществом.

Наименее актуальными являются факторы – потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения, малое число коллег по работе, значительная степень близости взаимоотношений, доверительности и потребность в самосовершенствовании, росте и развитии как личности. Возможно, подобная специфика связана с тем, что волонтерская деятельность для испытуемых не является профессией и большинство волонтеров – студенты. Также это может быть связано с пресыщенностью общением друг с другом, так как среди волонтеров в силу возрастных и социальных особенностей группы достаточно развито неформальное общение. Снижение актуальности названных факторов достаточно просто объясняется с точки зрения теории мотивации А. Маслоу: у работников которые не получают удовлетворения низших потребностей (низкая заработная плата в сочетании с высокими требованиями со стороны администрации, необходимость работать сверхурочно /что, к слову, дополнительно не оплачивается), не возникают высшие потребности – потребность в профессиональной самореализации, профессиональном росте. Но, как мы пола-

гаем основанием для таких данных является то, что волонтерская деятельность не является работой, приносящей доход и обеспечивающей удовлетворение потребностей данной группы.

В отличие от волонтеров, наиболее актуальными для сотрудников МЧС являются такие факторы, как:

- Потребность в хороших условиях работы и комфортной окружающей обстановке. Актуальность данного мотива связана потребностью в более высокой оплате труда и недостаточно хорошими его условиями, а так же ненормированным графиком. Стоит обратить внимание на преобладание мотивов низшего уровня в мотивационном профиле профессиональных спасателей.

- Потребность формировать и поддерживать долгосрочные стабильные взаимоотношения, значительная степень близости взаимоотношений, доверительности. Во многом это объясняется тем, что среди спасателей есть также и сотрудники занимающие должности непосредственно связанные с коммуникацией. Такие испытуемые в первую очередь, стремятся удовлетворить свои потребности в поддержании контактов.

- Потребность во влиятельности и власти, стремление руководить другими, настойчивое стремление к конкуренции и влиятельности. Большое значение среднего арифметического по этому фактору получено в основном благодаря тому, что стремление занять более высокую ступень во внутренней иерархии свойственно военизированным организациям.

Следует обратить внимание на то, что среди испытуемых встретилось достаточно небольшое число тех, у кого первое место в иерархической структуре мотивов занимают мотивы креативности, самовыражения в профессии и т.п. Наименьшие значения по указанным факторам показали сотрудники, у которых есть дети, преимущественно дошкольного и младшего школьного возраста. После анализа этого факта становится понятно, что на мотивационный профиль обеих групп испытуемых оказало сильное влияние семейное положение.

Проведенное исследование позволило сделать нам следующие выводы:

1. У группы студентов-волонтеров в рамках деятельности в МЧС наблюдается ярко выраженный мотив избегания неудачи. Отчасти это обусловлено тем, что подавляющее большинство волонтеров является студентами, которым свойственен страх перед оценкой своей деятельности и своих личностных и рабочих качеств. Также можно сказать, что основной причиной такого распределения являются возрастные особенности волонтеров, а так же то, что их деятельность не воспринимается ими самими (и не является по факту) в качестве работы.

2. У штатных сотрудников преобладает мотив достижения успеха. Это может быть связано со спецификой работы в военизированной организации, а так же с социальной спецификой группы штатных сотрудников. Служба в МЧС является для них работой, приносящей доход, и большинство сотрудников заинтересовано в построении карьеры и продвижении по служебной лестнице.

3. Студенты-волонтеры больше штатных сотрудников заинтересованы в социально значимой, полезной и интересной работе, но меньше стремятся к за-

ведению знакомств и построению прочных и долгосрочных служебных взаимоотношений.

4. Для сотрудников служба является одной из основных сфер жизни, что влечет за собой достаточно узкий специфический круг общения и определенную культуру взаимоотношений в коллективе. Для студентов-волонтеров участие в деятельности МЧС является социальным и психологическим экспериментом, позволяющим апробировать свои силы и возможности для дальнейшего, уже более ответственного, приложения в избранной ими профессиональной или социальной среде.

Литература

1. *Вартанова И.И.* К проблеме диагностики мотивации // Вестник МГУ. Психология. № 2. 1998.
2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
3. Исследование Института проблем гражданского общества. М., 2003. [Электронный ресурс] URL: [http:// www.zircon.ru](http://www.zircon.ru)
4. *Файзуллаев А.А.* Мотивационные кризисы личности // Психологический журнал. №3. 1989.
5. *Шекова Е.К.* Мотивация сотрудников и волонтеров в сфере культуры: опыт России и США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkor.ru/articles/2009/1/4663.html>
6. *Эммонс Р.* Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. – 416 с.

В.В. Ильина, О.А. Камзина

К вопросу о психопрофилактике синдрома эмоционального «выгорания» в педагогической деятельности

В системе социономических профессий, работа с детьми отличается наибольшей ответственностью педагога и социальной значимостью воспитательной работы. Важной и активной составляющей педагогического процесса является педагог, как интеллигентный и культурный человек. Он является носителем ценностных культурных ориентаций и коммуникативных качеств.

Педагогическую деятельность характеризует регламентированность взаимодействия субъектов процесса, высокая информационная нагрузка и нервно-эмоциональное напряжение, обусловленные спецификой данной работы. Профессия педагога считается наиболее из эмоционально перегруженных видов труда.

По результатам многих исследований известно, что педагоги особенно подвержены дезадаптивным тенденциям. Профессиональная дезадаптация проявляется в негативном влиянии профессиональной деятельности на человека [9].

Дезадаптации в педагогической деятельности способствует сложность интеллектуального труда, высокий уровень напряжённости. Умственная деятельность сопровождается определенным нервно-психическим и эмоционально-волевым напряжением, проявляющиеся в повышенной нагрузке на зрительный аппарат, мыслительные процессы, а также мышечное напряжение, при ограниченной двигательной активности [11].

Считается, что одним из частых проявлений профессиональной деформации является синдром эмоционального «выгорания».

Синдром эмоционального «выгорания» представляет собой процесс постепенной утраты экспансивной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личностной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы. Он рассматривается как результат неудачно разрешенного стресса на рабочем месте [2].

Педагогическая деятельность является целенаправленной деятельностью. Как процесс, педагогическая деятельность преимущественно управляема, контролируема и обладает динамикой. Однако этот процесс не всегда протекает по заданной программе. Педагогический процесс может протекать стихийно и приводить к случайному результату, желательному или к нейтральному. Усилия педагога в работе иногда поддерживаются, а бывает что нивелируются. Традиционно, и в общественном сознании, и в научной литературе акцент делается на позитивные аспекты педагогической деятельности. Субъекты педагогического процесса включены всецело, они используют свой потенциал физический, психический, социальный и духовный. Педагогическая деятельность является многофункциональной и социально-ответственной в условиях необходимого профессионального межличностного взаимодействия. Нередко складываются ситуации с высокой степенью конфликтности.

Недостаток навыков у педагогов управления своим психо-эмоциональным состоянием, наличие помех в процессе работы, и недостаток в эффективной коммуникации ведет не только к росту числа психо-эмоционального напряжения, но и повышенной стрессированности и утомляемости педагогов. Стрессовые ситуации той или иной степени интенсивности оказывают травмирующее воздействие на психику и эмоциональную сферу педагога.

Несмотря на положительный аспект педагогического процесса работа с детьми и подростками в силу предъявляемых ею высоких требований, содержит в себе опасность постоянных переживаний, связанных с рабочими ситуациями, а также вероятность возникновения профессионального стресса.

Вследствие стрессовых ситуаций разной степени интенсивности, эмоциональное истощение оказывает травмирующее воздействие на психику педагога.

В итоге профессиональная работоспособность снижается и появляется вероятность возникновения у работающего педагога состояния, вызванного профессиональными стрессами и известного под названием синдром эмоционального «выгорания».

Изучению проблемы синдрома эмоционального «выгорания» посвящено значительное количество исследований в зарубежной науке: С. Maslach, S. Jackson, 1981; Perlman, Hartman, 1982; E. Aronson, A. Pines, 1983; S. Walker, M. Cole, 1989; С. Maslach, M.P. Leiter, 1997 и др. [8]. В отечественной науке данный феномен рассматривался: В.В. Бойко, 1996; Н. В. Гришина, 1997; В.Е. Орел, 2001; Е.С. Старченкова, 2002, Т.В. Форманюк, 1992; И. Г. Малкина-Пых, 2000; Н.Е. Водопьянова, 1999 [7].

Развитию синдрома эмоционального «выгорания» способствуют склонность к экономии эмоций, склонность к усиленному переживанию отрицательных обстоятельств в профессиональной деятельности, неблагоприятная психологическая атмосфера профессиональной деятельности, слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности [5].

В литературе синдромом эмоционального «выгорания» описывается как выработанный личностью механизм психологической защиты (В.В. Бойко) в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [4].

Большинство российских и зарубежных психологов считают профессиональное выгорание обратимым процессом [2]. В связи с этим возникает потребность помочь поправить психо-эмоциональное состояние педагога. И вопрос профилактики и коррекции синдрома эмоционального «выгорания» актуален во многих образовательных учреждениях.

С целью психопрофилактики синдрома эмоционального «выгорания» у педагогов, была разработана программа педагогом-психологом техникума, направленная на развитие навыков самопознания и самоуправления, раскрытия творческого потенциала; обучение способам саморегуляции психологического и физического состояния во время стрессовых ситуаций; развитие навыков рефлексии.

Программа-тренинг адресована педагогам, которым по роду своей деятельности приходится общаться со студентами, их родителями и всеми участниками образовательного процесса.

Проведение тренинга по психопрофилактике эмоциональной сферы педагогов осуществлялось на базе среднего профессионального образовательного учреждения «Самарского техникума космического машиностроения».

Программа построения тренинга. Тренинг состоит из трех частей, проводится в течение 3 дней, периодичность проведения занятий – 1 раз в неделю. Время одной встречи – 2,5 часа; количество участников составляло 14 человек, в довольно просторном помещении. Форма проведения тренинга – круг; свободное перемещение по залу при выполнении различных упражнений в парах и

подгруппах. Комплектованию группы предшествует индивидуальная беседа с педагогами и анкетирование.

Первая (вводная) часть направлена на создание доброжелательности и доверительного стиля взаимоотношений в группе, первичную диагностику ожиданий, опасений, пожеланий. При этом, одним из обязательных условий является добровольность участия. Вторая часть направлена на поиск новых возможностей и ресурсов, для снижения эмоционального напряжения. Третья часть знакомит с методами коррекции психоэмоционального стресса.

Первый этап. На первом организационном этапе, тренинг начинается с процедуры знакомства, и выработки правил групповой работы. Участники выполняют разминочные психогимнастические упражнения: «Приветствие», «Мое настроение», «Поза Наполеона», «Взаимные презентации», «Карусель общения», игра «Почетный караул», «Что я вижу на картине?», «Эффективность общения» [10]. Данные упражнения настраивают на интенсивный темп работы в течение дня, создают непринужденную рабочую атмосферу; позволяют каждому участнику проявить активность, что в свою очередь способствует изменению психофизического состояния.

Второй этап. Данный этап тренинга посвящен ознакомлению педагогов с механизмом возникновения и основными признаками синдрома «Эмоционального выгорания». Участникам тренинга на данном этапе предлагается коммуникативное упражнение «Мозговой штурм» на тему «Как справиться с эмоциональным выгоранием?», попробовать мыслить несколько более свободно, раскрепощенно, без оглядки на возможный результат. Рекомендуются научиться предоставлять своим мыслям полную свободу и не пытаться направить их по определенному руслу.

Результаты «мозгового штурма», полученные в процессе работы позволяют оформить наиболее интересные идеи и представить их в виде рекомендаций для педагогов, что в свою очередь способствует активизации творческого мышления.

Третий этап. На заключительном этапе применяются метод структурной танцевальной импровизации, метод быстрого снятия эмоционального и физического напряжения, метод мышечной релаксации.

В методе структурной танцевальной импровизации использовались следующие разминочные упражнения «Части тела», «Локомотив», «Зеркало», «Клубок» [6]. Структурированная групповая импровизация акцентируется на процессе интеграции в трех областях: индивидуума с группой; новых навыков с уже имеющимися; физическую изобретательность со структурной интуицией. Она состоит из периодов непрерывной концентрации и моментов невоспроизводимой магии. Благодаря воображению, интеллекту, индивидуальному стилю и энергии, участники находят новые пути прорыва через стереотипы мышления и движения, которые раньше их ограничивали.

«Метод быстрого снятия эмоционального и физического напряжения», включил в себя серию упражнений по произвольному напряжению и расслаблению основных мышечных групп: «Муха», «Лимон», «Сосулька» [6]. В ре-

зультате выполнения данных упражнений, участники тренинга получают новый опыт осознания своего тела, научатся находить и снимать мышечные зажимы, определять и снимать излишнее напряжение.

Среди релаксационных упражнений были применены следующие маски для мышц лица: маска удивления, маска гнева, маска поцелуя, маска смеха, маска недовольства [3]. Подобные упражнения помогают тренировать подвижность основных нервных процессов, способствуют нейтрализации и подавлению отрицательных эмоций гнева, раздражения, повышенной тревожности, снимают внутреннее напряжение.

Окончание программы. В завершение тренинга применяется техника визуализации, вызывания в воображении слуховых и зрительных образов – «Звуков природы», выполняется упражнение «Источник». В ходе, которого всем участникам предлагается сесть удобно, расслабиться, закрыть глаза. Под фонограмму «Звуки природы» (Утренняя свежесть) ведущий спокойно и четко проговаривает текст. Эта техника находит широкий спектр применения как в связи с контролем эмоций, так и с генерированием положительных состояний, что в свою очередь способствует восстановлению внутренней гармонии [1].

В программе тренинга использовались ряд психологических приемов с целью улучшения психо-эмоционального состояния педагогов и снятия повседневных внешних и внутренних зажимов. Для оптимизации профессиональной деятельности педагога и профилактики синдрома эмоционального «выгорания» применение данного тренинга позволяет существенно снизить уровень напряжения в профессиональной среде, улучшить самочувствие, активность, настроение, и исследовать динамику позитивного образа педагога как субъекта педагогического процесса.

Литература

1. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия. 2008. – 348 с.
2. *Акиндинова И.А., Баканова А.А.* Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагога: проявления и профилактика // Педагогические вести. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, № 5. С. 34.
3. *Беляев Г.С., Лобзин В.С., Копылов И.А.* Психогигиеническая саморегуляция. Л., 1997. С. 45-52.
4. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999. – 105 с.
5. *Борисова М.В.* Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. №2, 2005. С.97-104.
6. *Бурмистрова Е.В.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях (предупреждение кризисных ситуаций в образовательной среде): Методические рекомендации для специалистов системы образования. М.: МГППУ, 2006. – 96 с.

7. *Водопьянова Н.Е.* Синдром выгорания: Диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

8. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т.22. №1. С. 90-101.

9. *Поваренков Ю.П.* Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций развития в процессе профессионального становления личности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: сборник научных трудов V всероссийской научно-практической конференции, 23-24 ноября 2011 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2011. С 23-31.

10. *Стишенок И.В.* Тренинг уверенности в себе: развитие и реализация новых возможностей. СПб.: Речь, 2012. С. 21-28.

11. *Форманюк Т.В.* Синдром эмоционального сгорания как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии, 1994. № 6. С. 54-68.

А.В. Романенко, С.Ш. Романенко

О синдроме личностного и профессионального «выгорания» сотрудников правоохранительных органов

В рамках данной статьи рассмотрим «выгорание» с позиции дестабилизирующего психического процесса, который содействует досрочному достижению наибольшего состояния психофизического ресурса сотрудников правоохранительных органов в ходе выполнения задач, связанных с профессиональной деятельностью.

Известно, что любая профессиональная деятельность накладывает заметный отпечаток на характер человека. Изменения в личности определяются содержанием, организацией и условиями осуществления деятельности. Они развиваются постепенно, закрепляются и со временем превращаются в устойчивые психологические характеристики личности.

Особо отметим, что специфика правоохранительной деятельности, сложность условий ее осуществления, психоэмоциональные и физические перегрузки способствуют развитию профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов [Беребин, 1996].

Напомним, что профессиональная деятельность сотрудника правоохранительных органов связана с большими физическими, эмоциональными и интеллектуальными перегрузками, в т.ч. и экстремальными ситуациями, что в большинстве случаев ведет к возникновению агрессии и раздражительности, усталости, апатии и равнодушию. Данные симптомы, наблюдающиеся у сотрудников правоохранительных органов продолжительное время, могут указывать на возникновение личностного и профессионального «выгорания».

Результаты такого состояния отрицательным образом сказываются на качестве и эффективности осуществления сотрудником правоохранительных органов процесса выполнения поставленных ему задач, способствуют ухудшению отношений с другими членами коллектива и нарушению взаимоотношений в семье. В случае если негативные явления связанные с «выгоранием» будут продолжаться, то через определенное время это может подтолкнуть человека к серьезным решениям вплоть до решения о прекращении своей деятельности в правоохранительной структуре.

Считаем, что обозначенные обстоятельства показывают актуальность исследований в данном направлении с учетом специфики деятельности сотрудника правоохранительных органов, индивидуальности решаемых задач, важности личностной самореализации сотрудников. Также изучение вопросов, касающихся «выгорания», может содействовать в работе по предупредительным мерам в отношении текучести кадров.

Термин «эмоциональное выгорание» был предложен Х.Дж. Фрейденбергером в 1974 году для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально насыщенной атмосфере при оказании профессиональной помощи [Ильин, 2001].

В 1982 г. Р. Шваб расширил группу профессионального риска – это учителя, полицейские, юристы, тюремный персонал, политики, менеджеры всех уровней.

После 1989 г. стали употреблять словосочетание «выгорание эмоций», однако упуская, что это лишь один из элементов синдрома «выгорания личности». Часто используют термин «профессиональное выгорание», подчеркивая результат – ухудшение работоспособности, упуская главное – деформацию личности профессионала.

Интерес к исследованию синдрома выгорания вырос после того, как американские ученые Маслач и Джексон систематизировали описательные характеристики данного синдрома и разработали опросник для его количественной оценки. Согласно авторам, синдром выгорания проявляется в трех группах переживаний: эмоциональном истощении, деперсонализации и редукции личных достижений» [по материалам сайта www.fos.ru].

Главная причина «выгорания» – психологическое, душевное переутомление от профессионально вынужденного общения. Особенно быстро оно наступает при чрезмерной нагрузке у людей, которые по долгу службы постоянно находятся в контакте с людьми. Однако «выгорание» может проявиться и в процессе добровольного общения, когда оно происходит в неформальной обстановке, но касается непосредственно профессиональной деятельности.

Одним из факторов влияющих на формирование у сотрудников симптома «выгорания» можно обозначить, как социальное настроение. Социальное настроение, являясь реальным социально-психологическим образованием, в социологическом осмыслении предполагает акцент, во-первых на детерминации

его социальными условиями, во-вторых, на соответствие условий среды потребностям, на развитость их; в-третьих, влияние этого феномена на эффективность трудовой деятельности людей. Социальная среда и положение человека в ней, проявляющееся ощущением нужности и личностной значимости, являются ведущими факторами социального самочувствия.

Социальный оптимизм (или пессимизм) личности, сильно зависит от того, насколько совпадают ее идеалы с профессиональной деятельностью человека.

Существуют три фазы «выгорания».

1) «Уменьшение эмоций». У некоторых сотрудников на фоне утомления возникает, стремление лучше работать с людьми. Это происходит не по причине повышения качества работы, а в результате попытки продолжать работать более качественно вопреки утомлению. Причина кроется в эмоциональных особенностях и личностной установке человека на решение вопроса. Далее «сверхсочувствие» сменяется приступами равнодушия к людям, в результате накопившейся усталости. Оно овладевает сотрудником, и в дальнейшей деятельности может проявляться в отношении других сотрудников и к окружающим. Вследствие больших эмоциональных перегрузок наступает физическое и умственное истощение. В результате у отличного профессионала (если он продолжает напряженно работать с людьми), происходит «уменьшение эмоций», когда исчезает обостренность чувств и снижается уровень переживаний.

2) «Конфронтация с посетителем». К примеру, некоторые сотрудники патрульно-постовой службы могут обсуждать с высоты своего положения с издевкой обратившихся за помощью граждан. Первоначально после вспышек усердия и желания как можно лучше выполнять свои обязанности, возникает застойное переживание обиды на несправедливость поначалу из-за конкретного события.

Данное чувство становится гнетущим: сотрудники испытывают обиду за недостаточное одобрение со стороны руководства, видит неблагодарность обратившихся с проблемой граждан, переживает что «за такую работу платят мало денег». «Выгорание» ведет сотрудника к игнорированию обратившихся за помощью граждан, уклонению от работы с ними, затем возникает желание максимально снизить возможность неприятных контактов.

Если «выгорающий» человек, по служебной необходимости, вынужден работать с людьми, то он начинает чувствовать стойкую неприязнь ко всем обращающимся к нему людям. Если ему не удастся скрыть свое раздражение, то однажды происходит взрыв: человек выплескивает озлобленность и агрессию. Жертвой, как правило, становится ни в чем не повинный человек, который ждал помощи, понимания или хотя бы участия.

3) «Утрата ценностных ориентаций». Данная фаза «выгорания» наиболее социально и экономически опасна. При общении с сослуживцами у сотрудника возникает навязчивое недоверие к их высказываниям, которое может чередоваться или сочетаться с ощущением снижения компетентности в работе. Такой человек склонен во всем находить негативные стороны, он сразу обращает внимание на недостатки. «Выгорающего» часто охватывает ощущение своей

профессиональной некомпетентности. Он может пытаться сменить занимаемую должность на другую работу в правоохранительной системе, но если и там он будет работать с людьми, то «выгорание» будет усугубляться, ведя к профессиональной и личностной деформации, затрудняя процесс межличностного общения, заставляя отгородиться от окружения, включая родственников. Завершает нарастание данной фазы «выгорания» утрата представлений о ценностях жизни, т.е. состояние, в котором человеку становится все не интересно и не важно.

Иными словами, на последнем этапе специалист переживает утрату профессионального мастерства, в том числе по причине собственного самообесценивания [Орел, 2001]. Это проявляется в процессе повседневного общения и сравнения себя с более молодыми сотрудниками проявляющееся в высказываниях: «Наше время прошло», «я не умею работать с этой компьютерной версией».

Выгорание может быстро распространяться среди сотрудников. Те, кто подвержен выгоранию, становятся циниками, негативистами и пессимистами; взаимодействуя на работе с другими людьми, которые находятся под воздействием такого же стресса, они могут быстро превратить целую группу в собрание «выгорающих». Наибольшая вероятность того, что это случится, существует в организациях с высоким уровнем стресса [Андреева, Богомолова, Петровская, 1978].

В целом, «выгорающая личность» создает отрицательный климат в коллективе, заражает его своим пессимизмом. «Выгорание» может охватить и его коллег по профессии. При массовом «выгорании» снижаются человечность взаимоотношений, взаимопомощь и начинаются конфликты, что отрицательно сказывается на микроклимате в коллективе, провоцирует сослуживцев к смене места работы. «Выгорание» может возникать как подражание опытному, но выгорающему профессионалу, следование новичка традициям группы «выгорающих» работников. Заражение «выгоранием» может происходить из-за представления о пользе его симптомов. «Выгоревший», озлобленный на всех и на себя руководитель нередко понуждает помощника уподобиться себе. Это проявляется в возможности начальника вызвать подчиненного к себе для разговора «по душам», где почти в неформальной обстановке руководитель представит сотруднику ситуацию так, как это выгодно ему в процессе разговора постоянно утвердительно интересуясь :«Ну ты согласен же с этим!».

Другим важным фактором, провоцирующим «выгорание», становится длительный конфликт душевных, психических ресурсов человека с условиями их реализации в жизни. Эти два пути выгорания могут сочетаться, усугублять и ускорять деформацию личности.

Адаптируя выделенные К. Маслач формы несоответствия личности человека требованиям и условиям профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов, можно выделить шесть условий, ведущих к «выгоранию»:

1. Несоответствие требований к сотруднику и его возможностей. После первых искренних попыток делать наилучшим образом все, что требуется, понимая, что это не удастся, человек работает хуже, чем способен. Ощущение своей непригодности и низкого качества результатов труда, препятствует оптимальной самореализации. Возникает и прогрессирует деформация личности.

2. Ограничение жажды самостоятельности сотрудника условиями деятельности. Первоначальный энтузиазм сменяется ощущением угнетенности и бесполезности. В поведении сотрудника может появляться озлобленность не только по отношению к руководству, но и к окружающим. Появляется безответственность по отношению к своим функциональным обязанностям.

3. Несоответствие вознаграждения ожиданиям сотрудника, субъективно оценивающего свой трудовой вклад в общее дело ведомственной организации.

4. Отсутствие положительной поддержки сослуживцами: из-за их личного «выгорания», или их производственной изолированности либо отличий (этнических, культурных, социальных и др.).

5. Ущемление чувства справедливости не только к сотруднику, но и к сослуживцам: непризнание заслуг, наказание за совершенные проступки. В случае, когда сотрудник неоднократно сталкивается с предвзятым отношением, это может привести к «выгоранию», если человек не находит сил или средств активно противостоять несправедливому обращению.

6. Несоответствие между морально-этическими принципами человека и тем, что от него требуется делать в его профессиональной деятельности. Указанное несоответствие возможно у сотрудников правоохранительной системы, когда они вынуждены применять в боевой, критической обстановке приемы, методы, кажущиеся негуманными, аморальными с позиции обычных граждан, живущих в «мирное время», в благополучии благоустроенной жизни, незаметно охраняемой профессионалами-силовиками.

Психологами, работающими в правоохранительных органах, изучено «выгорание личности» как начальный и базовый этап профессиональной деформации личности [Дубов, Опалев, 1998]. Согласно Э.Ф. Зеер, профессиональная деформация – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности [Зеер, 2002]. Например, многолетнее профессиональное «общение» с правонарушителями, может деформировать работающего с ними профессионала – сотрудника ОВД. На него воздействует и многократный стресс при задержании и обезвреживании преступников (а это может провоцировать посттравматические стрессовые расстройства), и специфические моральные нагрузки (ведущие к «выгоранию личности»), и часто вынужденно ненормированные рабочие дни. Это может создавать сложнейшую картину изменения личности сотрудника правоохранительных органов. При общении с правонарушителями сотрудник пытается увидеть ситуацию глазами задержанного, и изменить ее изменить под собственное видение картины реальности [Китаева-Смык, 2007].

А.В. Буданов, изучавший профессиональную деформацию сотрудников ОВД, описал ее важнейшие компоненты. Он пишет, что в профессионально-нравственной сфере деформация личности проявляется в утрате адекватного представления о гражданском и нравственном смысле профессиональной деятельности, формировании ощущения ее бесперспективности, в притуплении профессионального долга, росте эгоцентризма и эгоизма. Как следствие – формальный подход к работе или использование профессиональной деятельности для достижения личных целей. В интеллектуальной сфере происходит притупление способности к самостоятельному мышлению, к принятию решений, затруднения с принятием решений в нестандартной ситуации, завышенная оценка своих знаний и способностей; снижение общего объема знаний, используемых при решении профессиональных задач, развитие некритического отношения к собственному мнению и оценкам происходящего; преувеличенное внимание к персональному, профессиональному опыту. В эмоциональной сфере наблюдается огрубление чувств, сужение и обеднение эмоционально-психологической сферы личности, ослабление способности контролировать и регулировать свои эмоции и чувства; развитие ощущения эмоциональной неуравновешенности, повышение уровня конфликтности (внешнее и внутреннее), ослабление волевых качеств и способности к сознательному самоконтролю. К этому нередко присоединяется состояние перманентной усталости и депрессии [Буданов, 1992].

В.С. Медведев отмечает, что личностные свойства людей, с которыми по долгу службы вынужден «общаться» сотрудник ОВД, могут провоцировать у него «деформацию личности». Так, наиболее негативное влияние было выявлено у сотрудников уголовного розыска: их «клиенты» социально-опасные и агрессивные люди (убийцы, насильники, воры, хулиганы). Средняя степень деформации личности отмечена у работников патрульно-постовой службы, им приходится работать, как правило, с нормальными людьми, предотвращая или фиксируя правонарушения. Низкая степень деформации, по понятной причине, у сотрудников паспортной и кадровой служб» [Медведев, 2001]. Возможно, деформация личности сотрудника происходит от того, что при общении с правонарушителями сотрудник пытается подвести ситуацию под собственное видение картины реальности, т.е. задержанный в глазах сотрудника уже преступник.

На наш взгляд, наиболее «коварная» причина деформации личности сотрудника правоохранительных органов возникает из-за необходимости учитывать, логику мышления преступника, мысленно следовать за ней. Чтобы раскрыть преступление, сотрудник вынужден ставить себя на место преступника, знать его манеры и привычки, жаргон. Так происходит если у сотрудника ОВД отсутствуют некоторые важные качества – умение периодически разотождествляться от других, психологически самоочищаться, сохраняя свое «Я». Сотрудник правоохранительных органов должен иметь стойкое, профессионально оформленное «сверх-Я», то есть неодолимые никакими соблазнами и увлечениями морально-нравственные устои. Они не оставляют возможности для пре-

вращения защитника законности в правонарушителя, даже если сотрудник ОВД мысленно следует за помыслами преступника.

Стоит отметить, что профессиональная деформация проявляется изменениями в профессиональной деятельности и в поведении. Например, меняются профессиональные привычки, стиль общения и навыки, которые затрудняют успешное осуществление профессиональной деятельности. Здесь наблюдается формальное отношение к выполнению функциональных обязанностей, перенос большей доли специфических профессиональных действий, стереотипов и установок на поведение вне работы и т.д. Также профессиональная деформация вызывает нежелательные преобразования в психических процессах, состояниях, свойствах, качествах, и структуре личности человека. Эти преобразования влекут за собой изменения в отрицательную сторону профессиональных возможностей личности и ее склонностей.

Итак, несоответствие условий жизни и работы чаяниям и способностям человека приводит к «выгоранию».

Обычно «синдром выгорания» представляют как негативные изменения в состоянии и личности профессионала, то, что наносит вред человеку и его работе. Но Трунов Д.Г. говорит, что нельзя однобоко подходить к данному явлению. Он представляет симптомы «выгорания» как внешние проявления некоторых естественных процессов, происходящих в работнике во время выполнения им должностных обязанностей: «В какой-то мере – это друзья профессионала помогающие ему узнать, что с ним происходит. Восприятие этих сигналов как врагов означает отказ от предоставляемой возможности более глубокого понимания себя и своей деятельности» [см. Трунов, 1998].

С учетом изложенного особую актуальность приобретают вопросы, связанные с возможностями по противодействию синдрома «выгорания». Считаем, что важная роль отводится руководителям, которые должны выявлять и устранять намечающиеся тенденции по «заражению выгоранием» сотрудников. Также «выгорание» можно избежать, если семья и друзья поддерживают в человеке убежденность в том, что, несмотря на трудности, он может проявить себя достойно.

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская А.Л. Зарубежная социальная психология XX столетия. М., 1978.
2. Березин М.А. Факторы риска психической дезадаптации и ее распространенность у педагогов общеобразовательных школ // Автореф. канд. дисс, СПб, 1996.
3. Буданов А.В. Работа с сотрудниками органов внутренних дел по профилактике профессиональной деформации: Практическое пособие для руководящих работников УВД, ОВД, служб по работе с личным составом, подразделений морально-психологического обеспечения деятельности ОВД М.: ГУВД г. Москвы, 1992.

4. *Дубов Г.В., Опалев А.В.* Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. М., 1998.
5. *Зеер Э.Ф.* Профессионально-образовательное пространство личности. Рос. гос. проф.-пед.ун-т; Нижнетагил. гос. проф. колледж им. Н.А. Демидова. Екатеринбург, 2002. – 126 с.
6. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. – 752 с. (Серия «Мастера психологии»).
7. *Китаева-Смык Л.А.* Психология стресса - 2: Психологическая антропология стресса // Вопросы психологии экстремальных ситуаций», 2007. № 4. С. 2-21.
8. *Медведев В.С.* Психология профессиональной деформации сотрудников внутренних дел // Автореф. ...дисс. докт. психол. наук. Киев, 1991.
9. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии. Эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. №1. С. 16 – 21.
10. *Трунов Д.Г.* Синдром «сгорания»: позитивный подход к проблеме // Журнал практического психолога. 1998. № 8. С. 84-89.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Д.В. Оводенко

Социально-психологические факторы стратегии развития человеческого капитала

Научный руководитель Ж.В. Горькая

*«Какие три вещи, которые я могу проверить,
являются Вашими главными поводами
для гордости за последние 3-5 лет?»
Бизнес-тренер А. Левитас*

Сколько стоит человек? Размышляя над ответом хочется уточнить: в каком возрасте, в какой стране, за какой отрезок времени, до обучения или после, с какими умениями и т.д. К вопросу стоимости человека мы вернемся позже, а прежде найдем ответ на следующий вопрос: как назвать общность людей с их навыками и умениями? Семья, род, организация, университет, армия, государство? Наиболее подходит под эту категорию общепринятое определение: *человеческий капитал* – это совокупность знаний, способностей, умений, навыков, для удовлетворения многообразных потребностей человека в обществе и общества в целом. Этот термин первым ввел американский экономист Теодор Шульц в 1961 г., а его соратник Гэри Беккер стал развивать эту идею с 1965 г., обосновал эффективность вложений в человеческий капитал и сформулировал экономический подход к человеческому поведению и в 1992 г. за эту теорию он получил Нобелевскую премию по экономике.

Изначально под человеческим капиталом понималась совокупность вложений в человека, повышающая его способность к труду, позже стали включать в него потребительские расходы семей (питание, одежда, жилище, образование, страхование) и расходы государства на эти же цели. Человеческий капитал – это интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и комфортное качество жизни, забота человека о государстве и наоборот.

В настоящее время человеческому капиталу уделяется главная роль в развитии инновационной экономики и экономики знаний, как следующего высшего этапа развития. Большую прибавочную стоимость продукта можно создать за счет массового потребления, через идеи, изобретения и их реализацию. Напри-

мер, социальная сеть Facebook была создана в 2004 г. 20-летним студентом Марком Цукербергом и его соседями по комнате во время обучения в Гарвардском университете. Для всех пользователей соцсеть открылась в 2006 г., а уже в 2007-м благодаря Facebook 23-летний Марк Цукерберг стал самым молодым миллиардером планеты. По состоянию на июль 2014 г. на Facebook зарегистрировано 1,32 млрд пользователей. Facebook – первый сайт, который преодолел миллиардную отметку зарегистрированных пользователей. Через 3 года идея воплотилась в мировой проект со стоимостью более 40 миллиардов долларов США. Не много отраслей экономики, которые могут показать такую динамику и подход.

Человеческий капитал бывает: 1.Индивидуальный 2.Организации. 3.Национальный. В данной статье мы оперируем национальным человеческим капиталом (далее НЧК) – это человеческий капитал страны, являющийся составной частью её национального богатства. НЧК включает социальный, политический капитал, национальные интеллектуальные приоритеты, национальные конкурентные преимущества и природный (способность изобретать) потенциал нации. Национальный человеческий капитал измеряется его стоимостью, рассчитываемой различными методами, например по инвестициям или методом дисконтирования. НЧК составляет более половины национального богатства каждой из развивающихся стран и свыше 70-80% – развитых стран мира. В России около 50%. Национальный человеческий капитал в XX и XXI веках являлся и остается главным интенсивным фактором развития экономики и общества. Для использования человеческого капитала в экономике должен быть измеритель стоимости.

Как измерить человеческий капитал? В международной практике существует «индекс экономической свободы»— это показатель, ежегодно рассчитываемый газетой Wall Street Journal и исследовательским центром Heritage Foundation по большинству стран мира. Анализ экономической свободы проводится с 1995 года. В 2010 г. в рейтинге представлены 183 страны, однако количественные показатели получили только 179. Четырём государствам: Афганистану, Ираку, Лихтенштейну и Судану аналитики не смогли присвоить цифровых показателей из-за отсутствия достоверной статистической информации. Эксперты Heritage Foundation определяют экономическую свободу как «отсутствие правительственного вмешательства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой». Индекс экономической свободы базируется на 10 показателях, измеряемых по шкале от 0 до 100 (где 100=max свободе, а 0 = min). Индексы экономической свободы: 1.Свобода бизнеса; 2.Свобода торговли; 3.Налоговая свобода; 4.Свобода от правительства; 5.Денежная свобода; 6.Свобода инвестиций; 7.Финансовая свобода; 8.Защита прав собственности; 9.Свобода от коррупции; 10.Свобода трудовых отношений. Данные 2011 года: Россия на 139 месте (50,5 балла) в разделе «страны преимущественно с несвободной экономикой». Грузия – 29 место, Казахстан – 78 место, Белоруссия – 155, Украина – 164. Можно не соглашаться с местом РФ в ми-

ровом рейтинге, но хотел бы обратить внимание на систему указанных индексов, они все «внешние», то есть внешнего поведенческого проявления, где государство создает для своего гражданина «внешние» условия и не создает «внутренние». Речь идет о создании внутреннего мотивационного механизма для гражданина в рамках стратегии развития человеческого капитала. Кто его будет создавать? В Правительстве РФ образованием, здравоохранением, соцзащитой, спортом, обороной, промышленностью, экономикой, сельским хозяйством и др. занимаются профильные министерства. Какое министерство (департамент) курирует человеческий капитал? Нет такого органа. Ведение кадровой работы не в счёт, она ведется. Поэтому предлагаем ввести новый мировой индекс для оценки человеческого капитала, предлагаемая шкала:

1.Наличие федерального органа исполнительной власти – «Министерства Человеческого Капитала», (разработка и сопровождение стратегии, планирование).

2.Механизм профессиональной ориентации (особенно до 17 лет и старше) – как инструмент государственной политики на всех уровнях.

3.Делает прогноз востребуемых (исчезающих и появляющихся) профессий в горизонте планирования 30-50 лет.

4.Единый формат профессиональной ориентации в «детский сад – школа-лицей-ВУЗ-предприятие-занятость на пенсии».

5.Бесплатное предоставление доступа к государственному portalу по конструированию «личной профессиональной траектории».

6.Единый механизм учета человеческого капитала, трудоустройства, развития, продвижения, «пенсионной занятости».

Демография и национальный человеческий капитал. Как можно выразить стоимость человеческого капитала? Через его перемещение, распределение по территории, прирост, зависимость от социально-экономических и природных условий, состав населения, их изменения, причины и следствия этих изменений и рекомендации по их улучшению. Это и есть демография – наука о закономерностях воспроизводства населения. Трудно оценить экономический ущерб от демографической проблемы. Мало известно об экономических потерях России от депопуляции. Трудно оценить жизнь отдельного гражданина, она бесценна. Детская смертность, нескорая медицинская помощь, аварии, катастрофы... Поэтому можем использовать методики, необходимость которых вызвана страхованием жизни и здоровья. Так, например, по оценке Минтранспорта США, жизнь одного гражданина «стоит» 3 млн. долл. Это означает, что сокращение граждан на 700 000 человек ведет к ежегодным экономическим потерям России порядка 2000 млрд. долл. США, т.е. величине, приблизительно равной ВВП страны в 2006 году. Понятно, что эти расчёты «в первом приближении», но они иллюстрируют масштабы экономических потерь страны. Это расчет стоимости через страхование, но есть и другие расчеты: а) через затраты государства и семьи на содержание; б) полученный результат минус затраты на содержание (армия, чиновники).

Демографическая проблема была четко поставлена в послании В.Путина Федеральному Собранию в 2006 г., которое даже назвали «демографическим». К тому времени голоса экспертов и общественности, обеспокоенных демографической ситуацией, стали особенно слышны. Так, в 2004 г. эксперты ООН подчеркивали, что Россия остро нуждается именно в населении, и, хотя рост производства и использования знаний может до некоторой степени смягчить последствия неблагоприятной демографической динамики, снять все проблемы, порождаемые абсолютным демографическим дефицитом, он не может.

У НЧК большая экономическая стоимость, демографические факторы ослабляют или усиливают экономическое развитие страны. Вывод очевиден: необходимо создание механизмов управления повышением стоимости человеческого капитала. Мировая история знает различные способы управления НЧК: ограничение рождаемости через установление лимитов новорожденных на одну семью (Китай), изъятие паспортов у колхозников (СССР), специальные повышающие «северные» надбавки к заработной плате (СССР), продолжительная и ограничивающая система выезда за границу на ПМЖ (страны соцлагеря) и др. Но это жесткие административные меры и тоже «внешние». Попробуем рассмотреть «внутренние».

Итак, основные негативные демографические процессы: низкая рождаемость, высокая смертность, концентрация населения в крупных промышленных регионах и областных центрах, выезд населения за рубеж на ПМЖ в страны с лучшим социальным обеспечением. Причина: получение более качественного образования, поиск лучших условий проживания и высокой заработной платы. И где искать ответ? Ответ находится в области управления внутренними процессами самого человека. Речь идет о мотивации и даже самомотивации человека. Задача государства в создании простого и доступного инструмента для самомотивации любого человека с раннего возраста, оказание помощи в нахождении цели всей жизни и её достижения. Сегодня социальные технологи об этом все чаще пишут – «поставить цель за пределами своей жизни» [2]. В этом случае включается внутренний механизм саморазвития самого человека на достижение его главной цели в его жизни. С рождения нашим «градообразующим предприятием» являются наши родители и государство, позже наша выбранная или навязанная профессия, для гораздо меньшей части людей - их желанное и любимое хобби. Профессия или хобби должны стать трамплином для достижения главной цели в жизни. Видение будущей профессии закладывается в семье и школе, где «много теории, отсутствует практика и индивидуальный подход по выявлению индивидуальных особенностей» детей и подростков [3].

Считаем, что механизм стратегии развития человеческого капитала должен работать по следующему алгоритму: 1. выявляем индивидуальные способности и предрасположенности; 2. совместный выбор наиболее подходящей будущей профессии; 3. стимулирование выбора (коучинг); 4. сопровождение и корректировка.

Выявление должно происходить на стадиях школьного и ВУЗовского обучения через системный подход профессиональной ориентации школьников,

студентов и их родителей. При соблюдении этой последовательности проявляется параллельный эффект – эффект самомотивации, которая постепенно перерастает в жизненную стратегию отдельного гражданина. Мотив – это динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость. В российской науке часто определяется как «определённая потребность», то есть «вижу цель, иду к ней». Так у человека появляется жизненная стратегия. Стратегия – способ действий, модель поведения, общий, не детализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели, являющейся неопределённой и главной для управленца на данный момент, в дальнейшем корректируемой под изменившиеся условия существования управленца-стратега. Стратегия развития человеческого капитала должна объединить единый центр управления и новые «технологии внутреннего обучения превращают социальный капитал в интеллектуальный» [1].

Самомотивация или мотивация достижения. В отечественной психологии одним из наиболее авторитетных авторов по данной проблематике является Т.О. Гордеева. Под мотивацией достижения ею понимается мотивация достиженческой деятельности. Достиженческая деятельность – деятельность, связанная с целенаправленным преобразованием субъектом окружающего мира, себя, других людей и отношений с ними. Такая деятельность «мотивируется стремлением сделать что-то как можно лучше и/или быстрее, совершить прогресс, за которым стоят базовые человеческие потребности в достижении, росте и самосовершенствовании».

Также в отечественной психологии мотивация достижения исследуется М.Ш. Магомед-Эминовым, который определяет мотивацию достижения как функциональную систему интегрированных воедино аффективных и когнитивных процессов, регулирующих процесс деятельности в ситуации достижения по всему ходу её осуществления. Можно выделить особые структурные компоненты, выполняющие специфические функции в процессе мотивационной регуляции деятельности: мотивация актуализации (побуждение и инициация деятельности), мотивация селекции (процессы выбора цели и соответствующего ей действия), мотивация реализации (регуляция выполнения действия и контроль реализации намерения), мотивация постреализации (процессы, направленные на прекращение действия или смену одного действия другим).

Выводы. Системные кризисы последних 10-летий указывают нам на то, что основной ресурс, который позволит сделать качественный скачок в экономике в короткий срок и создать сверхприбыльные проекты (через инновации, изобретения и их реализацию), лежит в области системного управления Национальным Человеческим Капиталом, настало время разработать и реализовать стратегию по развитию человеческого капитала в России: 1. Создать федеральный орган исполнительной власти — Министерство Национального Человеческого Капитала; 2. Ввести единый формат профессиональной ориентации «детский сад - школа-лицей-ВУЗ-предприятие-занятость на пенсии»; 3. Обеспечить

бесплатный доступ к единому государственному portalу по «Конструктор личной профессиональной траектории» для всех проживающих и желающих проживать на территории России; 4. Реализовать федеральный проект «Моя профессиональная траектория» в профориентации «детский сад – школа-лицей-ВУЗ-предприятие-занятость на пенсии»; 5. Обеспечить финансирование геймификации и стимулирования процесса создания «личных профессиональных траекторий»; 6. Включить в госпрограмму и обеспечить участие коучей, психологов, наставников, консультантов для запуска механизма самомотивации достижения цели через создание образа главной цели жизни участников; 7. Единый механизм учёта человеческого капитала, трудоустройства, развития и продвижения; 8. Учесть индивидуальные врожденные способности и предрасположенности участников для будущей профессии; 9. Внедрить принцип индивидуального подхода к каждому участнику; 10. Ввести соотношение теории к практике 35 х 65 в образовательных программах.

Литература

1. *Кудрявцева Е.И.* Новые горизонты управления человеческими ресурсами // Вестник Коми Республиканской Академии государственной службы и управления при Главе Республики Коми. Сер. «Теория и практика управления», № 2, 2009.
2. *Тарасов В.К.* Технология жизни: книга для героев. М.: Добрая книга, 2012. – 224 с.
3. *Якубович А.* Жизненное образование // Победители конкурса студенческих эссе «Крылья для образования-2014» [Электронный ресурс] URL: <http://ioe.hse.ru/essays#third>

АВТОРЫ

Алексеева О.В. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Астапова В.А. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Березин С.В. – заведующий кафедрой социальной психологии Самарского государственного университета, доцент, кандидат психологических наук.

Бикмаева С.М. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Будник Я.А. – выпускник факультета психологии Самарского государственного университета.

Власов А.С. – выпускник факультета психологии Самарского государственного университета.

Ворожейкин И.В. – ассистент кафедры общей психологии Самарского государственного университета.

Высочина О.В. – студентка 1 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Горькая Ж.В. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Грецова О.А. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Давыдова О.О. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Дубовенко Н.А. – студентка 1 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Евченко Н.А. – ассистент кафедры психологии развития Самарского государственного университета.

Зорина С.В. – доцент кафедры социальной психологии Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Иванова Л.В. – практикующий психолог.

Ильина В.В. – педагог-психолог Самарского техникума космического машиностроения.

Камзина О.А. – ассистент кафедры социальной психологии Самарского государственного университета.

Кириллов В.И. – главный врач Самарской городской клинической больницы № 1 имени Н.И. Пирогова, кандидат медицинских наук.

Корнилова А.В. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Крюков С.В. – соискатель кафедры психологии развития Самарского государственного университета.

Кузнецов С.О. – студент 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Литягина Е.В. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Лисецкий К.С. – заведующий кафедрой психологии развития Самарского государственного университета, профессор, доктор психологических наук.

Мухаметзянова Л.Р. – студентка 1 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Нагога А.Г. – ординатор Самарской городской клинической больницы № 1 имени Н.И. Пирогова, кандидат медицинских наук.

Носачев Г.Н. – профессор кафедры психологии развития Самарского государственного университета, доктор медицинских наук.

Оводенко Д.В. – студент 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Пытьев Н.Н. – студент 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Резникова В.Б. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Романенко А.В. – студент 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Романенко С.Ш. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Рослякова Я.С. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Самыкина Н.Ю. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Строганова Е.Ю. – студентка 2 курса магистратуры направления «Психология» Самарского государственного университета.

Титков И.А. – ассистент кафедры психологии развития Самарского государственного университета.

Труханова И.Г. – заведующая кафедрой анестезиологии, реаниматологии и скорой медицинской помощи ИПО Самарского государственного медицинского университета, профессор, доктор медицинских наук.

Ушмудина О.А. – старший преподаватель кафедры психологии развития Самарского государственного университета.

Фирсова И.А. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Шалаева А.А. – выпускница факультета психологии Самарского государственного университета.

Шапатина О.В. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

АВТОРЫ

Научное издание

Психологические исследования.
Сборник научных трудов
Выпуск 11

Под редакцией К.С. Лисецкого, В.В. Шпунтовой

Публикуется в авторской редакции
Титульное редактирование
Компьютерная верстка, макет

Подписано в печать 13.12.13

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ №.2420

Издательство «Самарский университет», 443011, Самара, ул. Акад. Павлова, 1
тел.: 8(846) 334-54-23

Отпечатано с готового оригинала-макета на УОП СамГУ